

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. В журнале поднимаются вопросы, связанные с ролью правительства как института, включая структуру, сферу деятельности и эффективность правительства, а также вопросы взаимодействия государства и органов местного самоуправления, деятельности исполнительной власти, решения проблем в экономике государственного сектора, государственных финансов и государственной политики, налогообложения, региональных стратегий, управления материальной или нематериальной собственностью национальных, региональных или местных органов власти, развития электронного правительства, управления кризисными ситуациями и ряд других

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анищица, чл.-корр. РАЕ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Юрий Васильевич Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Ольга Федоровна Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, д-р экон. наук, проф., ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Краков, Польша

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Блусь, канд. геогр. наук, доц., проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Надежда Владимировна Борисова, канд. полит. наук, доц., проф. кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукович, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры социальной географии Географического института «Иован Цвиич» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Белград, Сербия

Виктор Антонович Ковалев, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры социально-политических наук и международных отношений Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Ольга Анатольевна Козлова, д-р экон. наук, проф., зав. Центром исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН, проф. кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург

Наталья Сергеевна Козырь, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., проректор по общим вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета, проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – главный редактор

Ольга Владимировна Сибицева, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

Елизавета Александровна Троицкая, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Андрей Геннадьевич Шеломенцев, д-р экон. наук, проф., зав. отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Станислав Николаевич Шкель, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия

Главный редактор журнала –
Жанна Аркадьевна Мингалева,
д-р экон. наук, проф., проф. кафедры
экономики и управления промышлен-
ным производством Пермского
национального исследовательского
политехнического университета,
проф. кафедры государственного
и муниципального управления
Пермского государственного
национального исследовательского
университета

ORCID: 0000-0001-7674-7846

ResearcherID: E-8001-2016

E-mail: mingal1@psu.ru

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41047

Адрес учредителя и издателя
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного
и муниципального управления
Тел. (342) 239-66-89

Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Редакционная коллегия, 2019

Publisher: Perm State University

Fundamental and applied issues in the sphere of state and municipal management, economics and political science are considered in the journal. The journal is devoted to the problems of the government's roles as an institution, including scope, structure, and performance of government, interaction of state and local authorities, crisis management, development of e-Government, various aspects of the executive's activities, solving problems in the economy of the public sector, issues of public finance and public policy, taxation, regional policies, management of tangible or intangible government property, the property of regional or local authorities and other

Editor-in-Chief

Zhanna A. Mingaleva

Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Economics and Management of Industrial Production of Perm National Research Polytechnic University, Professor of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia

ORCID: 0000-0001-7674-7846, ResearcherID: E-8001-2016, e-mail: mingall@psu.ru

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Natural History Academy, Honoured Scholar of the Russian Federation, Doctor of Geography, Professor, Head of Regional, Municipal Economics and Management Department, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Political Science Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of Theoretical and Applied Political Science Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department for Economic Issues in Social Policy, Institute of Industrial Economics at the Ukrainian National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political Science and International Relations, the Jagiellonian University, Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Professor, Rector of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of the Perm Region Legislative Assembly, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Ph.D. (Geography), Associate Professor, Professor of State and Municipal Government Department, Perm State University, Perm, Russia

Nadezhda V. Borisova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Professor of Political Sciences Department, Perm State University, Perm, Russia

Victor A. Kovalev, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Socio-Political Processes and International Relations Department, Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Olga A. Kozlova, Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Natalia S. Kozyr, Ph.D. (Economics), Associate Professor of World Economy and Management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector for General Issues, Head of State and Municipal Government Department, Perm State University; Chairman of the Perm Regional Civic Chamber, Perm, Russia

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Professor, Professor of Economics and Industrial Production Management Department, Perm National Research Polytechnic University; Professor of State and Municipal Government Department, Perm State University, Perm, Russia – Editor-in-Chief

Andrey G. Shelomentsev, Doctor of Economics, Professor, Head of Regional Socio-Economic Systems Research Department, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of Political Science, Sociology and Public Relations Department, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

Olga V. Sivintceva, Ph.D. (Political Science), Associate Professor of State and Municipal Government Department, Perm State University, Perm, Russia – Managing Editor

Elizaveta A. Troitskaya, Ph.D. (Political Science), Associate Professor of State and Municipal Government Department, Perm State University, Perm, Russia

Darko Vuković, Doctor of Economics, Professor, Full Professor of Social Geography Department, Geographical Institute "Jovan Cvijić" of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia

The journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission at the Russian Ministry of Education and Science for the following groups of research specialties: 23.00.01 – Theory of a policy, history and methodology of a political science (Political Science);

23.00.02 – Political institutes, political processes and technologies (Political Science);

23.00.05 – Political Regional Studies. Ethnopolitics (Political Science).

Published by State and Municipal Government Department of Perm State University

Distributed within the Russian Federation and abroad

Subscription index in the "Press of Russia" catalogue (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047

Publisher Address: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Editorial Board Address: State and Municipal Government Department, Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Tel. +7(342)239-66-89. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Пахомова Л. М.** Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок 184
- Андрюшина Е. В., Панова Е. А.** Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи 200

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

- Оборин М. С.** Повышение эффективности управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий 220
- Либак В. В.** Оценка институтов развития бизнеса предпринимателями города Владивостока 237

III. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

- Ковин В. С., Петрова Р. И.** Конкурсная модель рекрутирования глав в политическом пространстве промышленных городов Урала: специфика и типология 267

IV. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Narutyunyan G. E., Davtyan A. G.** Issues of International Cooperation in Defense Industry: Critical Review 287
- Ворончихина Д. Н.** Арктический совет как международный форум сотрудничества государств: участие России 306
- Данилова Г. А.** Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему 330

CONTENTS

I. STATE POLICY AND POLITICAL INSTITUTIONS: HISTORIC AND PRESENTDAY ISSUES

- Pakhomova L. M.** Problems of Definitions in Legal Regulation
of the Public Procurement System 184
- Andryushina E. V., Panova E. A.** The Impact of State Policy
on the Family Strategies of the Student Youth 200

II. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Oborin M. S.** Improving the Agricultural Services Management
Efficiency through Digital Technologies 220
- Libak V. V.** Analysis of Development Institutions Perception
by the Entrepreneurs of Vladivostok 237

III. LOCAL SELF-GOVERNMENT AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES

- Kovin V. S. and Petrova R. I.** Competitive Model of Recruiting Leaders
in the Political Space of Industrial Ural Cities: Specificity and Typology 267

IV. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Harutyunyan G. E. and Davtyan A. G.** Issues of International
Cooperation in Defense Industry: Critical Review 287
- Voronchikhina D. N.** The Arctic Council as an International Forum
of the State Cooperation: the Participation of Russia 306
- Danilova G. A.** Issues of Nation-Building in the Latin American
Intellectuals and Elites Rhetoric: from the Past to the Present 330

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо направить научную статью на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru. В тестовом режиме организована подача статей в режиме online на сайте <http://press.psu.ru>, в разделе «Ars Administrandi (Искусство управления)» (Open Journal Systems).

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т. е. согласием автора (соавтора) на опубликование статьи

в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Ольга Владимировна Сивинцева. Тел./факс (342) 2-396-689. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 339.186:347.4

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-184-199

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

Л. М. ПАХОМОВА

Пермский филиал «Национальный исследовательский университет

“Высшая школа экономики”», г. Пермь, Россия

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Пахомова Л. М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 184–199. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-184-199.

Введение: современная система контрактных отношений насыщена многообразием терминологического аппарата, который до сих пор не определен. Термины «публичные торги» и «закупки», а также другие дефиниции, связанные с контрактной системой, зачастую определяются не четко, не имеют главных, отличающих друг от друга признаков. При этом, законодательство Российской Федерации не дает исчерпывающего определения данных понятий. Исследования подобных дефиниций отличаются большим разнообразием и также далеки от единства, что может свидетельствовать о признании государственных и муниципальных закупок в России комплексным институтом, требующим установления четкой системы терминологического аппарата, определенности в признании правовой природы, установления специфических особенностей источниковой базы.

Цель: исследование дефиниций, используемых в системе контрактных отношений, для их легального закрепления в нормативно-правовых актах, а также выделение тех терминов, определение которых является необходимым для развития системы государственных и муниципальных закупок.

Методы: сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов, метод теоретического исследования, системного анализа, дедуктивно-индуктивный метод.

Результаты: в результате проведенного исследования может быть предоставлено следующее определение публичных закупок. Это проведение конкурентных и определенных законодательством неконкурентных процедур закупок государственными и муниципальными заказчиками в интересах общества и государства.

Кроме того, должен быть определен термин «государственная и муниципальная нужда». Дефиницию «нужда» следует интерпретировать через понятия общественной нужды и госу-

дарственной (муниципальной) нужды. При этом общественная нужда – это потребность общества в товарах, работах, услугах, которая обеспечивается заказчиками (в том числе государственными и муниципальными) за счет средств бюджетной системы Российской Федерации; государственная или муниципальная нужда – это потребность государственных и муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления их собственной деятельности.

Выводы: на основании проведенного сравнительного исследования предложены авторские определения дефиниций, используемых в системе контрактных отношений и определены проблемы, решение которых позволит более четко интерпретировать правовую природу публичных закупок и, соответственно, приведет к единообразию судебной и административной практики в системе контрактных отношений.

Ключевые слова: правовые дефиниции; система контрактных отношений; публичные закупки; торги; государственная и муниципальная нужда; общественная нужда; государственные и муниципальные заказчики

ВВЕДЕНИЕ

Современное законодательство о контрактных отношениях насыщено значительным многообразием терминологического аппарата. Исследования таких категорий, как государственные закупки, государственный заказ, публичные закупки, торги, тендеры, проводятся достаточно давно и с высокой степенью интенсивности. Очевидно постоянное изучение терминов, связанных с современной системой государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации. Исследования по теме можно разделить по следующим направлениям:

- терминология системы государственных и муниципальных закупок;
- история развития государственных и муниципальных закупок;
- правовая природа закупочной деятельности;
- экономические аспекты государственных и муниципальных закупок.

Такое разнообразие подходов, скорее всего, свидетельствует о признании государственных и муниципальных закупок в России комплексным институтом, требующим установления четкой системы дефиниций, определенности в признании правовой природы, установления специфических особенностей источниковой базы. При этом терминология, которая используется в нормативно-правовых актах системы государственных и муниципальных закупок, лишена четких и однозначных критериев, которые могли бы привести к определенности таких дефиниций и не вызывать альтернативную практику использования в рамках правоприменения.

Кроме того, следует отметить наличие и развитие в иностранных исследованиях иного направления изучения системы публичных закупок. Современные подходы зарубежных авторов к данной тематике достаточно прагматичны и исходят из возможности не только юридической и экономической интерпретации терминологии государственных закупок, но и возможности проведения исследований на основе построения математических моделей, исходя из анализа открытых данных. Подобные исследования могут быть реализованы на базе классических университетов, осуществляющих закупочный процесс и построение на основе этой информации моделей, способствующих

совершенствованию управленческих подходов в системе государственных закупок (Zhang et al., 2018). Такие разработки активно проводятся китайскими авторами, но пока остаются не характерными для российской исследовательской мысли, хотя могли бы иметь не только практический вариант применения, но и быть использованы для дальнейшего развития теоретических исследований системы контрактных отношений. Кроме того, иностранными авторами выделяются узкоспециализированные темы в области государственных и муниципальных закупок, которые в перспективе способны сформировать новый вектор исследований в России (Wibiwo, 2019; Heikkilä et al., 2018).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из основополагающих категорий системы государственных закупок является дефиниция публичных закупок. Эта категория достаточно часто смешивается с понятием «публичные торги» или «торги». Поскольку критерии выделения данных терминов и разграничения указанных понятий отсутствуют, это приводит к их использованию как тождественных и хаотичности правового регулирования и правоприменения.

Понятие публичных закупок и критерии отнесения закупок к публичным долгое время не так часто становились темой исследований, возможно, в силу кажущейся очевидности этих дефиниций. Такие исследователи, как С. С. Смотрицкая, С. И. Черных, считают необходимым терминологически выделять общественные закупки, под которыми понимаются публичные закупки, регулируемые закупки предприятий государственного сектора экономики и оборонные закупки (Смотрицкая и Черных, 2017, с. 35). В более ранних диссертационных исследованиях, например С. А. Бордуновой, дается определение государственных закупок как процесса, направленного на приобретение товаров для государственных нужд, финансирование которых ведется в основном из средств налогоплательщиков (Бордунова, 2011).

Кроме того, ряд исследователей высказывают разнообразные мнения по целям и критериям отнесения данных терминов к публичным или частным правоотношениям. Так, в учебнике по предпринимательскому праву Российской Федерации определение публичных закупок выглядит следующим образом: публичные закупки – это закупки, проводимые публично, т. е. среди неопределенного круга потенциальных поставщиков, как правило, на специальных электронных площадках (сайтах) в сети Интернет. К публичным закупкам относятся государственные (муниципальные), «корпоративные» и иные публичные закупки (Афанасьева и др., 2017).

Считаем такую позицию достаточно спорной, поскольку она формулирует не цель осуществления закупок в интересах общества и государства, что является наиболее значимым в закупочной терминологии, а публичный характер их проведения.

Кроме того, исследование понятия затруднено неопределенностью той сферы законодательства, которая могла бы быть определяющей для данной дефиниции. Так, В. В. Кикавец, К. И. Фамиева относят систему публичных закупок к административному законодательству и определяют процессы

администрирования процедур (Кикавец, 2010; Фамиева, 2014). К. Б. Маркелов трактует государственные и муниципальные закупки через институт бюджетного права (Маркелов, 2012). Подобные точки зрения имеют серьезное правовое обоснование в связи с тем, что субъектный состав, участвующий в реализации закупочной деятельности лиц, определяется через категории отношений к органам власти либо в целом к бюджетной сфере. Принципы организации контрактных отношений, применение императивных норм в отношении участников процедур определения поставщиков могут быть интерпретированы именно как категории административного права.

Вместе с тем на современном этапе развития правового регулирования государственных и муниципальных закупок в работах таких исследователей, как Н. А. Курц, С. В. Карасева, М. В. Шмелева, формируется иная точка зрения, в силу которой эта область правоотношений должна быть рассмотрена через специфику гражданско-правового регулирования, поскольку такие дефиниции публичных закупок, как порядок заключения, изменения, расторжения государственных и муниципальных контрактов, гражданско-правовых договоров, рассматриваются через нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (Курц, 2013; Карасева, 2013; Шмелева, 2018). Кроме того, при рассмотрении споров, связанных с системой публичных закупок, суды часто исходят из положения о контрактах как договорах, заключенных на основании положений Гражданского кодекса с особенностями регулирования.

Обратимся к исследованиям терминов «публичные торги» и «торги». Понятие «торги» как с точки зрения истории происхождения, так и с юридико-теоретической позиции изучается более активно, нежели дефиниция «закупки». Выделяются исследования, которые обращаются к истории возникновения данного термина, связывая его с упоминаниями в источниковой базе как российской, так и иностранной литературы, а также исследования, направленные на применение этого понятия в законодательстве Российской Федерации (Диденко и Артемов, 2015). Необходимо выделить комплексные диссертационные исследования, посвященные вопросам теоретического изучения торгов и их правового регулирования, прежде всего, в гражданском законодательстве (Беляева, 2012), а также исследования экономического генезиса термина «торги» и его использование в контексте категорий экономического характера (Барсегова, 2011). Наряду с обозначенными работами, можно отметить исследования торгов применительно к узкоспециализированным областям правоприменения, например истории антикварных книжных аукционов в России, где аукционы определяются как разновидность торгов (Семина, 2008) или аукционов по продаже радиочастотного спектра (Володина и др., 2013).

Еще одной дефиницией, так и не получившей законодательного регулирования, является понятие «государственная или муниципальная нужда». Изучение термина обусловлено необходимостью определить потребности государства и отделить их от потребностей других участников закупочной деятельности. В исследованиях понятия нужды наблюдаются совершенно разные, порой противоположные подходы. Так, Р. Р. Абдулвагапова трактует нужду через понятие «публичная нужда», характеризуя юридическую катего-

рию «публичные нужды» через правовое средство, которым можно характеризовать функции публично-правовых образований в имущественном обороте. Посредством этой юридической категории определяются имущественные публичные потребности, конкретизируются публичные задачи, для решения которых соответствующие публично-правовые образования вступают в договорные отношения (Абдулвагапова, 2008, с. 10). Другой автор считает, что при определении государственных нужд необходимо указывать на наличие пределов отнесения тех или иных потребностей к государственным нуждам, обозначая среди таких пределов цели, субъекты и способы (Осипова, 2015, с. 102). Исследования данного понятия проводятся также в контексте земельного законодательства без разграничения особенностей нужды для системы контрактных отношений и других областей (Странцова, 2009; Терлыч, 2016; Матвеев, 2017).

Такая неопределенность терминологического аппарата системы контрактных отношений и разные подходы к исследованию закупочных понятий порождают потребность более четко определять указанные дефиниции с последующим внесением их в Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон 44-ФЗ).

ОБСУЖДЕНИЕ

С момента упоминания закупочной терминологии в первых письменных документах и до формирования современной нормативно-правовой базы такие ключевые дефиниции, как «закупки» и «торги», на которых построен весь терминологический аппарат современной контрактной системы, не имел понятных и юридически определенных критериев. Так, возникновение термина «закупки» можно связывать с ранними источниками, определяющими становление института закупочной деятельности. Несмотря на то, что самые первые упоминания о становлении этого института и дефиниций, связанных с данным явлением, большинство исследователей относят к нормам Указа царя Алексея Михайловича о подрядной цене на обеспечение доставки в город Смоленск сухарей и муки от 7 июля 1654 года, в указанном акте речь идет об условиях закупочной деятельности без четкого определения категорий (Богачев, 2014, с. 22). Соответственно, в течение всего периода формирования системы государственных закупок в XVIII–XIX веках институт закупочной деятельности развивался через определение потребностей государства, но без использования термина «закупки», а через интерпретацию понятия «торги». Первоначально термин «публичные закупки» в большинстве актов не использовался, но вполне мог быть отождествлен с понятием «публичные торги».

Особую роль в становлении терминологического аппарата системы государственных закупок России начала XX века сыграло «Положение о казенных подрядах и поставках», которое четко определяет условия проведения торгов

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499011838> (дата обращения: 18.04.2019).

как способ заключения договоров и указывает в «объявлении торгов руководствоваться свойством предмета, торг сей составляющий»². Фактически данный правовой акт не только вводит дефиниции, используемые в системе государственных закупок, но и определяет все правила и условия их осуществления. То есть дореволюционное отечественное право для ряда договоров, заключаемых государственными органами, в том числе казенных подрядов и поставок, устанавливало обязательное производство именно публичных торгов.

Правовые основы зарождения конкурентных закупок в период становления современной правовой концепции следует искать в одном из базовых нормативно-правовых актов периода 90-х годов XX века – Указе Президента РСФСР от 15 октября 1991 года «О хозяйственных связях и поставках продукции в 1992 году» и соответствующем постановлении Совета Министров РСФСР, которые упразднили обязательный государственный заказ и принудительную систему сложившихся хозяйственных связей (Рахимов, 2009, с. 172).

Важно отметить, что ни в этих правовых актах в период их становления, ни в последующих нормативно-правовых актах не определяется единая терминологическая основа данных правовых явлений. Фактически можно говорить об использовании базовых понятий на территории Российской Федерации лишь на уровне экономических дефиниций, не определяя их с правовой точки зрения. Такая ситуация связана с тем, что в период формирования системы государственных закупок (90-е годы XX века – начало 2000-х годов) не была определена государственная задача построения целостной правовой системы, а были взяты и импортированы лишь общие тенденции развития мировой правовой мысли в рамках данного направления. Следовательно, выстраивая современные подходы к анализу развития правовой системы государственных и муниципальных закупок, в первую очередь важно определить понятия, характеризующие современную систему контрактных отношений, и закрепить их в соответствующих нормативно-правовых актах.

Долгое время категория «публичные закупки» не была связана с применением законодательства о размещении заказов, а в основном использовалась в гражданском законодательстве по отношению к сфере публичных торгов. При вступлении во Всемирную торговую организацию Российской Федерацией были подписаны документы, определявшие понятие правительственных закупок, при этом требования об осуществлении публичных закупок формулировались в факультативном соглашении по правительственным закупкам.

Принятие в 2005 году Федерального закона № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»³ (далее – Закон 94-ФЗ) фактически определило

² Положение о казенных подрядах и поставках. 1916. Т. 10, ч. 1. С. 31. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17823-t-10-ch-1-polozhenie-o-kazennyh-podryadah-i-postavkah-1916> (дата обращения: 01.04.2019).

³ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/901941785](http://docs.cntd.ru/document/901941785) (дата обращения: 14.04.2019).

начало двойственности в терминологии закупок через процедуры торгов. Правоприменение с принятием данного нормативно-правового акта фактически выстраивалось по следующему принципу: гражданское законодательство определяет торги на повышение цены, а законодательство о закупках – на понижение цены. При утверждении практически всех нормативно-правовых актов, регулирующих правовые отношения в сфере государственных и муниципальных закупок, ставилась задача гармонизации норм российской системы в области закупок с международными актами.

Принятие Комиссией ООН по праву международной торговли в 2011 году новой редакции типового закона ЮНСИТРАЛ⁴ должно было сыграть ключевую роль в пересмотре государственной политики Российской Федерации в сфере закупок. Можно считать, что это событие ознаменовалось вступлением в силу Закона 44-ФЗ, который по своей правовой сути определял контрактные отношения с точки зрения общемировых принципов прокьюремента через категории открытости, гласности, прозрачности, конкуренции, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок. Кроме того, рядом экспертов определяется, что Закон 44-ФЗ может быть интерпретирован как закон о публичных закупках (Писенко, 2013, с. 13–17). Скорее всего, следует согласиться с таким суждением.

Одним из основополагающих принципов Закона 44-ФЗ стал принцип конкуренции, который, по сути, разделил способы определения поставщиков на конкурентные и неконкурентные. Ранее, в 2011 году, был принят еще один важный для закупочной сферы правовых отношений федеральный закон – № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁵ (далее – Закон 223-ФЗ), определивший правовые отношения в системе закупок отдельными юридическими лицами и конкурентные процедуры в качестве основных при проведении закупок.

Несмотря на исследовательский интерес и принятие нормативно-правовых актов, устанавливающих правовую регламентацию государственных и муниципальных закупок, современное правовое состояние сферы публичных закупок по-прежнему не определено. В этой связи констатируем фрагментарность, отсутствие целостности такого правового регулирования в законодательном поле Российской Федерации и во многом неопределенность терминологического аппарата в сфере публичных закупок. Термин «публичные закупки» фактически так и не стал определяющим для системы контрактных отношений.

По-прежнему достаточно противоречивым выглядит использование термина «торги» в Гражданском кодексе Российской Федерации. Так, ст. 447 Гражданского кодекса определяется заключение договора на торгах через проведение процедуры аукциона, конкурса или в иной форме. В соответствии

⁴ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках (9 декабря 2011) [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurem/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Public-Procurement-r.pdf> (дата обращения: 13.04.2019).

⁵ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289896> (дата обращения: 17.04.2019).

с п. 4 ст. 447 Гражданского кодекса, выигравшим торги на аукционе признается лицо, предложившее наиболее высокую цену, а по конкурсу – лицо, которое по заключению конкурсной комиссии заранее назначено организатором торгов и предложило лучшие условия.

В вопросах правоприменения термин «торги» достаточно часто относится к системе государственных и муниципальных закупок, хотя из Закона 44-ФЗ эта категория на данный момент исключена. Хотя в Законе 44-ФЗ не используется термин «публичные торги», но устоявшимися являются такие способы публичных торгов и публичных закупок, как открытый конкурс и аукцион, которые теперь проводятся в электронной форме. В Гражданском кодексе использование этой терминологии отнесено к тем случаям, когда государство продает имущество, используя процедуры конкурса и аукциона. При этом Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон 135-ФЗ), устанавливая в главе 4 антимонопольные требования, смешивает дефиниции и использует определения не столько через цели процедур, сколько через порядок их проведения, в большей степени разделяя торги как процедуры конкурентные, а запросы котировок цен на товары и запросы предложений как неконкурентные⁶.

Еще более усложняющими правовое понимание закупочных дефиниций стали поправки к Закону 223-ФЗ в 2018 году. Так, в соответствии с изменениями в Положении о закупках, заказчики, работающие по Закону 223-ФЗ, должны предусмотреть конкурентные и неконкурентные закупки. Наряду с этим указывается, что конкурентные закупки осуществляются следующими способами:

- 1) путем проведения торгов (конкурс – открытый конкурс, конкурс в электронной форме, закрытый конкурс, аукцион – открытый аукцион, аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, запрос котировок – запрос котировок в электронной форме, закрытый запрос котировок), запрос предложений–запроспредложенийвэлектроннойформе,закрытыйзапроспредложений);
- 2) иными способами, установленными положением о закупках.

Таким образом, изменения, вступившие в силу с 1 июля 2018 года, вновь вводят в российское законодательство неопределенность терминологического аппарата, смешивая категории торгов, которые к этому времени приобрели более или менее определенный характер.

Интерпретируя проблематику дефиниции «нужда», необходимо отметить, что данная категория была нормативно определена при становлении законодательства о государственных и муниципальных закупках. Так, в последней редакции Закона 94-ФЗ указывается, что является государственной или муниципальной нуждой, а что может быть отнесено к нуждам учреждений соответствующего уровня. Ст. 3 Закона 94-ФЗ под государственными нуждами определялись обеспечиваемые за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации, государственных

⁶ О защите конкуренции [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901989534> (дата обращения: 22.04.2019).

заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, государственных заказчиков (в том числе для реализации федеральных целевых программ), для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация, либо потребности субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков, в том числе для реализации региональных целевых программ. Под нуждами федеральных бюджетных учреждений и бюджетных учреждений субъектов Российской Федерации понимались обеспечиваемые федеральными бюджетными учреждениями, бюджетными учреждениями субъектов Российской Федерации (независимо от источников финансового обеспечения) потребности в товарах, работах, услугах соответствующих бюджетных учреждений.

Тем не менее, ни первоначальная редакция Закона 44-ФЗ, ни его последующая модернизация так и не привели к применению в данном нормативно-правовом акте понятия «нужда».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многообразие трактовок термина «торги» определяется тем, что законодательством не установлен ключевой критерий этой категории и, соответственно, конкурентное право определяет данную дефиницию, исходя из принципа конкуренции, а гражданское законодательство ориентируется на процедуру проведения.

В связи с этим очевидна необходимость комплексного определения термина «торги» и введение его либо в гражданское, либо в антимонопольное законодательство. Такое определение может быть следующим: публичные закупки – это проведение конкурентных и определенных законодательством неконкурентных процедур закупок государственными и муниципальными заказчиками в интересах общества и государства.

Относительно дефиниции «нужда» резюмируем следующее: необходимо точнее определить два термина в контексте нужды. Нужда может трактоваться через понятие общественной нужды и государственной (муниципальной) нужды. Общественная нужда – это потребность общества в товарах, работах, услугах, которая обеспечивается заказчиками (в том числе государственными и муниципальными) за счет средств бюджетной системы Российской Федерации. Государственная или муниципальная нужда – это потребность государственных и муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления их собственной деятельности. Такие определения могли бы стать определяющими в Законе 44-ФЗ и исключить противоречия понятиям государственных и муниципальных заказчиков, уже данным в законе.

Выделенная проблематика могла бы остаться исключительно теоретическим вопросом, однако проблемы применения Закона 44-ФЗ в деятельности государственных и муниципальных заказчиков вынуждают дать четкую

характеристику как дефиниций, так и правовых процессов в закупочной сфере. Возможно, такое состояние правового регулирования данного направления объясняется тем, что до сих пор исследователи не определили отношение системы публичных закупок к публичным или частным отраслям российского права. Необходимость введения полноценного отраслевого правового регулирования, которое можно определить как комплексное, позволит снять напряжение как в интерпретации правовых дефиниций, имеющих важное правовое значение для системы контрактных отношений, так и проблемы практического применения Закона 44-ФЗ.

В рамках категориального единства необходимо приведение всей нормативно-правовой базы, регулирующей систему публичных закупок, к единообразию, а в дальнейшем к сокращению, возможно, через кодификацию. На данный момент законодательство о публичных закупках можно охарактеризовать следующим образом: количество федеральных подзаконных актов, определяющих применение Закона 44-ФЗ, превысило 200, количество федеральных подзаконных актов, уточняющих применение Закона 223-ФЗ, превысило 30.

Кроме того, нормативно-правовая сфера публичных закупок формируется нормативно-правовыми актами, принимаемыми на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований. На уровне регионов России необходимо констатировать наличие в каждой территории обширной нормативно-правовой базы, характеризующей специфику работы государственных заказчиков по реализации норм Закона 44-ФЗ. Аналогичная ситуация может быть отмечена на уровне муниципальных образований.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование контрактных отношений в целом характеризуется огромным массивом нормативно-правового материала, отличающегося как региональной, так и местной спецификой. Достаточно затруднено анализировать такой широкий объем нормативно-правовых актов, которые порождают разнообразную правоприменительную практику, не дающую возможности единообразно применять законодательство о контрактных отношениях, и экономические проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во-первых, необходимо создать четкие правовые дефиниции в системе публичных закупок, которые охватывали бы следующие категории – публичные закупки, общественную нужду и государственную (муниципальную) нужду. В отдельной интерпретации нуждается понятие должностного лица в системе контрактных отношений. Кроме того, следует пересмотреть категорию государственного (муниципального) контракта по Закону 44-ФЗ, отдельно выделив договор для нужд бюджетных учреждений, автономных учреждений и прочих.

Во-вторых, необходимо снять коллизионность в регулировании публичных закупок в Гражданском кодексе Российской Федерации, Законе 44-ФЗ, Законе 223-ФЗ и Законе 135-ФЗ либо ввести иную терминологию, в том числе определяющую продажу имущества.

В-третьих, следует обратить внимание на возможную кодификацию нормативно-правового регулирования публичных закупок.

В-четвертых, при совершенствовании нормативно-правового регулирования закупочной деятельности стоит учитывать начала юридической дискуссии по определению предмета и метода права публичных закупок и тенденции дальнейшего перехода к становлению данного института.

Подобный подход соответствует общемировой практике и определяет общую закономерность правового регулирования в закупочной области, что позволит четко интерпретировать правовую природу публичных закупок и приведет к единообразию судебной и административной практики в системе контрактных отношений.

Библиографический список

Абдулваганова Р. Р. Правовое положение публично-правовых образований в гражданско-правовых обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. 219 с.

Афанасьева Е. Г., Белицкий А. В., Вайтан В. А. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2017. 992 с.

Барсегова И. В. История развития тендерных торгов и тендер как источник привлечения финансовых ресурсов. Российская практика // Российское предпринимательство. 2011. Т. 12, № 5. С. 23–28.

Беляева О. А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2012. 423 с.

Богачев П. В. Очерк истории развития государственных закупок в России // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5. Ч. 2. С. 21–24.

Бордунова С. А. Правовое регулирование государственных и муниципальных заказов по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2011. 223 с.

Володина Е. Е., Девяткин Е. Е., Суходольская Т. А. Классификация и характеристика способов проведения аукционов по продаже радиочастотного спектра // Труды НИИР. 2013. № 4. С. 12–18.

Диденко А. А., Артемов А. В. Понятие и форма торгов в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 110 (06). С. 1–17.

Карасева С. В. Правовое регулирование размещения государственного заказа и исполнение договора на оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская акад. экономики и права, 2013. 193 с.

Кикавец В. В. Принципы административно-правового регулирования государственного заказа с точки зрения науки административного права // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2010. № 20. С. 74–83.

Куриц Н. А. Заключение договоров о государственных и муниципальных закупках: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. правосудия, 2013. 197 с.

Маркелов К. Б. Государственные и муниципальные закупки как институт бюджетного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. правосудия, 2012. 18 с.

Матвеев П. А. Теоретико-правовая характеристика изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Юрист. 2017. № 13. С. 40–46.

Осипова С. Б. Государственные нужды: понятие и критерии определения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 98–103.

Писенко К. А. Публичные и частные закупки: основания и проблемы дифференцированного подхода к регулированию // Финансовое право. 2013. № 12. С. 13–17.

Рахимов Э. Х. Государственный прокьюремент как альтернатива современному государственному заказу // Молодой ученый. 2009. № 4. С. 172–174.

Семина А. С. История антикварных книжных аукционов в России: дис. ... канд. истор. наук. М.: Московский гос. ун-т печати, 2008. 275 с.

Смотрицкая С. С., Черных С. И. Общественные закупки как стратегический инструмент научно-технического развития российской экономики // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 30–36.

Странцова С. А. Проблема определения понятия государственных и муниципальных нужд как основания для изъятия земельного участка со сносом жилых помещений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3 (20). С. 47–50.

Терлыч И. А. Основания и особенности изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 43–45.

Фамиева К. И. Административные процедуры для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контрактной системе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2014. 226 с.

Шмелева М. В. Теоретико-методологические основы государственных (муниципальных) закупок. М.: Юрлитинформ, 2018. 224 с.

Heikkilä J., Kaipia R., Ojala M. Purchasing Category Management: Providing Integration Between Purchasing and Other Business Functions // International Journal of Procurement Management. 2018. Vol.11, №. 5. P. 533–550. DOI: 10.1504/IJPM.2018.094350.

Wibowo A. Determining Reasonable Bid Ratios Under Two-Sided Power Distribution Assumption for Public Procurement Under Capped Lowest-Cost Bidding System // International Journal of Procurement Management. 2019. Vol. 12, № 2. P. 174–198. DOI: 10.1504/IJPM.2019.098551.

Zhang F., Zhang Y., Yuan H., Gao M., Zhang J. Analysis and Research of Government Procurement Audit in Universities Based on Big Data Environment // Journal of Discrete Mathematical Sciences and Cryptography. 2018. № 21. P. 457–464. DOI: 10.1080/09720529.2018.1453627.

Информация об авторе

Пахомова Лариса Михайловна – канд. ист. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, заведующий Региональным центром по обучению специалистов для системы государственных и муниципальных закупок Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38; доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-1159-767X
ResearcherID: L-7295-2015
Электронный адрес: rcgperm@gmail.com

Статья получена 12 мая 2019 года

UDC 339.186:347.4

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-184-199

PROBLEMS OF DEFINITIONS IN LEGAL REGULATION OF THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM

Larisa M. Pakhomova

Higher School of Economics Perm, 38 Studencheskaya str.,
Perm, 614070, Russia
Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-1159-767X
ResearcherID: L-7295-2015
E-mail: rcgperm@gmail.com

For citation:

Pakhomova, L. M. (2019), “Problems of Definitions in Legal Regulation of the Public Procurement System”, *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 184–199, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-184-199.

Introduction. The modern system of contractual relations is full of terminology which has not yet been clearly defined. The terms “public tenders” and “procurement”, as well as other terms related to the contractual system, often lack a sound definition and features distinguishing them from each other. In addition, the Russian Federation legislation does not provide an exhaustive definition of these notions. Studies of these definitions are very diverse and far from unity, which may indicate that the system of state and municipal procurement in the Russian Federation is an integrated institution requiring a clear terminological apparatus, recognition of its legal nature, establishing specificity of the source base.

Aims. Study of the definitions used in the system of contractual relations for their legal consolidation in regulatory acts, as well as highlighting those terms crucial for the development of the state and municipal procurement system.

Methods. Comparative-legal analysis of legislation, theoretical research, systems analysis, deductive-inductive method.

Results. As a result of the research, the public procurement can be defined as follows: the process of competitive and non-competitive procurement (as defined by law) procedures by state and municipal customers in the interests of society and the state.

In addition, the term “state and municipal need” should be defined. The definition of “need” can be reached through the concepts of public need and state (municipal) need. At the same time, public need is the need of society for goods, work, services, which is provided by customers (including state and municipal) at the expense of the budget system of the Russian Federation. State or municipal need is the need of state and municipal customers for the goods, works, services necessary to carry out their own activities.

Conclusion. On the basis of a comparative study the author’s definitions of terms used in the contractual relations system have been proposed and problems identified. The solution of the problems will influence more accurate definition of the legal nature of public procurement and, accordingly, lead to equivalence of judicial and administrative practices in the system of contractual relations.

Key words: legal concepts; contractual relations system; public procurement; bidding; state and municipal needs; social needs; state and municipal contracting authority

References

Abdulvagapova, R. R. (2008), “The legal Status of Public Legal Entities in Civil Liabilities”, Ph.D. Thesis, Administrative Law, the Financial Right, the Information Right, Kazan State University, Kazan, Russia.

Afanasyeva, E. G., Belitsky, A. V. and Vaipan, V. A. (2017), *Predprinimatel'skoe pravo Rossijskoj Feeratsii: uchebnik* [Business Law of the Russian Federation: textbook], in Gubin, E. P. and Lahno, P. G. (ed.), Publishing House “NORMA INFRA-M”, Moscow, Russia.

Barsegova, I. V. (2011), “History of Tenders Development and Tender as a Source of Fund Raising, the Russian Experience”, *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 12, no. 5, pp. 23–28.

Belyaeva, O. A. (2012), “Bidding: Theoretical Foundations and Problems of Legal Regulation”, D. Sc. Thesis, Civil Law, the Enterprise Right, a Family Law, the International Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Bogachev, P. V. (2014), “Essay on Development History of Government Purchases in Russia”, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturjlogy and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 5, part 2, pp. 21–24.

Bordunova, S. A. (2011), "Legal Regulation of State and Municipal Orders under the Laws of the Russian Federation", Ph.D. Thesis, Civil Law, the Enterprise Right, a Family Law, the International Private Law, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Volodina, E. E., Devyatkin, E. E. and Sukhodolskaya, T. A. (2013), "Classification and Characteristics of Auctioning Methods for Selling of Radio-Frequency Spectrum", *Trudy NIIR*, no. 4, pp. 11–17.

Didenko, A. A. and Artemov, A. V. (2015), "The Concept and Forms of Tenders in the Civil Law", *Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, no. 110, pp. 1–17.

Karaseva, S. V. (2013), "Legal Regulation of Government Procurement and Performance of Services Contract for State and Municipal Needs", Ph.D. Thesis, Civil Law, the Enterprise Right, a Family Law, the International Private Law, Moscow Academy of Economics and Law, Moscow, Russia.

Kikavets, V. V. (2010), "Principles of Administrative Regulation of the State Order in the context of the Administrative Law Science", *Goszakaz: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie*, no. 20, pp. 74–83.

Kurtz, N. A. (2013), "State and Municipal Procurement Contracting", Ph.D. Thesis, Civil Law, the Enterprise Right, a Family Law, the International Private Law, Russian Academy of Justice, Moscow, Russia.

Markelov, K. B. (2012), "State and Municipal Procurement as an Institution of Budget Law", Ph.D. Thesis, Administrative Law, the Financial Right, the Information Right, Russian Academy of Justice, Moscow, Russia.

Matveev, P. A. (2017), "Theoretical and Legal Characteristics of Land Plot Withdrawal for State and Municipal Needs", *Jurist*, no. 13, pp. 40–46.

Osipova, S. B. (2015), "State Needs: Concept and Determination Criteria", *Legal Concept*, no. 1, pp. 98–103.

Pisenko, K. A. (2013), "Public and Private Purchases: Grounds and Problems of a Differentiated Approach to Regulation", *Financial Law*, no. 12, pp. 13–17.

Rahimov, E. H. (2009), "State Procurement as an Alternative for Modern State Order", *Molodoj Uchenyj*, no. 4, pp. 172–174.

Semina, A. S. (2008), "The History of Antique Book Auctions in Russia", Ph.D. Thesis, Library Science, General Bibliography and Bibliology, Moscow State University of Printing Arts, Moscow, Russia.

Smotrinskaya, S. S. and Chernykh, S. I. (2017), "Public Procurement as a Strategic Instrument for Research and Technological Development of the Russian Economy", *Innovations*, no. 4, pp. 30–36.

Strantsova, S. A. (2009), "The Problem of Definition of State and Municipal Needs as Reason for Seizure of the Land Plot with Demolition of Private Premises", *Herald of Omsk University. Series "Law"*, no. 3, pp. 47–50.

Terlych, I. A. (2016), "Causes and Features of Seizure of Land for State and Municipal needs", *Molodoj Uchenyj*, no. 6, pp. 43–45.

Famieva, K. I. (2014), "Administrative Procedures for State and Municipal Needs in the context of Transition to Contractual System", Ph.D. Thesis, Administrative Law, Administrative Process, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Shmeleva, M. V. (2018), *Teoretiko-metodologicheskie osnovy gosudarstvennyh (munitsipal'nyh) zakupok* [Theoretical and Methodological Foundations of State (Municipal) Procurement], Publishing House “Yurlitinform”, Moscow, Russia.

Heikkilä, J., Kaipia, R. and Ojala, M. (2018), “Purchasing Category Management: Providing Integration between Purchasing and Other Business Functions”, *International Journal of Procurement Management*, vol.11, no. 5, pp. 533–550, doi: 10.1504/IJPM.2018.094350.

Wibowo, A. (2019), “Determining Reasonable Bid Ratios under Two-sided Power Distribution Assumption for Public Procurement under Capped Lowest-Cost Bidding System”, *International Journal of Procurement Management*, vol. 12, no. 2, pp. 174–198, doi: 10.1504/IJPM.2019.098551

Zhang, J., Zhang, Y., Yuan, H., Gao, M. and Zhang, J. (2018), “Analysis and Research of Government Procurement Audit in Universities Based on Big Data Environment”, *Journal of Discrete Mathematical Sciences and Cryptography*, no. 21, pp. 457–464, doi: 10.1080/09720529.2018.1453627.

Received May 12, 2019

УДК 316.356.3-053.6:32

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-200-219

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕМЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. В. АНДРЮШИНА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Е. А. ПАНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 200–219. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-200-219.

Введение: улучшение демографической ситуации в современной России, распространение семейных ценностей является традиционным и не теряющим свою актуальность приоритетом государственной политики, что находит подтверждение в мероприятиях стратегического характера, выработанных на высшем политико-административном уровне. Особая роль в реализации позитивных демографических сценариев принадлежит студенческой молодежи как особой социальной группе, призванной стать основным источником формирования базового социального института – семьи. Эффективные меры проводимой государственной политики во многом определяют жизнеспособность молодой семьи, способствуют формированию готовности молодежи вступать в брак и иметь детей.

Цель: сравнительный анализ семейных стратегий российского студенчества в 2007 и 2019 годах, соотнесение полученных результатов с приоритетами и показателями программных документов в области молодежной, демографической, семейной политики; оценка эффективности государственной политики по формированию семейных ценностей.

Методы: сочетание макросоциального и политического анализа мер государственной молодежной, демографической, семейной политики; анкетирование студентов гуманитарных и технических специальностей московских вузов и сопоставление его результатов с результатами аналогичного исследования 2007 года, что позволяет говорить о реализации лонгитюдного проекта¹; обзор вторичных социологических исследований по выбранной проблематике; анализ актуальных текстов государственных стратегических документов в области молодежной, семейной, демографической политики.

Результаты: выявлены и описаны основные стратегии семейного поведения российского студенчества; дана оценка эффективности государственной семейной и молодежной политики через призму ее восприятия в студенческой среде; предложены рекомендации по повышению эффективности государственной семейной и молодежной политики.

Выводы: семейные стратегии современной российской студенческой молодежи определяются деятельностью как государства в качестве доминирующего актора формирова-

¹ *Лонгитюдное* исследование представляет собой изучение с определенным временным интервалом испытуемых с одинаковыми характеристиками (в данном случае речь идет о студентах технических и гуманитарных специальностей вузов в возрасте 20–21 года), позволяющее сформировать диапазон возрастной и индивидуальной изменчивости фаз жизненного цикла человека. В настоящем исследовании основой лонгитюда является сопоставление результатов анкетирования студентов, проведенного в 2007 и 2019 годах.

ния и укрепления семейных ценностей, так и негосударственных субъектов (семьи, образовательных структур), а также актуальным уровнем социально-экономического развития общества в целом. Снижение эффективности деятельности указанных субъектов семейной социализации предопределило вариативность семейных стратегий российского студенчества, а также изменения в восприятии семьи как социального института в глазах молодежи. В целом ориентации студенческой молодежи не связаны с реализацией позитивных демографических сценариев Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; семейная политика; демографическая политика; студенческая семья; семейные стратегии; эффективность государственной политики; национальные проекты

ВВЕДЕНИЕ

Институт семьи традиционно является основой для большинства современных обществ, однако в последнее столетие он претерпевает существенные трансформации под влиянием как внутригосударственных, так и глобальных факторов. С учетом актуализации негативных тенденций в некоторых мировых регионах (европейском пространстве, Российской Федерации), связанных со старением населения, сокращением численности молодежи как ключевой социальной группы, активно участвующей в репродуктивных национальных процессах (так, по некоторым прогнозам население молодых россиян к 2025 году сократится до 25 млн чел.², в то время как в 1991 году молодежь составляла 35 млн чел.) задачи поддержки института семьи, деторождения, выравнивания демографической ситуации в целом являются одними из наиболее значимых приоритетов российского государства.

Следует отметить, что на протяжении новейшей истории российского государства (периода после распада СССР) и особенно с началом второго президентского срока В. Путина данная проблема постоянно входит в личную политическую повестку дня лидера. Основанием для современной стратегической линии государственной семейной политики стало Послание Президента Федеральному Собранию в 2006 году, после чего на высшем государственном уровне предпринимаются систематические усилия, направленные на повышение рождаемости, укрепление семьи, увеличение продолжительности жизни россиян. Прежде всего, имеется в виду создание в 2005 года Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов («Здоровье», «Образование», «Жилье») и демографической политике, утверждение национального проекта «Демография» от 2019 года³ на основе майского указа Президента России от 7 мая 2018 года⁴. Актуальный проект «Демография» планируется к завершению в 2024 году, то есть является

² *Стратегия развития молодежи в Российской Федерации до 2025 года: проект* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федерального агентства по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/document/download/450/> (дата обращения: 01.03.2019).

³ *Национальный проект «Демография»* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва труда и соц. защиты. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ *О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года* [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 27.04.2019).

среднесрочной мерой государственной политики, определяющей приоритеты, ключевые показатели, механизмы поддержки семей, а также создающей условия для реализации российскими семьями своих функций.

В 2014 году принимается Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой понятие такой политики утвердилось в качестве признанной научной категории⁵. Примечательно, что 2008 и 2019 годы объявлены годами семьи. В последнем Послании Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года всесторонняя поддержка семьи, укрепление семейных ценностей вновь определяются главой государства как ключевые приоритеты.

Семейная и демографическая политика неразрывно связаны с таким направлением активности государства, как молодежная государственная политика (в частности, речь идет о формировании традиционных семейных ценностей среди молодежи), поскольку именно молодежь в силу своих, прежде всего, физиологических характеристик, призвана обеспечивать реализацию благоприятных демографических сценариев.

Как уже было отмечено, в современном российском обществе наблюдается стабильно негативная тенденция сокращения численности молодого населения в возрасте от 14 до 30 лет. На данный момент молодежь составляет лишь 29,4 млн чел. (по данным 2019 года по сравнению с 31,5 млн чел. в предыдущем году⁶). Студенчество, в свою очередь, составляет примерно пятую часть общей численности российской молодежи.

Выбор объекта исследования определен наличием особых качеств (высокоценного потенциала (Багирова и Шубат, 2017) у представителей именно этой молодежной группы. Итак, представленное исследование сфокусировано на российской студенческой молодежи, ее отношении к семье, проблемам брака, рождаемости, а также государственной демографической и молодежной политике.

В этом контексте цель настоящего исследования – сравнительный анализ семейных стратегий российской студенческой молодежи 2007 и 2019 годов, выявление эволюции приоритетов, семейных ценностей студентов, а также оценка эффективности государственной политики в области формирования семейных ценностей, молодежной и семейной политики в целом как фактора, влияющего на семейное поведение российской студенческой молодежи.

Поставленная цель предопределила ряд задач:

- выявить и описать основные стратегии семейного поведения российского студенчества;
- исследовать и дать оценку эффективности государственной семейной и молодежной политики через призму ее восприятия в студенческой среде;
- разработать рекомендации и предложения по повышению эффективности государственной семейной и молодежной политики.

⁵ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 16-18-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 12.04.2019).

⁶ Стратегия развития молодежи в Российской Федерации до 2025 года: проект [Электронный ресурс] // Офф. сайт Федерального агентства по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/document/download/450/> (дата обращения: 01.03.2019).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует отметить достаточно фундированный накопленный массив знаний о семье в мировой науке к настоящему времени. В силу важности данного социального института в развитии практически любой цивилизации исследования различных моделей семьи, семейных отношений традиционно являлись и являются объектом внимания представителей разных сфер научного знания. Так, первые систематизированные исследования института семьи предприняты еще более ста лет назад западными социологами, которые уже в тот период отмечали трансформацию характеристик данного социального института ввиду перехода к новому общественно-экономическому укладу, а именно: сужение семьи, то есть переход от так называемой «большой» семьи к «супружеской» (Durkheim, 1888), ее атомизацию, перераспределение обязанностей между членами семьи. Особую роль сыграл анализ расходов и доходов семьи, позволивший произвести первые типологии семей.

С началом двадцатого века исследования института семьи начинают приобретать более комплексный характер, вестись в политологическом и социологическом ключе в рамках системного, структурно-функционального, коммуникативного подходов. В середине прошлого столетия в США существенно расширяется объект исследования семьи – это уже не только распределение ролей, мотивация семейного поведения, трансформация семейных форм, моделей поведения, но и распределение власти в малой социальной группе, и модели эскалации и урегулирования конфликтов, а также коммуникации внутри семьи. Особую роль сыграли труды Т. Парсонса и Р. Бэйлза, рассматривающие семью как систему, выполняющую первостепенную социальную функцию в рамках более универсальной системы – общества (Parsons and Bales, 1955). Акцент на мотивации вступления в брак и причин разводов осуществил Э. Гидденс (Giddens, 1992).

Универсальные тенденции увеличения возраста людей, готовых вступать в брачные отношения, изменения мотивации к деторождению, в том числе среди молодежи, по-прежнему являются актуальной тематикой для зарубежных исследователей. Так, исследователи Национального Центра исследования семьи и брака (National Center for Family and Marriage Research) фокусируют внимание на повышении возраста молодежи, готовой вступить в брак с 21 года полвека назад до в среднем 27 лет в 2017 году среди американских студентов, анализируют расово-национальные предпочтения в выборе партнеров для создания семьи (Allred, 2019), делают вывод об обратной зависимости между социально-экономическим уровнем жизни людей и их желанием иметь ребенка (Guzzo et al., 2019).

На фоне экономического спада в США возросло количество исследований женщин с низкими доходами на предмет определения контекстуальных факторов, формирующих их намерение стать матерью (Borrero et al., 2015).

В современных условиях трансформации западного общества в связи с изменением структуры сторон семьи и брака актуальной тенденцией стоит назвать акцент западных исследователей на вопросах однополых браков и проблемах воспитания в них детей (Regnerus, 2012). М. Мусик, клас-

сифицируя современные американские семьи, предлагает выделять наряду с традиционной семьей (с разнополыми родителями), лесбийские семьи, гей-семьи, семьи иностранцев-усыновителей (удочерителей), неполные семьи. Автор также сопоставляет преимущества и недостатки воспитания детей в семьях с однополыми родителями и традиционных семьях (Musick, 2014).

Изменение традиционных характеристик института семьи отмечается в многочисленных работах современных отечественных исследователей (Семейные стратегии..., 2009; Голод, 2008; Карцева, 2001; Малимонов и др., 2015). Например, при позиционировании института семьи в современном российском обществе авторы констатируют снижение ее роли как агента социализации подрастающего поколения, актора, ответственного за приобщение к семейным ценностям. При этом исследователи прогнозируют улучшение ситуации при условии проведения более эффективного реформирования экономической сферы (Борисенков и Гукаленко, 2014)

Что же касается советского периода, в силу идеологических причин исследование института семьи осуществлялось в рамках марксистской парадигмы. К достижениям советской семейной социологии можно отнести изучение разнообразных аспектов репродуктивного поведения, распределения и разделения трудовых, профессиональных и семейных обязанностей. В последнее советское десятилетие ключевое внимание было сосредоточено на характеристиках моделей семьи, молодой семье, неблагополучных семьях, а также на вопросах воспитания детей в неблагополучных семьях. На фоне негативных тенденций в социальной и экономической жизни россиян после распада СССР в 1990-х годах акценты были смещены в сторону изучения девиантного поведения, детей-сирот, проституции, компаративного анализа семей в период после разводов. Внимание авторов в тот период привлечено также к проблеме кризиса семьи как социального института (Антонов, 1992).

Проблематика семейной (Антонов, 2010; Гурко, 2008; Малимонов и др., 2015), демографической (Архангельский и др., 2008), молодежной (Андрюшина и Панова, 2017) политики достаточно полно представлена в работах современных отечественных исследователей. Причем палитра экспертной оценки проводимой семейной, демографической политики разнообразна: от полной ее критики вследствие того, что при минимизации финансовых и социальных гарантий и поддержки со стороны государства институт семьи исчезнет полностью (Захаров, 2010) до улучшения положения семей по таким направлениям, как поддержка детей с несовершеннолетними детьми, защита института семьи со стороны государства (Борисенков и Гукаленко, 2014).

Следует отметить преобладание исследований семьи и семейной, молодежной, демографической политики преимущественно с экономической, социологической, медицинской точек зрения. Так, изменения репродуктивного поведения россиян, проявляющиеся в уменьшении младенческой и детской смертности на фоне улучшения социально-экономической ситуации в стране в целом, увеличении патологических отклонений младенцев у матерей-подростков, а также существенных региональных отличиях репродуктивного поведения россиянок представлены в работах экспертов из сферы здравоохранения и медицины (Каткова и др., 2012). К факторам, определя-

ющим репродуктивное поведение, российские исследователи относят, прежде всего, уровень социально-экономического благополучия, в частности, жилищные условия (Барбасов, 2008).

При этом очевиден дефицит работ исследования семьи и семейных ценностей в политологическом ключе, а также работ, посвященных оценке эффективности государственной политики в контексте демографии и семьи с политико-управленческой точки зрения. Однако есть исключения. Так, семья рассматривается не только как базовый социальный институт, но и как элемент национальной безопасности современной России (Багдасарян, 2014), актуализировавшийся в условиях ухудшения геополитических позиций России в связи с традиционными глобальными угрозами (противоборство России и США, снижение доли экономически активного населения, сокращение темпов рождаемости, угрозы национальной российской идентичности). Ключевые проблемы современной российской молодежной политики, оценка ее результативности и эффективности подробно представлены в работах сотрудников факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Панова и др., 2017).

Гораздо меньше авторов исследуют проблемы и характеристики непосредственно *молодой* семьи (Самыгин и др., 2016; Сокольский, 2013), в частности, такого вида молодой семьи, как *студенческая* семья, рассматривают ее в качестве объекта государственной семейной политики (Коробейникова и Попова, 2013; Свинцов, 2007; Чернова, 2010).

Так, наиболее общий обзор основных аспектов исследования семьи в зарубежной и отечественной литературе, характеристики семейных ценностей и семейных стратегий российской студенческой молодежи представлен в докладе профессора кафедры политического анализа Московского государственного университета Н. С. Григорьевой, созданного при поддержке Программы развития ООН и Международной организации труда (ПРООН / МОТ) (Семейные стратегии..., 2009).

Тематике распределения профессиональных и семейных обязанностей, в целом совмещению трудовой и родительской деятельности посвящены труды Н. С. Григорьевой, О. В. Кузьмен. Авторы дают благоприятные прогнозы развития *института студенческой семьи* (кстати, отсутствующего в нормативно-правовом поле современного российского государства!) вследствие того, что большинство студентов хотели бы создать семью и иметь детей, при этом осуществляя трудовую и профессиональную деятельность, которая стала бы, наряду с любовью, основой семьи (Семейные стратегии..., 2009; Кузьмен, 2014).

Исследование разнообразных аспектов (гендерной принадлежности, наличия добрых связей, отношений в родительской семье и ближнем окружении молодых людей) брачного поведения молодежи определяют потенциальное семейное поведение российской молодежи, которая в меньшей степени ориентирована на создание традиционной семьи. Так, в целом можно констатировать умаление роли данного социального института в жизни молодых россиян, что вызывает необходимость повышения эффективности государ-

ственной политики по формированию и укреплению семейных ценностей (Малимонов и др., 2015).

Особый вклад в понимание семейных ценностей российской студенческой молодежи, семейных стратегий студентов вносят труды региональных исследователей (Банникова, 2017; Ондар и Доспан-оол, 2017; Чукреева и Дзбэева, 2016).

Необходимость формирования семейных ценностей как основы реализации позитивного демографического сценария России среди студенческой молодежи признается отечественными экспертами ввиду того факта, что в период получения образования происходит корреляция уже существующих установок на родительство, деторождение среди молодежи с возможностью практической реализации идеи «полезности», т. е. рождения и воспитания детей (Багирова и Шубат, 2017).

Примечательно, что институты системы образования, вузы в частности, рассматриваются как ключевой агент репродуктивной социализации. Представляется, что постоянный мониторинг семейных ценностей и установок российской студенческой молодежи необходим для коррекции существующей молодежной, семейной, демографической политики. Разрыв между представлениями политико-управленческой элиты о потребностях студенческой молодежи и молодых людей в целом и реальными ожиданиями молодежи чреват если не провалом, то низкой эффективностью проводимой государственной молодежной, демографической, семейной политики.

Данная статья посвящена исследованию эволюции семейных стратегий студенческой молодежи за последние 12 лет, что позволит дать оценку эффективности государственных программ в сфере демографии и семейных отношений для данной социальной группы населения России в ретроспективе, а также выработать рекомендации по продвижению семейных ценностей в студенческой среде.

Основой исследования служат результаты анкетирования, проведенного профессорами факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Н. С. Григорьевой, Л. Г. Судас и М. В. Юрасовой в 2007 году⁷, а также анкетирования, реализованного творческим коллективом аналогичного факультета – Н. С. Григорьевой, Е. В. Андрюшиной, Е. А. Пановой и С. Ю. Лутошкиной в 2019 году⁸. Сопостав-

⁷ Анкетирование студентов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова 2007 года // Из личного архива авторов. В анкетировании 2007 года приняли участие 248 студентов четвертых курсов естественных и гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а также технических факультетов Иркутского технологического университета. Преобладающий возраст респондентов – 20–21 год. Анкетирование реализовано Центром сравнительной социальной политики факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке гендерной тематической группы организаций системы ООН в России, проект «Семейные стратегии современной студенческой молодежи».

⁸ Анкетирование студентов московских ВУЗов 2019 года // Из личного архива авторов. В статье приведены промежуточные результаты анкетирования, в котором на момент подготовки текста приняли участие 90 студентов четвертого курса бакалавриата гуманитарных и технических факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Россий-

ление результатов опросов студентов с разницей в 12 лет позволяет отметить изменения в семейных приоритетах российского студенчества, отношении студенческой молодежи к браку, семье, рождению детей, что дает основание рассматривать исследование как лонгитюдное. Студенты, принявшие участие в анкетировании в 2007 и 2019 годах, отвечали на одни и те же вопросы, являются представителями одной возрастной группы и сопоставимого уровня направлений обучения (для анкетирования 2007 и 2019 годов распределение студентов по гуманитарным и техническим образовательным направлениям примерно одинаково).

В статье также используются материалы подобных опросов студентов, осуществленные коллегами в российских регионах (Бурилкина и др., 2016; Рябова и Шевченко, 2013).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семья как прежде (по итогам анкетирования 2007 года), так и в настоящее время (по результатам анкетирования 2019 года) является ценностью для современной студенческой молодежи, однако сама модель семьи, ее восприятие молодыми людьми, довольно вариативна. В целом следует констатировать факт наличия семьи как не самый приоритетный элемент общего успешного жизненного пути молодежи. Так, четко сформулировать определение семьи не смог ни один студент за все время проведения лонгитюдного исследования.

Респонденты, участвовавшие в анкетировании 2007 года, ассоциируют семью с абстрактной «ячейкой общества», а также с «взаимопониманием, взаимовыручкой, любовью», «местом, где тебя понимают и ждут», «близкими людьми, друзьями», «союзом любящих друг друга людей» и т. д. Спустя 12 лет студенты также совершенно по-разному видят семью: и как супругов с детьми, и как бездетных супругов, и как одного родителя с одним или несколькими детьми, и даже несколько поколений родственников и т. д.

Существующие фактически брачные отношения в целом также определяются вариативно: от постоянного совместного проживания до практически полного отсутствия встреч и даже общения посредством электронных технологий. Примечательно, что для подавляющего числа респондентов семья начинает признаваться и выступать в качестве самостоятельной «жизнеспособной и дееспособной» социальной единицы после официальной регистрации. Более того, современные студенты рассматривают семью уже преимущественно в формате «оба работают, домашним хозяйством и детьми занимаются в равной степени, брак официально зарегистрирован» (62 %), однако и традиционное понимание семьи в соответствии с моделью «муж приносит деньги, жена занимается домашним хозяйством (или наоборот), брак официально зарегистрирован» имеет место среди современного российского студенчества (около 22 %)⁹.

ской Федерации, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». Преобладающий возраст респондентов – 20–21 год.

⁹ Анкетирование студентов московских ВУЗов 2019 года // Из личного архива авторов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отношении студентов к так называемому гражданскому (незарегистрированному) браку. В 2007 году 43,7 % опрошенных рассматривали его как потенциальную возможность «попробовать, что такое семейная жизнь» и «проверить чувства друг друга», в 2019 году уже 60 % студентов позитивно воспринимают незарегистрируемый брак. Это, безусловно, является сигналом к действию для инициаторов и исполнителей государственной политики по формированию семейных ценностей, а также свидетельствует о превалировании в массовом сознании студентов преимущественно западных семейных ценностей, пропагандируемых в современных российских средствах массовой информации. Интересными представляются ответы студентов о причинах вступления в официально зарегистрированные семейные отношения – для изменения своего социального статуса (23,3 % респондентов)¹⁰.

Отметим также факт противопоставления семьи и карьеры, указанный в ответах студентов, принявших участие в анкетировании 2007 года («семья мешает построению успешной карьеры»). Однако современные студенты не рассматривают семью как помеху карьере, что не может не вызывать позитивного отклика.

Примечательно, что ответы относительно основы создания семьи разделились на две равные группы – либо любовь, либо уважение и доверие как условия для появления любви в процессе совместной семейной жизни (по 50 % ответов соответственно)¹¹. В 2007 году 52 % рассматривали любовь как базу построения семьи¹². Более того, любовь расценивается большинством опрошенных как главная причина заключения *официального* брака (63,3 %)¹³. А вот ожидание детей сейчас не является, к сожалению, значимым основанием для вступления студенческой молодежи в официально зарегистрированные семейные отношения. Так, лишь 10 % респондентов выбрали эту причину как основу вступления в брак¹⁴, в то время как 42 % (!) считали рождение детей ключевой предпосылкой для вступления в официальные брачные отношения¹⁵.

Отрадной можно считать продолжающуюся тенденцию, связанную с желанием студентов иметь двух (50 % опрошенных) и более детей (36,7 %)¹⁶, однако согласно результатам предыдущего анкетирования, двоих детей желали иметь 59 % опрошенных при 21 % тех, кто хотел иметь трех и более детей¹⁷. Таким образом, можно заметить удвоение ориентации на многодетность среди студентов. Отметим, что современная государственная политика по защите и поддержке семьи касается преимущественно поддержки *многодетных* семей, что может быть причиной желаний современных студентов

¹⁰ Анкетирование студентов московских ВУЗов 2019 года // Из личного архива авторов.

¹¹ Там же.

¹² Анкетирование студентов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Иркутского технологического университета 2007 года // Из личного архива авторов.

¹³ Анкетирование студентов... 2019 года...

¹⁴ Анкетирование студентов московских ВУЗов 2019 года // Из личного архива авторов.

¹⁵ Анкетирование студентов... 2007 года...

¹⁶ Анкетирование студентов... 2019 года...

¹⁷ Анкетирование студентов... 2007 года...

иметь более трех детей в семье. Главной угрозой является стабильный результат – 3 % студентов, которые, создавая семью, отказываются иметь детей.

Патриотизм и любовь к Родине, получение образования также занимают передовые позиции в структуре ценностей современной молодежи (Бурилкина и др., 2016; Рябова и Шевченко, 2013), однако государство должно обеспечить необходимые условия для последнего. Выбор учебного заведения (вуза) обусловлен, в первую очередь, необходимостью получить интересную работу. Образование в данном случае гарантирует, по мнению респондентов, получение желаемой профессии (42 % респондентов) и конкретного высокооплачиваемого места (38 % опрошенных)¹⁸.

В приоритеты студентов входят и такие ценности, как здоровый образ жизни, самореализация, материальное благополучие. При этом условием достижения самореализации и материального благополучия является работа. Стабильность получения заработной платы не столь значима, хотя и немаловажна для студентов, однако ее высокий размер – безусловный приоритет (48 % респондентов). Несмотря на наличие в структуре ценностей патриотизма, многие студенты готовы покинуть Россию (41 %), для 18 % место жительства напрямую связано с возможностью получения стабильного высокого заработка¹⁹. В целом представляется, что *материальное благополучие является основой жизненных стратегий российского студенчества*, в том числе в отношении создания семьи. Так, например, 53,5 % респондентов считают, что семью можно создавать при наличии постоянного дохода и работы, а также жилья²⁰.

Примечательно, что в реализации своих семейных и в целом жизненных стратегий, молодые люди полагаются преимущественно на собственные усилия, что подтверждается результатами анкетирования 2007 (85,5 %), и 2019 (80 %) годов. Но в то же время студенты ожидают от государства помощи в содействии профориентации, трудоустройству. Причем студенты уверены, что если уж государство ставит какие-либо цели в сфере молодежной и семейной политики, оно должно обеспечивать реализацию поставленных задач. Так, студенческая молодежь ожидает от государства денежной поддержки, помощи в приобретении или предоставлении жилья и трудоустройстве²¹.

Другими словами, запрос со стороны студентов для реализации семейных стратегий на стартовые условия социально-экономической поддержки со стороны государства довольно высок. Таким образом, необходимость в проведении молодежной семейной политики, отвечающей интересам и потребностям молодых людей, очевидна, и эффективность этого направления современного

¹⁸ Анкетирование студентов Дальневосточного федерального университета 2017 года // Из личного архива авторов. Анкетирование проводилось в 2017 году преподавателями факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Пановой Е.А., Андриюшиной Е.В., Опаринной Н.Н.) при поддержке указанного факультета, проект «Молодёжная политика как ключевой компонент системы воспроизводства квалифицированных трудовых ресурсов Дальневосточного региона РФ». В анкетировании приняли участие 17 студентов. Преобладающий возраст респондентов – 18 лет.

¹⁹ Там же.

²⁰ Анкетирование студентов... 2019 года...

²¹ Там же.

российского государства напрямую определяет реализацию семейного потенциала студенческой молодежи.

В целом представляется, что проблемы государственной молодежной политики в первое постсоветское десятилетие (высокая степень нестабильности и изменчивости ее приоритетов; отсутствие стратегической и институциональной основы работы с молодежью; реализация хаотических, тактических, не связанных между собой мероприятий в области развития высшего и послевузовского образования, профилактики правонарушений; нехватка финансирования федеральных целевых и региональных программ по различным направлениям молодежной политики и т. д.) с приходом к власти нового Президента Российской Федерации решены не полностью.

Несмотря на положительные результаты в виде выстраивания архитектуры в сфере государственной молодежной политики (создание Федерального агентства по делам молодежи – Росмолодежи в 2012 году), выработку на самом высоком политико-административном уровне приоритетов и целей молодежной и семейной политики (национальных проектов на основе Майских указов, ряда стратегических документов молодежной политики – Концепции государственной молодежной политики 2001 года²², Стратегии государственной молодежной политики до 2016 года²³, Основ государственной молодежной политики на период до 2025 года²⁴), следует констатировать сохраняющуюся по-прежнему «подвижность» приоритетов молодежной политики (Андрюшина и Панова, 2017).

Та же тенденция проявляется в направлениях деятельности Росмолодежи. К слову, несколько лет назад их насчитывалось от пяти до восьми. На 2019 год количество приоритетных направлений Агентства увеличено до шестнадцати, причем «Формирование у молодежи традиционных семейных ценностей» является одним из них и по объемам финансирования занимает пятое место среди шестнадцати направлений (после развития инновационного потенциала молодежи, социальной адаптации, патриотизма, вовлечения молодежи в здоровый образ жизни). Таким образом, государство позиционирует себя как актор, формирующий позитивное отношение к институтам семьи и брака, родительства, поддержки (в том числе информационной) молодых родителей в кризисных ситуациях. Особое значение приобретает проведение пропагандистских мероприятий по созданию и поддержанию образа молодой семьи.

Представляется, что эффективность реализации данного стратегически важного направления в настоящий момент сложно оценить как высокую. Так, согласно статистическим данным, количество зарегистрированных бра-

²² Концепция государственной молодежной политики [Электронный ресурс]: утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по делам молодежи от 05.12.2001 № 4. URL: <http://www.ussurmc.ru/ustav/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A6%D0%98%D0%AF.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).

²³ Стратегия государственной молодежной политики в РФ до 2016 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 18.12.2006 № 1760-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/> (дата обращения: 21.02.2019).

²⁴ Об утверждении Основ государственной молодежной политики на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 21.02.2019).

ков среди молодежи в период с 2000 по 2018 годы включительно находится около отметки в 700 000 браков (в 2000 году зарегистрировано 711 194 браков, в 2018 – 747 481), не увеличиваясь существенным образом. Пик регистрации пришелся на период с 2010 (938 847 браков) по 2015 (854 443 брака) годы, после чего данный показатель пошел на снижение²⁵. Эти результаты вполне коррелируют с отмеченными выше итогами анкетирования студентов 2007 и 2019 годов (желание создать семью при условии стабильного дохода, места работы, достойных жилищных условий и т. д.).

Безусловно, государство не является единственным агентом социализации, ответственным за формирование и укрепление семейных ценностей среди молодежи. Традиционно значимую роль в этом процессе играет сам институт семьи, а также институты образования и воспитания (вузы, школы...). Обращаясь более детально к институту семьи как агенту первичной социализации, отметим, что современное студенчество скорее *не склонно* рассматривать модель семейного поведения своих родителей как идеальную или желаемую. Так, лишь 13 % респондентов хотели бы воспроизвести модель поведения родителей в собственных семьях, 20 % не сделают этого ни в коем случае, а 30 % готовы позаимствовать лишь некоторые элементы модели семейных отношений своих родителей. Примером для многих студентов является семья не предыдущего поколения (родителей), но прауродителей – студенческие семьи бабушек и дедушек²⁶.

Итак, в целом следует отметить невысокий уровень совпадения мероприятий государственной молодежной и семейной политики с ожиданиями и интересами российской молодежи в целом и российского студенчества в частности. Недостаточно эффективная политика государства в области социально-экономической поддержки студентов наряду с провалом информационной пропагандистской кампании по формированию семейных ценностей, а также снижением значимости негосударственных акторов семейной и репродуктивной социализации обусловили актуализацию таких негативных тенденций в структуре ценностей российских студентов, как приоритет карьеры и благополучия по отношению к семье при сохранении желания студентов иметь семью и детей, положительное отношение к незарегистрированному браку, изменение целей вступления в официальные брачные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семейные стратегии студенчества как отдельной социальной группы в общей структуре российской молодежи во многом определяют сценарии развития современного российского государства и общества. Характер и содержание семейных ценностей, являясь базой семейного поведения студентов, являются результатом проводимой государством молодежной политики и работой таких агентов социализации, как семья, институты воспитания и образования.

²⁵ *Российский статистический ежегодник 2018* [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федеральной службы гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения: 13.05.2019).

²⁶ *Анкетирование студентов московских ВУЗов 2019 года* // Из личного архива авторов.

Неэффективность агентов социализации, ответственных за распространение и укрепление традиционных ценностей, предопределила некую хаотичность в восприятии студенческой молодежи миссии и целей института семьи. Так, семейные стратегии студенчества на протяжении последних 12-ти лет в целом подверглись небольшим трансформациям, что выражается в ориентациях молодежи на:

- модель семьи как официально зарегистрированных партнерских отношений с равным распределением прав и обязанностей между супругами и с желанием иметь преимущественно двух детей;
- причины вступления в семейные отношения на основе чувств (любви) при стабильной финансово-экономической ситуации;
- студенты полагаются главным образом на собственные силы в реализации своих как семейных, так и в целом жизненных перспектив.

При этом следует отметить увеличение поддержки незарегистрированных браков со стороны студентов, а также сохранение крайне опасной семейной стратегии, связанной с тем, что 3 % студентов сознательно выбирают модель семьи при отсутствии детей.

Государство в глазах студентов призвано обеспечивать, прежде всего, первичные социально-экономические гарантии (помощь в профориентации, трудоустройстве). Более того, на наш взгляд, государство имеет более широкие обязательства в сфере формирования семейных ценностей, а путями решения проблемных зон современной государственной политики в данной сфере могут стать активизация пропаганды в сфере формирования семейных ценностей, повышение внимания к вопросам социально-экономической поддержки молодежи, включая трудоустройство, обеспечение жильем, налаживание диалога между всеми акторами семейной социализации, включая вузы, а также введение института студенческой семьи в политико-правовое поле субъектов принятия решений в сфере государственной молодежной и семейной политики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31083 «Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи: 10 лет спустя (выводы для современной социальной политики в области семейных отношений)».

Библиографический список

Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // *Власть*. 2017. Т. 25, № 7. С. 60–65.

Антонов А. И. Кризис семьи и родительства // *Проблемы родительства и планирования семьи* / Отв. ред. А. И. Антонов. М.: Ин-т социологии РАН, 1992. С. 11–27.

Антонов А. И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники [Электронный ресурс] // Demographia.ru. 2010. 01 февр. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (дата обращения: 08.05.2019).

Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Чудиновских О. С., Мисихина С. Г. Демографическая политика России: от размышления к действию / Под ред. В. В. Елизарова. М: Представительство ООН в РФ, 2008. 41 с.

Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126–131. DOI: 10.7868/S0132162517070145.

Багдасарян В. Э. Устойчивость института семьи как фактор национальной безопасности России [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2014. 08 сент. URL: <http://rusrand.ru/docconf/ustojchivost-instituta-semi-kak-faktor-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 12.06.2019).

Барбасов А. А. Жилищные условия как фактор мотивации демографического поведения: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. 26 с.

Борисенков В. П., Гукаленко О. В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 5 (24). С. 1–24. URL: <https://paukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

Бурилкина С. А., Каминский А. С., Супрун Н. Г. Изучение ценностей и ценностных ориентаций студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 37–39.

Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.

Гурко Т. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6. С. 10–15.

Захаров С. Рожать сегодня... и не рожать завтра // Научно-образовательный портал IQ – НИУ «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. 2010. 3 марта. URL: <http://www.opes.ru/1212849.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Карцева Л. В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность: дис. ... д-ра соц. наук. Казань: Ин-т соц.-эконом. и прав. наук акад. наук Татарстана, 2001. 609 с.

Каткова И. П., Андрюшина Е. В., Катков В. И. Рождаемость и репродуктивный потенциал населения России // Народонаселение. 2012. № 3 (57). С. 5–12.

Коробейникова А. П., Попова Е. В. Молодая семья как объект государственной молодежной семейной политики // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 2, № 2 (114). С. 34–39.

Кузьмен О. В. Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119). С. 144–151.

Малимонов И. В., Король Л. Г., Синьковская И. Г., Рахинский Д. В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2015. №10 (54). С. 202–219. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-19.

Ондар Л. М., Доспан-оол Д. В. Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. №1 (15). С. 72–80. DOI: 10.23951/2307-6127-2017-1-72-80.

Панова Е. А., Андрюшина Е. В., Опарина Н. Н. Современная российская молодёжная политика: государственные ориентиры и региональная практика (на примере Дальневосточного региона) // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2017. № 64. С. 194–216.

Рябова А. Н., Шевченко Н. Г. Ценности современной молодежи // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: материалы XIII студенческой Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 29 окт. 2013 г. / Под ред. Н. В. Дмитриевой. Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2013. С. 68–76.

Самыгин С. И., Верецагина А. В., Левая Н. А. Молодая семья в России в условиях семейного плюрализма: к вопросу о формировании семейной культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 59–63.

Свинцов И. Н. Отдельные аспекты молодежной семейной политики в контексте государственного управления // Омский научный вестник. Серия «Общество, история, современность». 2007. № 1. С. 64–67.

Семейные стратегии современной студенческой молодежи. Решение конфликта «работа – семья» / Рук. авт. кол-ва Н. С. Григорьева. М.: Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2009. 56 с. [Электронный ресурс] // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312488.pdf (дата обращения: 10.05.2019).

Сокольский А. Э. Основные функции молодой семьи в современных исследованиях // Среднее профессиональное образование. 2013. № 9. С. 40–42.

Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23–42.

Чукреева Л. Н., Дзэбэева Т. Б. Семейные ценности студенческой молодежи вузов республики Бурятия // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 39–42.

Allred C. A. High School Seniors' Ideal Time to Marry, 2017 [Электронный ресурс] // Family Profiles. 2019. № 11. URL: <https://www.bgsu.edu/ncfmr/resources/data/family-profiles/allred-hs-seniors-expectations-marry-fp-19-11.html> (дата обращения: 22.04.2019).

Borrero S., Nikolajski C., Steinberg J. R., Freedman L., Akers A. Y., Ibrahim S., Shwarz E. B. "It Just Happens": a Qualitative Study Low-Income Women's Perspectives on Pregnancy Intention an Planning // Contraception. 2015. Vol. 91, № 2. P. 150–156. DOI: 10.1016/j.contraception.2014.09.014.

Durkheim É. Introduction à la Sociologie de la Famille. Paris: Les Éditions de Minuit, 1975. 570 p.

Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992. 216 p.

Guzzo K. B., Hayford S. R., Lang V. W. Adolescent Fertility Attitudes and Child-bearing in Early Adulthood // Population Research and Policy Review. 2019. Vol. 38, № 1. P. 125–152. DOI: 10.1007/s11113-018-9499-8.

Musick M. A. A Review of Methodological and Ethical Issues Surrounding the New Family Structures Study [Электронный ресурс]. 2014. 9 June. URL: <https://ru.scribd.com/document/260747196/Musick-s-report#scribd+review> (дата обращения: 22.04.2019).

Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1955. 422 p.

Regnerus M. How Different Are the Adult Children of Parents Who Have Same-Sex Relationships? Findings from the New Family Structures Study // Social Science Research. 2012. № 41. P. 752–770. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2012.03.009.

Информация об авторах

Андрюшина Евгения Владимировна – канд. полит. наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, комн. А-814.

ORCID: 0000-0003-2443-5677

Электронный адрес: eugenie80@mail.ru.

Панова Екатерина Александровна – канд. соц. наук, доцент кафедры управления персоналом факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, комн. А-814.

ORCID: 0000-0001-8119-1299

Электронный адрес: Panova@spa.msu.ru

Статья получена 15 мая 2019

UDC 316.356.3-053.6:32

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-200-219

THE IMPACT OF STATE POLICY ON THE FAMILY STRATEGIES OF THE STUDENT YOUTH

Evgeniya V. Andryushina

Lomonosov Moscow State University, 27, 4 Lomonosovsky
prospect, Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0003-2443-5677

E-mail: eugenie80@mail.ru

Ekaterina A. Panova

Lomonosov Moscow State University, 27, 4 Lomonosovsky
prospect, Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0001-8119-1299

E-mail: Panova@spa.msu.ru

For citation:

Andryushina, E. V. and Panova, E. A. (2019), "The Impact of State Policy on the Family Strategies of the Student Youth", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 200–219, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-200-219.

Introduction: the improvement of the demographic situation in modern Russia, the spread of family values is traditional and does not lose its relevance as a priority of state policy, which is confirmed in the strategic measures developed at the highest political and administrative level. A special role in the implementation of positive demographic scenarios belongs to students as a special social group, designed to become the main source of formation of the basic social institution - the family. Effective measures of the state policy in the above areas largely determine the viability of the young family, contributes to the formation of the readiness of young people to marry and have children.

Aims: correlation of the results with the priorities and indicators of policy documents in the field of youth, demographic, family policy; evaluation of the effectiveness of public policy on the formation of family values.

Methods: combination of macrosocial and political analysis of measures of state youth, demographic, family policy; conducting a survey of students of humanities and technical specialties of Moscow universities and comparing its results with the results of a similar study in 2007, which suggests the implementation of longitudinal project ; review of secondary sociological research on selected issues; analysis of relevant policy texts of state strategic documents in the field of youth, family, demographic policy.

Results: the main strategies of family behavior of Russian students are identified and described; the effectiveness of the state family and youth policy is evaluated through the prism of its perception in the student environment; recommendations for improving the effectiveness of the state family and youth policy are proposed.

Conclusion: family strategies of modern Russian students are determined by the activities of the state as the dominant actor in the formation and strengthening of family values, and non-state actors (families, educational institutions), as well as the actual level of socio-economic development of society as a whole. The decrease in the effectiveness of these subjects of family socialization predetermined the variability of family strategies of Russian students, as well as changes in the perception of the family as a social institution in the eyes of young people. In general, the orientation of students is not associated with the implementation of positive demographic scenarios of the Russian Federation.

Key words: state youth policy; family policy; demographic policy; student family; family strategies; efficiency of state policy; national projects

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded by the grant issued by the Russian Foundation for Fundamental Research and Expert Institute of Social Research, project no. 19-011-31083 “Family Strategies of Modern Undergraduate Russian Students: 10 years later (outcomes for social policy on family)”.

References

Andryushina, E. V. and Panova, E. A. (2017), “The Modern Russian State Youth Policy: Evolution, Main Directions and Practice”, *Vlast'*, vol. 25, no. 7, pp. 60–65.

Antonov, A. I. (1992), “Crisis of Family and Parenthood”, in Antonov, A. I. (ed.), *Problemy roditel'stva i planirovaniya sem'i* [The Problems of Parenthood and Family Planning], Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 11–27.

Antonov, A. I. (2010), “Why We Can't Hope that the Birth Rate Will Rise When Today's Senior High School Students Start Getting Married” [Online], available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (Accessed 08 May 2019).

Arhangelsky, V. N., Ivanova, A. E., Chudinovskih, O. S. and Misihina, S. G. (2008), *Demograficheskaya politika Rossii: ot razmyshleniya k dejstvuyu* [Russia's Population Policy: from Thought to Action], in Elizarov, V. V. (ed.), United Nations agency in the Russian Federation, Moscow, Russia.

Bagirova, A. P. and Shubat, O. M. (2017), “Family and Parenting in the light of the Students Views”, *Sociological Studies*, no. 7, pp. 126–131, doi: 10.7868/S01321625170701.

Bagdasaryan, V. E. (2014), “Stability of Family Institution as a Factor of Russia's National Security” [Online], available at: <http://rusrand.ru/docconf/ustojchivost-instituta-semi-kak-faktor-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii> (Accessed 12 June 2019).

Barbasov, A. A. (2008), “Housing Conditions as a Motivator of Demographic Behavior”, Abstract of Ph.D. dissertation, Economic Sociology and Demography, South Ural State University, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Borisenkov, V. P. and Gukalenko, O. V. (2014), “The Institution of the Family and Family Policy in Modern Russia: Problems, Trends and Prospects”, *The Eurasian Scientific Journal*, no. 5, [Online], available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (Accessed 12 June 2019).

Burilkina, S. A., Kaminsky, A. S. and Suprun, N. G. (2016), “The Study of Values and Value Orientations of Students Youth in a Transforming Society”, *Humanities, Social-Economics and Social Sciences*, no. 10, pp. 37–39.

Golod, S. I. (2008), “Russian Family's State and Evolution – Sociological Demographic Analyses”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 40–49.

Gurko, T. (2008), “Russia: Social Policy towards Young Parents”, *Vlast'*, no. 6, pp. 10–15.

Zaharov, S. (2010), “Give Birth in the Present Day... and not Give Birth in the Next Day” [Online], available at: <https://iq.hse.ru/news/177674504.html> (Accessed 05 May 2019).

Kartseva, L. V. (2001), "Family in the context of Russia's Society Transformation: Theoretical Model and Empirical Reality", D. Sc. Thesis, Social Structure, Social Institutes and Processes, The Institute of Social, Economic and Law Sciences of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Katkova, I. P., Andryushina, E. V. and Katkov, V. I. (2012), "Fertility and Reproductive Potential of the Russian Population", *Population*, no 3, pp. 5–12.

Korobeynikova, A. P. and Popova, E.V. (2013), "Young Family as an Object of State Youth Policy of Family", *Scientific Notes of the Russian State Social University*, vol. 2, no. 2, pp. 34–39.

Kuzmen, O. V. (2014), "Present and Future of Russia in Value Orientations and Views of Russian Students", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 1, pp. 144–151.

Malimonov, I. V., Korol, L. G., Sinkovskaya, I. G. and Rakhinsky, D. V. (2015), "Problem Mating Behavior of Students", *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 10, pp. 202–219, doi: 10.12731/2218-7405-2015-10-19.

Ondar, L. M. and Dospan-ool, D. V. (2017), "Representation of the Tuvan Student Youth about Family and Marriage", *Pedagogical Review*, no. 1 (15), pp. 72–80, doi: 10.23951/2307-6127-2017-1-72-80.

Panova, E. A., Andryushina, E. V. and Oparina, N. N. (2017), "Modern Russian Youth Policy: State Orientations and Regional Practice (Example of the Far Eastern Region)", *Public Administration E-Journal*, no. 64, pp. 194–216.

Ryabova, A. N. and Shevchenko, N. G. (2013), "Values of Modern Youth", *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki: materialy XIII studencheskoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Scientific Community of Students of the XXI Century. Social Sciences. Proceedings of the XIII Students' International Scientific and Practical Conference], in Dmitrieva, N. V. (ed.), Publishing House "SibAC", Novosibirsk, Russia, pp. 68–76.

Samygin, S. I., Vereshchagina, A. V. and Levaya, N. A. (2016), "Young Family in Russia in the conditions of Family Pluralism: to a Question of Forming Family Culture", *Humanities, Social-Economics and Social Sciences*, no. 11, pp. 59–63.

Svintsov, I. N. (2007), "Some Aspects of Youth Family Policy in the context of the Government Policy", *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, no.1, pp. 64–67.

Grigoreva, N. S. (ed.) (2009), *Semeinye strategii sovremennoj studencheskoj molodezhi. Reshenie konflikta "rabota – sem'ya"* [Family Strategies of Modern Russian Student Youth. Work-Family Conflict Resolution] [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_312488.pdf (Accessed 10 May 2019).

Sokolsky, A. E. (2013), "The Main Functions of a Young Family in Modern Researches", *The Journal of Secondary Vocation Education*, no. 9, pp. 40–42.

Chernova, Zh. V. (2010), "Demographic Reserve": a Young Family as an Object of State Policy", *Woman in Russian Society*, no. 1, pp. 23–42.

Chukreyeva, L. N. and Debeeva, T. B. (2016), "Family Values of University Students in the Republic of Buryatia", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 12, pp. 39–42.

Allred C. A. (2019), “High School Seniors’ Ideal Time to Marry, 2017”, *Family Profiles*, no. 11 [Online], available at: <https://www.bgsu.edu/ncfmr/resources/data/family-profiles/allred-hs-seniors-expectations-marry-fp-19-11.html> (Accessed 22 April 2019).

Borrero, S., Nikolajski, C., Steinberg, J. R., Freedman, L., Akers, A. Y., Ibrahim, S. and Shwarz, E. B. (2015), “It Just Happens”: a Qualitative Study Low-Income Women’s Perspectives on Pregnancy Intention an Planning”, *Contraception*, vol. 91, no. 2, pp. 150–156, doi: 10.1016/j.contraception.2014.09.014.

Durkheim, É. (1975), *Introduction à la Sociologie de la Famille*, Les Éditions de Minuit Paris, France.

Giddens, A. (1992), *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Stanford University Press, Stanford, US.

Guzzo, K. B., Hayford, S. R. and Lang V. W. (2019), “Adolescent Fertility Attitudes and Childbearing in Early Adulthood”, *Population Research and Policy Review*, vol. 38, no. 1, pp. 125–152, doi: 10.1007/s11113-018-9499-8.

Musick, M. A. (2014), “A Review of Methodological and Ethical Issues Surrounding the New Family Structures Study” [Online], available at: <https://ru.scribd.com/document/260747196/Musick-s-report#scribd+review> (Accessed 22 April 2019).

Parsons, T. and Bales, R. F. (1955), *Family, Socialization and Interaction Process*, Free Press, New York, US.

Regnerus, M. (2012), “How Different Are the Adult Children of Parents Who Have Same-Sex Relationships? Findings from the New Family Structures Study”, *Social Science Research*, no. 41, pp. 752–770, doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.03.009.

Received May 15, 2019

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 338.439.222:004.9

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-220-236

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ УСЛУГАМИ НА ОСНОВЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.С. ОБОРИН

Пермский институт (филиал) «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова», г. Пермь, Россия;

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия;

Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. ак. Д.Н. Прянишникова, г. Пермь, Россия;

Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия

Для цитирования:

Оборин М. С. Повышение эффективности управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2019. Том 11, № 2. С. 220–236. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-220-236.

Введение: в статье рассматривается актуальный вопрос необходимости повышения эффективности управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий. Новые технологии позволят создать благоприятные перспективы для развития российского сельского хозяйства в глобальной экономике и усовершенствовать механизмы государственной поддержки отрасли.

Цель: оценить состояние сельскохозяйственного производства и услуг как важного фактора социально-экономического развития страны и регионов, выявить перспективные направления развития сельскохозяйственного производства и услуг, сформировать модель эффективного управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий.

Методы: формально-логический метод, диалектический метод познания экономических и социальных процессов, метод системного анализа.

Результаты: выявлены основные проблемы и препятствия для быстрого развития и внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство страны, основными из которых являются низкая техническая вооруженность предприятий в регионах, недостаточно сформированная бизнес-среда, неэффективность бизнес-процессов. К проблемам в сфере управления относятся консервативность руководства, отсутствие опыта работы со сред-

ствами автоматизации и недоверие к ним как инструменту для повышения эффективности работы. Это приводит к трудностям для разработчиков в создании и продвижении платформ и приложений в агробизнесе.

Выводы: по итогам работы сформулированы предложения по повышению эффективности управления сельскохозяйственными услугами, представлена модель с учетом внедрения цифровых технологий, обоснован возможный эффект от внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: сельскохозяйственные услуги; агропромышленное производство; цифровые технологии; цифровизация; бизнес-процессы; автоматизация

ВВЕДЕНИЕ

Уровень развития сельского хозяйства играет важную роль в экономике страны. Сельское хозяйство является второй главной отраслью производства. Оно включает в себя растениеводство, рыболовство, животноводство и другие виды деятельности, обеспечивает страну продовольствием, а смежные отрасли сырьем. От эффективного и рационального ведения хозяйства во многом зависит уровень продовольственной и биологической безопасности в стране. Комплекс сельскохозяйственных услуг представляет собой различные виды деятельности, например обработку сельскохозяйственных угодий, которая включает в себя вспашку, боронование, прополку, сбор урожая, внесение удобрений, борьбу с вредителями сельскохозяйственных растений, заготовку кормов, производство молока и мяса и др.

В настоящее время и в России, и за рубежом все более активно обсуждаются опыт и возможности применения различных цифровых технологий в сельском хозяйстве и сфере оказания сельскохозяйственных услуг, в первую очередь способствующих росту урожайности и высокому качеству продукции.

В этой связи большой научный и практический интерес представляет выявление, анализ и оценка перспектив российского сельского хозяйства в глобальной экономике на основе применения новых технологий, совершенствование механизмов государственной поддержки отрасли, в том числе развитие страхования.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовались формально-логический метод, диалектический метод познания экономических и социальных процессов, метод системного анализа, на основании которых были получены данные о состоянии и тенденциях развития сельскохозяйственных услуг.

Проблемы социально-экономического развития сельского хозяйства являются актуальными. Об этом свидетельствует рост количества зарубежных и отечественных публикаций по данному направлению. Ряд авторов рассматривают закономерности роста цен на различные группы сельскохозяйственной продукции, обосновывают необходимость и методы их стабилизации на определенном уровне, обеспечивающем потребности всех групп населения в рамках и на уровне прожиточного минимума (Anderson, 2012; Anderson

and Nelgen, 2012; Bouët and Laborde, 2010). Серьезные зарубежные исследования последних лет посвящены оценке роли экономических и геополитических кризисов в изменении конъюнктуры глобального продовольственного рынка, обоснованию смены экспортно-импортных ориентиров поставок продукции сельского хозяйства (Bouët et al., 2014; Hochman et al., 2014). Важным вопросом исследований зарубежных авторов последнего десятилетия является анализ изменений нормативно-правовых и административно-управленческих аспектов регулирования сельского хозяйства¹ (Giordani et al., 2014; Headey and Fan, 2008; Headey, 2011).

В целом зарубежные исследования в области цифровизации сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственных услуг можно условно разделить на три основных направления.

Первое направление представлено изучением опыта применения новых технологий в сельском хозяйстве развивающихся стран, а также территорий со сложным социально-экономическим положением, но благоприятными природно-климатическими условиями для производства сельскохозяйственной продукции. В этих работах чаще всего отмечается наличие специфических условий ведения бизнеса, серьезной государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, быстрые темпы роста сектора в целом, отдельных отраслей и подотраслей.

Вторая группа исследований сосредоточена на частных примерах применения отдельных цифровых технологий в развитии агропромышленного комплекса и сельского хозяйства, в том числе исследуются процессы автоматизации рабочих мест и повышение производительности труда; эффективности производства и оптимизации ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий.

Третья группа трудов связана с выявлением возможностей применения цифровых технологий к различным сельскохозяйственным компаниям и фирмам в зависимости от уровня и масштаба их бизнеса, от форм собственности. Особую группу в этом научном направлении составляют исследования, посвященные возможности цифровизации и компьютеризации производственных и бизнес-процессов мелких фермерских хозяйств, т. е. тех предприятий, которые составляют основу местной аграрной экономики развитых и большинства развивающихся стран.

Наряду с зарубежными, отечественные исследователи в последнее десятилетие проявляют высокую степень активности в изучении цифровизации в сельском хозяйстве.

Многие ученые справедливо выделяют в качестве ключевого направления развития сельского хозяйства внедрение экологически чистых технологий, создание предприятий и перерабатывающих комплексов на основе принципов «зеленой экономики» (Брюханов и др., 2016; Васильев и др., 2016; Ильясов и др., 2012). Особо отмечается роль доступности нововведений для отрасли и региона, финансово-экономические и кадровые возможности их реализа-

¹ *Débâcle*: The 11th GTA Report on Protectionism / Ed. by S. Evenett [Электронный ресурс] // Global Trade Alert. 2012. June. URL: <https://www.globaltradealert.org/reports/download/29> (дата обращения: 12.03.2019).

ции как основные условия экономической и производственной целесообразности. При этом указывается положительное значение цифровых технологий для решения этих задач.

По мнению многих ученых, немаловажным вопросом внедрения инноваций и цифровых технологий в сферу сельскохозяйственных услуг является эффективность управления на уровне региона и отраслевых субъектов (Оборин, 2014; Иванов и Семенова, 2017). Параметры качественного управления связываются с профессиональной компетентностью и знанием особенностей производства, рациональностью внедрения технологий, оценкой последствий изменения в производственном цикле с точки зрения влияния на производительность труда, рентабельностью основных процессов, сокращением затрат.

Нормативно-правовые аспекты экологического контроля, соблюдения производственных и санитарно-гигиенических нормативов при производстве сельскохозяйственной продукции также широко отражены в работах отечественных авторов (Белокрылова и Уаге, 2014; Сергиенко, 2011; Труфляк и др., 2018). Среди прочих вопросов в этих исследованиях оценивается конкурентоспособность продукции по качеству и соответствию требованиям международных стандартов для пищевой продукции, возможности экспорта на основе выполнения требований международного законодательства, внедрения экологического менеджмента на предприятиях агропромышленного комплекса и сельского хозяйства.

Также некоторые отечественные исследователи предлагают комплексный подход к производственной, экономической и экологической эффективности внедрения информационно-коммуникационных технологий в отдельных отраслях сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом (Буклагин, 2016; Комлацкий, 2017). Авторы акцентируют внимание на коммерческих результатах и росте производительности производства.

Ряд работ посвящается решению вопросов повышения качества продукции и одновременному улучшению землепользования на основе ликвидации перегруженности почвы биодобавками и удобрениями, которые не должны влиять на экологию и качество продукции (Лебедева и Гафиятов, 2015; Труфляк и др., 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Услуги, связанные с агропромышленным производством, становятся все более разнообразными, охватывают различные секторы занятости, положительно влияют на социально-экономическое развитие территорий с аграрной специализацией, а также при достаточной государственной поддержке сектора повышают продовольственное обеспечение населения неаграрных территорий. Возможность быстрого расширения видов экономической деятельности и сельскохозяйственных услуг в большинстве территорий страны является значительным потенциалом стратегического роста регионов. Поэтому управленческой деятельности как интегрирующему компоненту, объединяющему различные функциональные направления, необходимо уделить особое внимание.

Цифровая экономика – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Признано, что рост цифровой экономики имеет широкое влияние на всю экономику. Согласно Указу Президента «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», одним из главных приоритетов государства является переход к цифровым интеллектуальным производственным технологиям и роботизированным системам². Термин «интеллектуальное» сельское хозяйство можно рассматривать как отрасль материального производства, основанную на внедрении автоматизированных систем принятия решений, комплексной автоматизации и роботизации производственных циклов, технологиях проектирования и моделирования экологических систем.

Усовершенствование сельского хозяйства необходимо для того, чтобы уменьшить риски появления глобальных проблем в продовольственной и экологической отраслях. «Интеллектуальное» сельское хозяйство обеспечивает снижение потребления природных ресурсов и рост безотходного производства, например при использовании биотоплива и возобновляемых источников энергии. Перспектива применения новых технологий направлена на эффективную, экологически безопасную борьбу с вредителями, сохранение и восстановление состояния почвы и воды, а также контроль за соблюдением требований, основанный на дистанционных технологиях. Таким образом, переход к цифровым технологиям в сфере сельскохозяйственных услуг позволит раскрыть потенциал агропромышленного комплекса.

При переходе на «умное» сельское хозяйство человек будет играть второстепенную роль в отслеживании текущего состояния природной среды. Эту функцию возьмут на себя различные датчики, которые будут анализировать состояние компонентов природной среды (воздуха, почвы, воды), а также автоматически контролировать освещение, полив и внесение удобрений. Компьютеры будут своевременно обрабатывать поступающую с датчиков информацию, анализировать ее и указывать, в чем нуждаются растения, животные, природные компоненты окружающей среды. Кроме того, цифровизация агропромышленного комплекса предусматривает повышение эффективности сельскохозяйственного производства, снижение издержкоемкости производственных процессов, формирование новых наукоемких производств, вовлечение в сельскохозяйственное производство работников новых профессий (Иванов и Семенова, 2017).

Интерес к проблематике внедрения и оценки эффективности инновационных технологий в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе коррелирует с ростом коммерческих и производственных результатов, новыми возможностями, связанными с реализацией моделей ускоренного импортозамещения. Традиционные и новые технологии обеспечивают достижение высоких результатов, способствуют актуализации резервов повышения производительности труда и производства продукции и услуг.

² О Стратегии научно-технического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/> (дата обращения: 27.04.2019).

Рынок сельскохозяйственных услуг России находится в стадии активного формирования, поэтому для целей настоящего исследования в качестве его субъектов следует рассматривать:

1) производственные сельскохозяйственные предприятия, для которых сельскохозяйственные услуги являются частью внутреннего производственного процесса и самостоятельным направлением бизнеса;

2) сельскохозяйственные предприятия, специализирующиеся на услугах, без внутреннего производственного процесса.

Внедрение изменений в производственные и управленческие технологии сельского хозяйства должно быть доступным, что достигается при соответствии комплексу критериев:

1) техническая доступность означает, что технология соответствует нормам и нормативам производственной безопасности для человека, окружающей среды, отсутствуют конфликты с оборудованием, которое применяется в производственном процессе;

2) экономическая целесообразность определяется несколькими значимыми критериями – снижением затрат, ростом показателей прибыли и рентабельности основных направлений производства;

3) экологическая доступность связана с возможностью рационального природопользования, снижения концентрации вредных веществ в почве;

4) кадровая доступность заключается в возможности персонала использовать технологии в производственном и управленческом процессе, наличие высокой квалификации, обучаемость, непрерывность производственного и академического образования и повышения квалификации. Здесь также уместно говорить о создании необходимых условий труда, соответствующих нормам безопасности и гигиеническим факторам, направленным на обеспечение удобства, безопасности, экономичности работы с новой технологией с точки зрения рабочего времени и производительности.

Традиционные средства и методы ведения сельскохозяйственной деятельности – экономичные сельскохозяйственные машины; продуктивные сорта растений; эффективные удобрения; рационализация агротехнологических приемов – позволяют стабильно повышать результаты производства. Однако их потенциал уже практически исчерпан, поэтому в сельском хозяйстве последовательно растут темпы применения цифровых технологий и инноваций на основе программно-целевого подхода на уровне федеральных и региональных программ и разработок.

Внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство и агропромышленный комплекс России сдерживается низким спросом отрасли в создании новых машин, оборудования, технологий сельскохозяйственного производства. Цифровизация пока представляет собой принципиально новый подход для нашей страны. По данным Росстата, в 2015 году размер затрат на инвестирование информационно-коммуникационных технологий в сельское хозяйство составил 0,34 % (4000 млн руб.) от всех ИКТ инвестиций в различные отрасли промышленности, в 2017 году объем инвестиций в ИКТ технологии в сельском хозяйстве равнялся 0,5 % (3600 млн руб.) от общего размера инве-

Таблица / Table

Показатели объема инновационных товаров и услуг в сельском хозяйстве в Российской Федерации за 2016–2017, млн руб. * /
Volume of innovative goods and services in agriculture in the Russian Federation in 2016–2017, million rubles

Показатели	Годы				Темпы изменения, %	
	2016		2017		Объем отгруженных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами	Объем инновационных товаров, работ, услуг
	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами	В том числе инновационные товары, работы, услуги	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами	В том числе инновационные товары, работы, услуги		
Растениеводство	58551	6542,1	566435,7	11525,6	96,2	176,2
Животноводство	934939,6	14936,5	963286	16602,3	103	111,2
Растениеводство в сочетании с животноводством	50312	618,9	6365	–	12,7	–
Вспомогательная деятельность в области производства сельскохозяйственных культур и послепосевной обработки продукции	19107,3	125,6	17273,3	318,1	90,4	253,3
Итого по сельскому хозяйству	1592909,9	22223,1	1553360	28446	97,5	128
Всего	51316283,5	4364321,7	57611057,8	4166998,7	112,3	95,5
Удельный вес продукции сельского хозяйства в общем объеме отгруженной продукции, %	3,10	0,51	2,70	0,68	-0,41	0,17

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики¹

¹ Инновации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (дата обращения: 15.04.2019).

стиций во все отрасли промышленности³. Это показывает, что цифровизация сельского хозяйства в России находится на низком уровне. В тех отраслях, в которых информационно-коммуникационные технологии более развиты, заметны более высокие темпы развития и уровень конкурентоспособности, что указывает на положительное влияние подобных технологий в долгосрочной перспективе.

Уровень информатизации и цифровизации отрасли можно также проследить по показателю объема выпускаемой предприятиями сельского хозяйства и агропромышленным комплексом инновационной продукции, поскольку, по оценкам ведущих инновационных компаний, доля цифровых технологий в инновациях составила в период 2017–2018 годов от 75 % до 90 %⁴. Оценка этого индикатора в 2016–2017 годах показала его невысокую долю в общем объеме отгруженной продукции. Тем не менее, при анализе динамики объема отгруженных товаров в 2017 году можно заметить рост использования инновационных товаров, работ и услуг и снижение объема товаров собственного производства (табл.).

В целом в растениеводстве и животноводстве сложилась положительная динамика объема инновационных товаров.

Однако на современном этапе уровень цифровизации сельского хозяйства является низким, ограничивающие факторы – малое количество инновационных предприятий в сфере агротехнологий, высокие затраты на внедрение цифровых решений в производство и управление предприятиями.

ОБСУЖДЕНИЕ

На современном этапе повышение качества сельскохозяйственных услуг не имеет необходимого информационного-аналитического обеспечения и финансово-экономической поддержки. Программное обеспечение разрабатывается и внедряется только под конкретные узкие производственно-управленческие задачи предприятий, которые не связаны между собой ни информационно, ни функционально. Несмотря на ряд ограничений, следует отметить, что, по оценке специалистов ведущих компаний в различных видах экономической деятельности, сфера услуг, в том числе сельскохозяйственных, имеет большой потенциал роста на основе цифровизации. Сложность производственного цикла в сельском хозяйстве обуславливает выделение ком-

³ *Россия в цифрах* [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (дата обращения: 12.04.2019).

⁴ *Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Рос. Федерации на период до 2030 года*. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 140 с. [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: https://issek.hse.ru/data/2017/05/03/1171421726/Prognoz_APK_2030.pdf (дата обращения: 20.03.2019); *Роботы для сельского хозяйства: тенденции развития рынка* [Электронный ресурс] // Aggeek. 2017. 17 нояб. URL: <https://aggeek.net/ru-blog/roboty-dlya-selskogo-hozyajstva-tendentsii-razvitiya-rynka> (дата обращения: 15.03.2019); *Аналитический обзор мирового рынка робототехники* [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк». 2018. Апр. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2018/analiticeskij-obzor-mirovogo-rynka-robototehniki.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

плекса подготовительных и сопутствующих работ в качестве самостоятельных сервисных областей деятельности, к которым нельзя применять обычные производственные решения в целях оптимизации и повышения качества.

Внедрять систему цифровых технологий следует параллельно с формированием системы учета сельскохозяйственных земель, созданием почвенной карты, а также важно отслеживать производимую продукцию (Брюханов и др., 2016). Преобразования в области цифровых технологий в сельском хозяйстве должны предусматривать, что производитель сельскохозяйственных услуг, который подключен к системе национального управления, будет предоставлять электронные отчеты об объемах производства, финансах и иных показателях. Система национального управления должна, в свою очередь, предлагать различные варианты страхования, субсидирования, кредитования, персональные предложения для каждого субъекта хозяйствования; обеспечивать сбыт и реализацию продукции и сельскохозяйственного сырья.

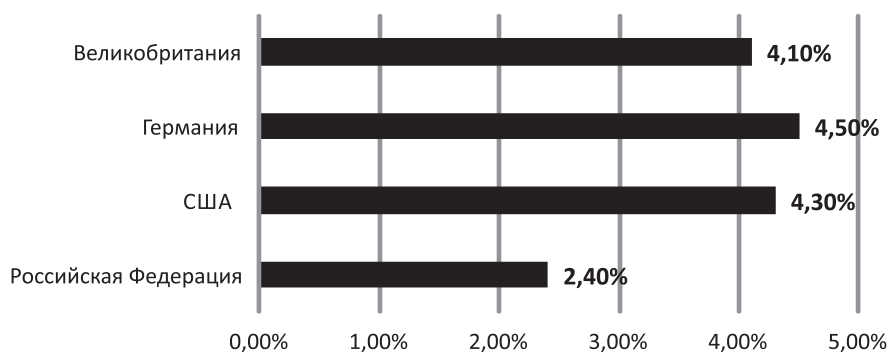

Рис. 1. Удельный объем IT-специалистов в области сельского хозяйства от общего числа работников, % / Fig. 1. IT-specialists share in the total number of employees in agriculture, %

Источник: составлено автором по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁵

Препятствиями для быстрого развития и внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство являются:

– Отсутствие базы качественных агрономических данных, накопленных за долгий период, которые помогли бы построить модели и сформировать план производственного развития. Эта проблема обусловлена малым количеством современной техники на полях, подключенной и передающей данные в приложения облачного хранения. На данный момент имеются спутниковые снимки земли, сделанные с помощью дистанционного зондирования.

– Отсутствие автоматизации бизнес-процессов. Имеются только, как правило, системы бухгалтерского учета без привязки к процессам производства, из-за чего не сформирована культура управления аграрным бизнесом

⁵ Удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников [Электронный ресурс] // Гос. статистика ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43690> (дата обращения: 15.04.2019).

с применением таких систем. Отсутствие практики сопоставления данных дистанционного зондирования земли с действиями на этих полях.

– Большое количество средних и малых предприятий в сельскохозяйственной отрасли с низким уровнем механизации. Это приводит к снижению исполнения выработанных рекомендаций и планов.

– Нехватка квалифицированных сотрудников в сельскохозяйственной промышленности, которые могут обеспечить внедрение и использование современных цифровых технологий (рис. 1). Сложность заключается в нехватке практических компетенций в области сельского хозяйства у выпускников, обучавшихся по направлению информационных технологий, а у выпускников сельскохозяйственного направления – знаний в области ИКТ.

– Закрытость информации сельскохозяйственных предприятий в условиях открытой рыночной среды. Консервативность в управлении, отсутствие опыта работы со средствами автоматизации и недоверие к ним как инструменту повышения эффективности работы приводят к трудностям для разработчиков в создании и продвижении платформ и приложений в агробизнесе.

– Большинство производителей сельскохозяйственных товаров и услуг не имеют финансовых возможностей для покупки новой техники и современных технологий, использования информационно-технологического оборудования, платформ.

– Низкий уровень заработной платы, из-за чего происходят хищения и кражи горюче-смазочных материалов, семян, оборудования, кормов, удобрений. Автоматизация производства рассматривается как средство контроля, а не инструмент для облегчения производства.

– Низкое развитие сети партнерского сервиса аппаратных систем автоматизации производства.

Основываясь на достижениях сельского хозяйства при использовании передовых технологий производства, можно прогнозировать рост производительности труда и урожайности, что в совокупности позволит повысить долю в экспорте и внутреннем потреблении при условии сохранения качества продукции, привлекательности отрасли для высококвалифицированных кадров, активизации инновационных процессов.

Если оценивать значимость каждого фактора в рамках цифровизации, стоит отметить, что необходимо внести изменения в законодательные и нормативно-правовые акты. Основные мероприятия, которые можно выделить, это:

- увеличение финансирования для развития инфраструктуры;
- выделение финансов на разработку технологий беспроводной связи, а также криптографических алгоритмов и протоколов, которые обеспечат безопасность хранения и передачи данных;
- государственные меры поддержки внедрения инновационных технологий и цифровых решений в производстве и реализации продукции сельского хозяйства;
- финансирование для создания агротехнических парков и внедрения инноваций.

Процесс цифровизации в сельском хозяйстве не может пройти быстро и легко, хотя отрасль обладает огромным потенциалом для развития, вне-

дрения и использования информационных и цифровых технологий. Однако на данный момент сельское хозяйство недостаточно оснащено, не готово к инновациям, не обладает высококвалифицированными кадрами, из-за чего его потенциал не раскрыт в полной мере.

На рис. 2 предлагается модель эффективного управления сельским хозяйством.

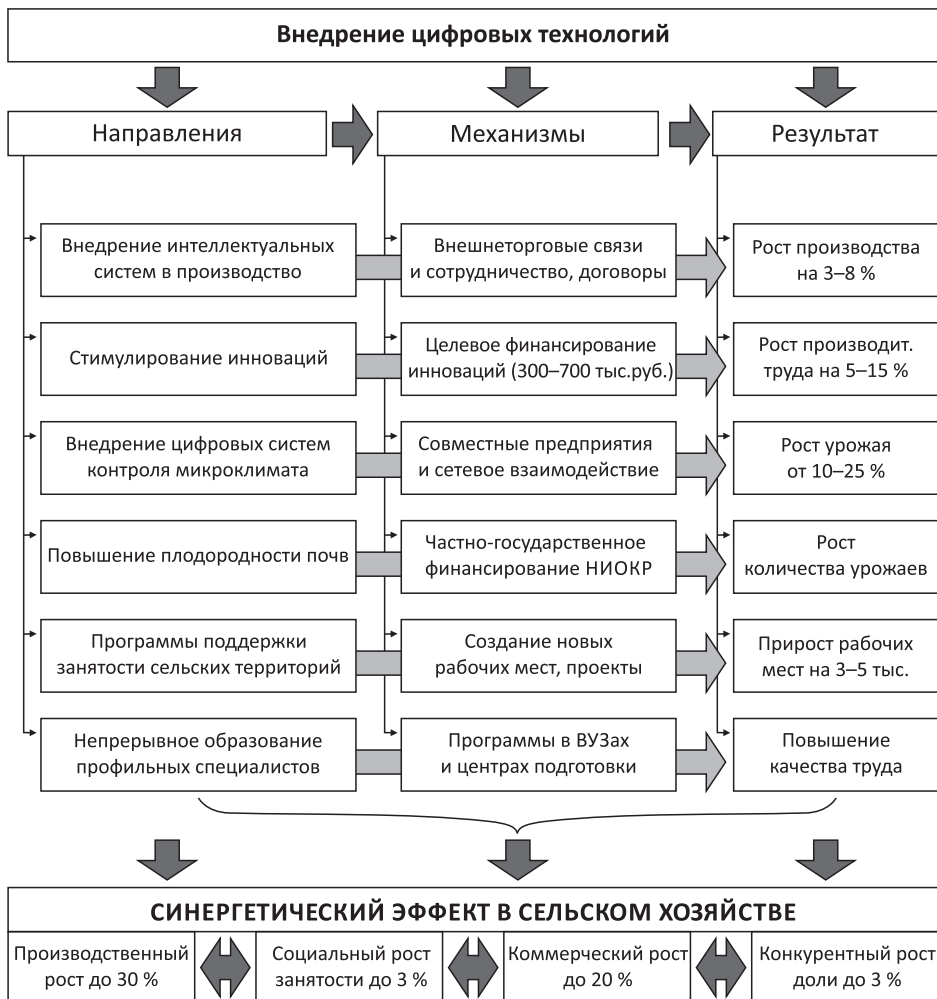

Рис. 2 Модель эффективного управления сельскохозяйственными услугами на основе внедрения цифровых технологий / Fig. 2. Model of agricultural services effective management through the introduction of digital technologies

Необходимо, чтобы производители сельскохозяйственной продукции и государственные органы понимали, что цифровые технологии имеют огромное значение для развития аграрного сектора, а не являются всего лишь вспомогательным инструментом информатизации сельскохозяйственной отрасли. Наша страна имеет все возможности для модернизации аграрно-

технологического производства и превращения его в высокотехнологичную отрасль, которая обеспечит продовольствием себя и другие государства, будет открыта для внедрения инноваций и основана на эффективной системе управления. Формирование внутренних рынков сельскохозяйственных услуг будет способствовать повышению эффективности внутреннего производства и отраслевых бизнес-процессов, обеспечит положительные результаты систем управления на различных уровнях за счет прозрачности и скорости обмена данными, соответствия запросам потребителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексная цифровизация сельскохозяйственных услуг позволит снизить в несколько раз наценку на продукты питания, увеличить объем потребления продуктов питания при существующем уровне дохода населения на основе оптимизации производства и его сопутствующего обслуживания на различных стадиях. Благодаря ускорению процесса доставки продукции потребителю, повышению уровня механизации и автоматизации до среднемирового удастся повысить производительность труда в сельском хозяйстве и снизить себестоимость производимой продукции. Элементы цифровой экономики только начинают проникать в сельское хозяйство. Для этого есть все предпосылки. На данном этапе развития сельского хозяйства в области цифровых инноваций максимальный уровень информатизации аграрных предприятий за счет собственных средств ограничен величиной 24 %. Для существенного повышения этого уровня необходима обязательная поддержка государства.

В сфере разработки программного обеспечения для сельскохозяйственного производства необходимо привлекать как отдельные предприятия, так и ведущих программистов, постановщиков задач в области информатизации, создавать цифровые лаборатории. Благодаря применению промышленных технологий при разработке систем цифровизации сельского хозяйства будет существенно повышено качество разработанных программных продуктов, создана индустрия их промышленного производства.

Сфера сельскохозяйственных услуг содержит большой потенциал роста на основе применения таких цифровых решений, как сервисные роботы, цифровые платформы информационно-аналитического сопровождения производственного процесса, эффективные средства контроля микроклимата и обработки почв.

Реализация мероприятий на основе модельных расчетов существенно увеличит число аграрных предприятий и конкретных сельских товаропроизводителей, способных приобретать и использовать легальные программные продукты и вычислительную технику, снизит стоимость расходов на внедрение и сопровождение, сделает доступной покупку и использование средств и систем цифровизации предприятиями с низкими доходами.

Библиографический список

Белокрылова Е. А., Уаге М. Б. Наилучшие доступные технологии в экологическом праве Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 4. С. 119–123.

Брюханов А. Ю., Козлова Н. П., Васильев Э. В., Шалавина Е. В. Рекомендации по определению наилучших доступных технологий для интенсивного животноводства Российской Федерации (на примере СЗФО) / Под ред. А. Ю. Брюханова. СПб: Ин-т агроинженер. и эколог. проблем сельскохоз. производства, 2016. 88 с.

Буклагин Д. С. Информационное обеспечение разработки справочников НДТ в АПК России // Технологии и технические средства механизации производства продукции растениеводства и животноводства. 2016. № 88. С. 5–19.

Васильев Э. В., Брюханов А. Ю., Козлова Н. П. Оценка эффективности наилучших доступных технологий для интенсивного животноводства // Технологии и технические средства механизации производства продукции растениеводства и животноводства. 2016. № 88. С. 131–142.

Иванов Е. А., Семенова Н. Н. Технологизация учетно-аналитических процессов в экономическом субъекте // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 2 (28). С. 29–33.

Ильясов О. Р., Неверова О. П., Печура Е. В. Перспективы использования методов экобиозащиты открытых водоисточников от воздействия сточных вод // Аграрный вестник Урала. 2012. № 4 (96). С. 47–49.

Комлацкий В. И. Наилучше доступные технологии как элемент экологической модернизации свиноводства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 126. С. 582–599.

Лебедева О. И., Гафиятов И. З. Организация эффективного землепользования в рамках «зеленой экономики» // Проблемы современной экономики. 2015. № 1 (53). С. 306–309.

Оборин М. С. Особенности организации системы природопользования и хозяйствования на курортно-рекреационных территориях // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. 2014. № 4 (35). С. 183–192.

Сергиенко О. И. Продовольственная безопасность: переход к технологическому нормированию экологических воздействий на основе использования наилучших доступных технологий (НДТ) // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 357–361.

Anderson K. Government Trade Restrictions and International Price Volatility // Global Food Security. 2012. Vol. 1, № 2. P. 157–166. DOI: 10.1016/j.gfs.2012.11.005.

Anderson K., Nelgen S. Trade Barrier Volatility and Agricultural Price Stabilization // World Development. 2012. Vol. 40, № 1. P. 36–48. DOI: 10.1016/j.worlddev.2011.05.018.

Bouët A., Laborde D. Economics of Export Taxation in a Context of Food Crisis. A Theoretical and CGE Approach Contribution. IFRPI Discussion Paper [Электронный ресурс] // International Food Policy Research Institute. 2010.

June. 22 p. URL: <http://www.ifpri.org/publication/economics-export-taxation-context-food-crisis> (дата обращения: 03.03.2019).

Bouët A., Estrades C., Laborde D. Differential Export Taxes along the Oilseeds Value Chain // *American Journal of Agricultural Economics*. 2014. Vol. 96, № 3. P. 924–938. DOI: 10.1093/ajae/aau011.

Giordani P., Rocha N., Ruta M. Food Prices and the Multiplier Effect of Trade Policy. IMF Working Paper [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. 2014. Sept. 47 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp14182.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).

Headey D., Fan S. Anatomy of a Crisis: the Causes and Consequences of Surging Food Prices // *Agricultural Economics*. 2008. Vol. 39, № 1. P. 375–391. DOI: 10.1111/j.1574-0862.2008.00345.x.

Headey D. Rethinking the Global Food Crisis: The Role of Trade Shocks // *Food Policy*. 2011. Vol. 36, № 2. P. 136–146. DOI: 10.1016/j.foodpol.2010.10.003.

Hochman G., Rajagopal D., Timilsina G., Zilberman D. Quantifying the causes of the global food commodity price crisis // *Biomass and Bioenergy*. 2014. Vol. 68. P. 106–114. DOI: 10.1016/j.biombioe.2014.06.012.

Информация об авторе

Оборин Матвей Сергеевич – д. экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики ФГБОУ ВО Пермский институт (филиал) федерального государственного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 614070, Россия, г. Пермь, бульвар Гагарина, 57; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; профессор кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. ак. Д.Н. Прянишникова», 614990, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23; профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», 354000, г. Сочи, ул. Советская, 26А

ORCID: 0000-0002-4281-8615

ResearcherID: H-6729-2017

Электронный адрес: recreachin@rambler.ru

Статья получена 10 мая 2019 года

UDC 338.439.222:004.9

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-220-236

IMPROVING THE AGRICULTURAL SERVICES MANAGEMENT EFFICIENCY THROUGH DIGITAL TECHNOLOGIES

Matvey S. Oborin

Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University
of Economics, 57 Gagarin Boulevard, Perm, 614070, Russia
Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia
Perm State Agro-Technological University named after
Academician D. N. Pryanishnikov, Perm, 23 Petropavlovskaya
str., 614990, Russia
Sochi State University, 26A Sovetskaya str., Sochi, 354000,
Russia
ORCID: 0000-0002-4281-8615
ResearcherID: H-6729-2017
E-mail: recreachin@rambler.ru

For citation:

Oborin, M. S. (2019), "Improving the Agricultural Services Management Efficiency Through Digital Technologies", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 220–236, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-220-236.

Introduction. The article deals with the topical issue of improving the efficiency of agricultural services management through the introduction of digital technologies, which will create favourable development prospects for Russian agriculture in the global economy and improve the state support mechanisms in this sector.

Aims. To assess the current state of agricultural production and services as an important factor of socio-economic development of the country and its regions; to identify promising areas of development; to produce an effective management model for agricultural services through the introduction of digital technologies.

Methods. Formal-logical, dialectical method of economic and social processes cognition, the system analysis method.

Results. The problem issues and obstacles for the rapid development and implementation of digital technologies in agriculture of the country have been identified, the main ones being the low technical capacity of enterprises in the regions, the underdeveloped business environment, the inefficiency of business processes. The problems in management include conservatism, lack of experience in working with automation equipment and distrust in those as a tool for improving the work efficiency. This leads to difficulties for developers in creating and promoting platforms and applications in agribusiness.

Conclusion. As a result, proposals to improve the efficiency of agricultural services management have been formulated; a model have been presented taking into account the introduction of digital technologies, supported by justification of the planned effect.

Key words: agricultural services; agro-industrial production; digital technologies; digitalization; business-processes; automatisisation

References

Belokrylova, E. A. and Uage, M. B. (2014), “Best Available Techniques in Russian Environmental Law: Problems and Prospects”, *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, no. 4, pp. 119–123.

Briukhanov, A. Yu., Kozlova, N. P., Vasilev, E. V. and Shalavina E. V. (2016), *Rekomendatsii po opredeleniyu nailuchshih dostupnyh tehnologij dlya intensivnogo zhivotnovodstva Rossijskoj Federatsii (na primere SZFO)* [Recommendations on Recognition of the Best Available Technologies for Intensive Farming of the Russian Federation (the case of Northwestern Federal District)], in Briukhanov, A. Yu. (ed.), Institute for Engineering and Environmental Problems in Agricultural Production, Saint-Petersburg, Russia.

Buklagin, D. S. (2016), “Information Support for Development of Reference Books of Best Available Technologies in the Agro-Industrial Complex of Russia”, *Tehnologii i tehicheskie sredstva mehanizatsii proizvodstva produktsii rastenievodstva i zhivotnovodstva*, no. 88, pp. 5–19.

Vasilev, E. V., Briukhanov, A. Yu. and Kozlova, N. P. (2016), “Effective Assessment of Best Available Techniques for Intensive Livestock Production”, *Tehnologii i tehicheskie sredstva mehanizatsii proizvodstva produktsii rastenievodstva i zhivotnovodstva*, no. 88, pp. 131–142.

Ivanov, E. A. and Semenova, N. N. (2017), “Technologizing Accounting and Analytical Processes in an Economic Entity”, *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, no. 2, pp. 29–33.

Ilyasov, O. R., Neverova, O. P. and Pechura, E. V. (2012), “Perspectives of the Water Sources Ecobiozaschity Public from Exposure to Sewage Poultry Complex”, *Agrarian Bulletin of the Urals*, no. 4, pp. 47–49.

Komlatsky, V. I. (2017), “Best Available Technology as an Element of Ecological Modernization of Pig-Breeding”, *Polithematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, no. 126, pp. 582–599.

Lebedeva, O. I. and Gafijatov, I. Z. (2015), “Organization of Effective Land Use within the Frames of the “Green Economy” (Russia, Moscow, Nizhnekamsk)”, *Problems of Modern Economics*, no. 1, pp. 306–309.

Oborin, M. S. (2014), “Features of the Organization of System of Environmental Management and Managing in Resort-Recreational Territories”, *Herald of Dagestan State Technical University. Technical Sciences*, no. 4, pp. 183–192.

Sergienko, O. I. (2011), “Food Security: Transition to Technological Standartization of Ecologic Impacts on the Basis of Advances Technologies”, *Problems of Modern Economics*, no. 4, pp. 357–361.

Truflyak, E. V., Kurchenko, N. Yu. and Krejmer, A. S. (2018), *Tochnoe zemledelie: sostoyanie i perspektivy* [Precision Agriculture: Situation and Prospects], Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

Anderson, K. (2012), “Government Trade Restrictions and International Price Volatility”, *Global Food Security*, vol. 1, no. 2, pp. 157–166, doi: 10.1016/j.gfs.2012.11.005.

Anderson, K. and Nelgen, S. (2012), “Trade Barrier Volatility and Agricultural Price Stabilization”, *World Development*, vol. 40, no. 1, pp. 36–48, doi: 10.1016/j.worlddev.2011.05.018.

Bouët, A. and Laborde, D. (2010), “Economics of Export Taxation in a Context of Food Crisis. A Theoretical and CGE Approach Contribution. IFRPI Discussion Paper” [Online], International Food Policy Research Institute, available at: <http://www.ifpri.org/publication/economics-export-taxation-context-food-crisis> (Accessed 03 March 2019).

Bouët, A., Estrades, C. and Laborde, D. (2014), “Differential Export Taxes along the Oilseeds Value Chain”, *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 96, no. 3, pp. 924–938, doi: 10.1093/ajae/aau011.

Giordani, P., Rocha, N. and Ruta, M. (2014), “Food Prices and the Multiplier Effect of Trade Policy. IMF Working Paper” [Online], International Monetary Fund, available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2014/wp14182.pdf> (Accessed 23 March 2019).

Headey, D. and Fan, S. (2008), “Anatomy of a Crisis: the Causes and Consequences of Surging Food Prices”, *Agricultural Economics*, vol. 39, no. 1, pp. 375–391, doi: 10.1111/j.1574-0862.2008.00345.x.

Headey, D. (2011), “Rethinking the Global Food Crisis: The Role of Trade Shocks”, *Food Policy*, vol. 36, no. 2, pp. 136–146, doi: 10.1016/j.foodpol.2010.10.003.

Hochman, G., Rajagopal, D., Timilsina, G. and Zilberman, D. “Quantifying the causes of the global food commodity price crisis”, *Biomass and Bioenergy*, vol. 68, pp. 106–114, doi: 10.1016/j.biombioe.2014.06.012.

Received May 10, 2019

УДК 334.021:351(571.63-25)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-237-266

ОЦЕНКА ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА

В. В. ЛИБАК

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия

Для цитирования:

Либак В. В. Оценка институтов развития бизнеса предпринимателями города Владивостока // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 237–266. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-237-266.

Введение: российским государством предприняты попытки создать благоприятный климат для развития предпринимательской деятельности в виде формирования специальных институтов развития, действующих законов о предпринимательской деятельности, функционирования особых режимов. В этой связи представляет особый интерес оценка этих институтов предпринимательским сообществом.

Цель: выявить и охарактеризовать мнение предпринимателей об институтах развития, а также их отношение к действующим режимам на территории Дальнего Востока (территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток и Дальневосточный гектар).

Методы: информация собиралась у предпринимателей города Владивостока в форме интервью о восприятии институтов развития. Полученные данные обрабатывались в программе QDA-Miner.

Результаты: проанализированы наиболее популярные темы, затронутые респондентами, отличающиеся от общей совокупности данные и интервью, образующие связи друг с другом (кластеры). Анализ показал сложности, с которыми сталкивается предприниматель при взаимодействии с институтами развития, проблемы, которые возникают во время перехода к особым режимам, причины нежелания приобрести статус резидента территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток или собственника Дальневосточного гектара. Среди них проблемы информационной осведомленности предпринимателей, бюрократизация и затягивание процессов со стороны государственных структур, отсутствие необходимой инфраструктуры, несоответствие действительности информации на картах, недоверие бизнес-сообщества государству и прочие.

Выводы: на основе подробного анализа данных интервью выявлены проблемы взаимодействия институтов развития Дальнего Востока с предпринимателями города Владивостока и в соответствии с ними предложены следующие решения: повышение степени информированности предпринимателей путем проведения рекламных кампаний и усовершенствования электронных площадок, передача полного объема полномочий институтов развития Корпорации развития Дальнего Востока, применение инструмента наставничества к работе сотрудников институтов, ослабление государственного контроля над резидентами, оптимизация инфраструктуры на территориях особых режимов, обновление карт территорий и ряд других механизмов.

Ключевые слова: институты развития; резиденты; предпринимательство; интервью предпринимателей; территории опережающего социально-экономического развития; свободный порт Владивосток; Дальневосточный гектар

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день на территории Дальнего Востока создано огромное количество институтов развития, действует множество программ по поддержке предпринимательства. Кроме этого, запущены режимы, действующие не так давно: территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), свободный порт Владивосток (далее – СПВ), Дальневосточный гектар (далее – ДВ-гектар). Как известно, эти режимы обладают льготами и преференциями, которые созданы для улучшения условий предпринимательства и увеличения количества людей, занимающихся предпринимательской деятельностью с помощью привлечения их из других регионов и стран (Левченко, 2016, с. 2). Но как оказалось, число предпринимателей не возросло, а тех, кто стал или желает стать резидентом – не так уж и велико. Исследование направлено на определение причины такого невысокого количества резидентов и предпринимателей в целом при помощи выявления общего мнения бизнес-сообщества о существующих институтах развития и действующих особых режимах.

В статье анализируется отношение предпринимателей города Владивостока к существующим институтам развития бизнеса на Дальнем Востоке. Цель работы заключается в том, чтобы выявить и охарактеризовать мнение предпринимателей по отношению к институтам развития.

Основная задача исследования предполагает анализ интервью предпринимателей города Владивостока. Эта задача в свою очередь подразделяется на несколько подзадач:

- выявить наиболее популярные темы в интервью;
- проанализировать наиболее отличающиеся от общей совокупности интервью;
- дать оценку образующим друг с другом связи (кластеры) интервью.

Исследование вносит определенный вклад в дальнейшее изучение институтов развития предпринимательства. Выявленные преимущества и недостатки институтов развития Дальнего Востока помогут усовершенствованию работы институтов развития, расположенных по всей территории страны.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучением институтов развития занимались такие исследователи, как Д. Норт, Дж. Акерлоф, А. Грейф, Т. Веблен, В. Л. Тамбовцев, С. А. Карганов и др. Т. Веблен является одним из основоположников институционализма. В работе «Теория праздного класса» Т. Вебленом эволюция общества рассматривается как процесс естественного отбора институтов (Веблен, 1984, с. 13).

С течением времени исследования институтов разделились на два направления, институционализм и неинституционализм. Неинституционализм (или новая институциональная теория) появился в 60–70-х годах XX века (Толстов, 2011, с. 11). Его основоположниками являются Р. Коуз и Д. Норт. Работа Р. Коуза «Природа фирмы», опубликованная еще в 1937 году, положила начало неинституционализму (Coase, 1937, р. 386), пришедшему на смену

классическому институционализму, родоначальником которого считается Т. Веблен. Но активное развитие неоинституционализма началось позднее, в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В этот период известный американский ученый и Нобелевский лауреат Д. Норт подготовил ряд исследований, посвященных этому направлению, что дало новый виток развитию неоинституционализма.

Особенность неоинституционализма заключается в том, что помимо формально-правовых аспектов он позволяет выявить реальные аспекты политического и социально-экономического процесса, а также представить понимание институтов в широком смысле, отмечая исторически позитивную роль государства (Ирхин, 2014, с. 67).

Понятие «институт» тесно связано с понятием «организация». Институты сами по себе могут проявляться через механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (школа, армия, суд), а также через «правила игры», которые могут быть формальными (кодексы, законы, уставы и т. д.) и неформальными (нормы, правила, обычаи и т. д.) (Баранов и др., 2015, с. 69). Так, некоторые авторы рассматривают институты как организации, а некоторые – с точки зрения правил и норм. К примеру, Дж. Коммонс отдает предпочтение рассмотрению институтов как организаций, анализируя их как организационные механизмы достижения коллективных целей (Commons, 1924, p. 19), Г. Шмоллер также отождествляет институты с организациями (Smoller, 1901, p. 14).

С другой стороны, Д. Норт продемонстрировал, что институты могут восприниматься как «правила игры», нарушение которых, в свою очередь, ведет к применению соответствующего наказания (Норт, 1997, с. 17). Согласно Д. Норту, институты – это «правила игры», формы взаимодействия, которые управляют и сдерживают отношения индивидов» (Норт, 2011, с. 429). Т. Веблен аналогично Д. Норту исследовал институты как «правила игры» и считал, что институт – это своего рода «стереотип мысли» (Веблен, 1984, с. 13).

Более широкое определение институтов представлено А. Грейфом. Его толкование объединяет внешне противоположные направления институционального анализа в социальных науках. В понимании автора институты – это «система правил, убеждений, норм организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения» (Грейф, 2012, с. 35). Такой подход позволяет изучать институциональные истоки, сохранение институтов, их изменения и влияние предшествующих институтов на последующие.

Таким образом, исследование институтов как «правил игры» считается более широким подходом, нежели изучение институтов как «организаций». Но для создания целостной картины в изучении институтов следует придерживаться подхода А. Грейфа, согласно которому институты рассматриваются в совокупности этих подходов.

Институты, в свою очередь, делятся на формальные и неформальные. Формальные включают в себя законы, нормативные акты, уставы и т. п., классифицируются на базовые (конституция) и специализированные (административные регламенты), которые обеспечивают исполнение предписаний базовых институтов. Неформальные институты охватывают нормы, правила

и обычаи. Они могут создаваться за счет исторических и культурных факторов, образования различных организаций, когда требуется придерживаться определенных правил, а также могут возникнуть из-за неправильной работы формальных институтов (Харчилава, 2014, с. 189).

Формальные институты в виде законов и уставов позволяют изменять форму институтов гораздо быстрее, чем это может произойти в неформальных институтах, представленных в виде правил, убеждений и норм, – они предполагают длительный процесс трансформации.

Не всегда такие изменения оказываются успешными. В случае с формальными институтами при неудачной трансформации того или иного института экономические агенты могут начать вести себя оппортунистически, во избежание правил, которые их не устраивают (Харчилава, 2014, с. 189).

Одним из решений проблемы оппортунистического поведения среди экономических агентов может быть применение концепции совокупной продуктивности факторов производства. В работе А. С. Ахременко, И. М. Локшина и А. П. Петрова поясняется, что чем выше продуктивность факторов производства, тем больше интерес у экономических агентов действовать не оппортунистически, а согласно установленным правилам (Ахременко и др., 2016, с. 96).

Другим решением проблемы неэффективных институтов является создание «карманов эффективности», отдельных локальных успешно применяемых проектов под контролем государства (Новиков, 2018, с. 6). Реализацию проектов территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток, Дальневосточного гектара можно считать своего рода «карманами эффективности». На эти проекты возлагается надежда по повышению экономических показателей региона при помощи создания благоприятного климата для привлечения новых предпринимателей на территорию Дальнего Востока.

В. Л. Тамбовцевым выделяются следующие общие механизмы и закономерности эволюции институциональной среды: государственный импорт институтов; естественная диффузия заимствования; легализация спонтанных изменений; спонтанное становление института; законотворчество; дискреционное поведение экономических агентов. Такие механизмы и закономерности помогают предсказывать некоторые ситуации, что позволяет экономическим агентам гораздо успешнее решать поставленные перед ними задачи (Тамбовцев, 2005, с. 28).

Д. В. Бринкерхоф и А. А. Голдсмит представили общую основу для понимания институциональной устойчивости в процессе ее развития. Их исследование показало, что она зависит от учета выходящих потоков продукции (высококачественных и ценных товаров и услуг); экономически эффективных механизмов предоставления товаров и услуг (организации и управления); потоков ресурсов (текущих расходов, капитальных вложений, человеческих ресурсов) (Brinkerhoff et al., 1992, p. 369).

Дж. Акерлоф в работе «Рынок лимонов» исследовал институты рынка труда, выявил важные проблемы теории рынков, которые возникают из-за наличия многочисленных разновидностей одних и тех же товаров (Акерлоф, 1994, с. 91).

Известно, что все регионы различаются между собой степенью инвестиционной привлекательности и условиями предпринимательской деятельности. Для столь крупной страны институциональное разнообразие становится неизбежным ввиду неравномерного распределения ресурсов, разных показателей численности населения, особых природных и климатических условий. Все это влияет на динамику развития территорий. Но основную роль в развитии регионов играют действующие институты развития (Рыжова и Васильева, 2017, с. 9).

В работе И. Ф. Хасанова проводится анализ накопленного Россией опыта зарубежных стран в области функционирования институтов развития и принципов их совершенствования. Также рассмотрены лучшие практики и провалы создания институтов развития в других странах (Хасанов, 2009, с. 37). Анализ и оценку мирового опыта институтов развития также реализуют О. Г. Солнцев, М. Ю. Хромов и Р. Г. Волков. Авторы дают свою классификацию типов институтов развития, инструментов деятельности и управления рисками (Солнцев и др., 2009, с. 9).

Другими исследователями – Е. В. Поповым, М. В. Власовым и М. О. Симахиной – разработано понятие институтов регионального развития. Авторы поясняют, что «институты регионального развития – это устоявшаяся норма взаимодействия между экономическими агентами, результатом применения которой является изменение состояния системы отдельного региона» (Попов и др., 2010, с. 4).

Помимо изучения зарубежного опыта, ученые занимаются исследованием и сравнением институтов развития в разных регионах. А. И. Татаркин и С. Н. Котлярова оценивают особенности развития территориального размещения региональных институтов развития. Они предложили методический подход к оценке уровня развития региональных институтов, который учитывает системность и активность деятельности тех или иных территорий в создании и последующем развитии региональных институтов (Татаркин и др., 2013, с. 16). Н. Я. Калюжнова раскрывает проблему идентификации институтов, влияющих на развитие территорий, и рассматривает роль институтов в концепции конкурентоспособности регионов. Автором были приведены результаты количественного анализа влияния ряда институтов на показатели регионального развития (Калюжнова, 2011, с. 59).

В работе М. В. Курбатовой, К. С. Саблина также уделяется внимание созданию разнокачественных институтов развития на территории России, выявляются причины неэффективной работы институтов развития. Эти причины связаны с тем, что в российской экономике стимулируется использование «правил игры», присущих политико-бюрократическому рынку, – административных, скованных властными отношениями, неформальных, ориентированных преимущественно на достижение краткосрочных личных и корпоративно-бюрократических целей (Курбатова и др., 2012, с. 36).

В работе Н. П. Кетовой и В. Н. Овчинникова рассмотрены институциональные меры и механизмы, которые могут способствовать раскрытию потенциала развития в периферийных регионах России. Основным направлением по улучшению развития периферийных регионов является модернизация типов укладов хозяйственной экономики (Кетова и др., 2014, с. 73).

Весомый вклад в исследование институтов внес В. М. Полтерович с идеей трансплантации институтов из одной экономической среды в другую, менее развитую. Такая трансплантация дает возможность ускорения и совершенствования институционального развития территорий (Полтерович, 2001, с. 24).

В такой ситуации следует учитывать экзогенные факторы (культурные, географические), влияющие на роль институтов в экономическом росте (Greif, 2013, p. 537). Культурная составляющая особенно влияет на формирование институтов, поскольку задает вектор их развития. При этом соблюдаются определенные правила, нормы и сохраняются культурные ценности (Федотова, 2018, с. 143). Роль географического расположения институтов также сильно отражается на их особенностях с учетом разной численности населения, наличия ресурсов, природных условий и прочих факторов (Рыжова и Васильева, 2017, с. 9).

Но создание эффективных институтов развития не всегда может привести к желаемому результату. Например, как упоминалось ранее, трансплантация институтов из высокоразвитых территорий в менее развитые не всегда может дать положительный эффект. На иной территории институт может не прижиться (по причине культурных, ментальных, климатических и иных различий).

Кроме обозначенного, существует проблема институциональных ловушек, понимаемых как «неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающий характер» (Полтерович, 1999, с. 11). Чтобы выйти из таких ловушек, следует изменить действующие институты с помощью спонтанной эволюции или государственного вмешательства (Полтерович, 2004, с. 6).

С. А. Карганов совместно с И. А. Макаровым исследовали территории опережающего развития в контексте деятельности институтов развития и выявили основные проблемы их функционирования. Первая проблема связана с тем, что первоначальная цель создания территорий опережающего развития существенно отличается от нынешней. Изначально идея ТОСЭРов заключалась в том, что их строительство предполагалось в конкретном регионе с подробным изучением территории и тщательным подбором инвестиционных проектов, но потом было принято решение распространить режим ТОСЭРов на всю территорию страны. Вторая проблема обусловлена территориальной неопределенностью реализации модели опережающего развития восточного региона. Третья проблема заключается в том, что политика управления восточными территориями следует в русле прежней экономической модели, провалившейся в масштабах всей страны. Вместо обыденного издания законодательных актов нужно сделать упор на превращение территории Дальнего Востока в территорию экономической свободы (Карганов и др., 2015, с. 7).

Качество институтов обуславливается тем, какие институты будет поддерживать государство (Линецкий, 2016, с. 157). Оно может дать толчок в их развитии путем распространения необходимых знаний и предоставления информации (Greif, 2014, p. 60). Эти информация и знания, в свою очередь, формируют определенное сознание у общества, которое также в дальнейшем влияет на формирование и развитие институтов (Greif, 2016, p. 2).

Особенно важным является доверительное отношение между государством и населением. Как оказалось, оно находится в дефиците, что не очень

позитивно сказывается на эффективности работы институтов (Петухов, 2017, с. 65). Как показывает исследование П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, степень доверия населения к предпринимательству также невелика (Козырева и др., 2017, с. 53). Чтобы вопрос эффективности институтов не возникал, следует прежде всего наладить взаимодействие между населением, бизнесом и государством.

На примере России можно наблюдать, что взаимодействие институтов развития с предпринимателями не совсем эффективно для активизации предпринимательской деятельности. На основе мнений предпринимателей Владивостока о восприятии институтов развития Дальнего Востока в исследовании ставится задача выявить преимущества, которые стоит поддерживать на том же уровне, и недостатки, на которые следует обратить особое внимание и в дальнейшем их устранить. Эта задача была реализована магистрантами Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета в осеннем семестре 2017 года в рамках проекта «Исследование восприятия институтов развития Дальнего Востока предпринимателями города Владивостока».

Для того чтобы выявить и охарактеризовать мнение предпринимателей об институтах развития, был проведен анализ интервью при помощи кодирования данных и определены существующие корреляционные связи. Подобным набором функций обладает небольшое количество программ. Программа HyperRESEARCH может только кодировать данные, а Concordance, PROTAN, и MonoConc – определять связи между словами. Всеми этими возможностями обладает программа «ЛЕКТА», но в ней недостает нужного разнообразия для моделирования возможных корреляционных связей. Единственной программой, которая отвечает всем требованиям для проведения исследования, оказалась QDA-Miner, поскольку содержит разнообразные поисковые средства для выявления корреляции кодированных данных, а также дает возможность работать с большим количеством документов.

Анализ проводился с помощью метода глубинного интервью предпринимателей Владивостока. Всего было реализовано 30 интервью, данные проанализированы и обработаны в программе QDA-Miner. В ней простейшие виды количественного контент-анализа можно осуществлять даже в автоматическом режиме, классифицируя в зависимости от совместной встречаемости слов и выражений самые разнообразные тексты (Олейник, 2014, с. 148).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку не так давно на территории Дальнего Востока началось функционирование режимов, которые способствуют облегченной предпринимательской деятельности за счет предоставляемых льгот и преференций, стало любопытно, насколько эффективным оказалось их создание и какие есть преимущества и недостатки этих режимов. Теоретически предполагается, что такие режимы смогут предстать в виде особых точек роста, а их ускоренное развитие будет стимулировать другие регионы (Бакланов, 2014, с. 12).

**Характеристика кода «Взаимодействие институтов» /
Characteristics of the code “Interaction of institutions”**

Код	Группы кодов	Расшифровка
Взаимодействие институтов	Много институтов	Слишком много институтов развития
Взаимодействие предпринимателей	Отсутствие успеха	Нет удачных примеров
	Дополнительное преимущество	Дополнительное конкурентное преимущество
Взаимодействие предпринимателей и институтов	Незнание возможностей	Не знают всех возможностей режима
	Доступность	Доступность статуса резидента
	Оценка	Оценка работы института предпринимателями
Институциональная среда	Недоверие к государству	Недоверие резидентов к государству
	Несправедливость	«Несправедливый» режим для действующих предпринимателей и новых резидентов
Механизм	Обещания	Несоответствие реальности и обещаний
	Профессионализм	Уровень профессионализма менеджмента институтов развития
	Веб-сайт	Эффективность электронных площадок
	Бюрократия	Медлительность в принятии решений, ошибки, проволочки
	Инфраструктура	Наличие или отсутствие инфраструктуры

В рамках исследовательского проекта был выполнен комплекс работ по изучению как самих институтов развития Дальнего Востока, так и опросу предпринимателей относительно восприятия ими этих инструментов, сформирована навигационная карта институтов развития Дальнего Востока, дающая предпринимателям полную картину по организациям, оказываемым ими услугам и документам, регулирующим механизмы развития Дальнего Востока. Опрос проводился среди предпринимателей Владивостока, которые являются как обычными предпринимателями, так и резидентами ТОСЭР, СПВ и ДВ-гектара, с абсолютно разной сферой деятельности (туризм, торговля, финансы, производство и др.) и стажем ведения бизнеса (от 1 года до 20 и более лет). Такой выбор обоснован тем, что необходимо диагностировать мнение предпринимателей с разным статусом о данных режимах: какие преимущества могут отметить резиденты, насколько осведомлены о режимах те, кто не имеют такого статуса и есть ли у них желание его приобрести.

Таблица 2 / Table 2

Частота упоминания кодов (группа 1) / Frequency of codes mentioning (group 1)

№	Определение кода	Количество упоминаний		Количество кейсов		ТОСЭР	СПВ	ДВ-гектар	Не являются резидентами
		37	6,0 %	18	60,0 %				
1	Предприниматели не владеют достаточным объемом информации о существовании конкретной структуры или ее функциях	49	7,9 %	17	56,7 %	3	5	1	8
2	Медлительность в принятии решений, ошибки, проволочки	39	6,3 %	16	53,3 %	2	5	2	7
3	Эффективность электронных площадок	57	9,2 %	15	50,0 %	3	6	1	5
4	Уровень профессионализма менеджмента институтов развития	27	4,3 %	14	46,7 %	3	5	1	5
5	Режим (возможность) повышения эффективности	32	5,2 %	13	43,3 %	2	2	1	8
6	Недоверие государству	46	7,4 %	13	43,3 %	2	6	2	3
7	Доступность статуса резидента	28	4,5 %	12	40,0 %	1	3	3	5
8	Наличие или отсутствие инфраструктуры	30	4,8 %	12	40,0 %	1	5	1	5
9	Беспольный институт и его механизмы	37	6,0 %	11	36,7 %	-	2	-	9
10	Незнание всех возможностей режима	23	3,7 %	10	33,3 %	2	5	1	2
11	Несоответствие реальности и обещаний	16	2,6 %	10	33,3 %	1	1	1	7
12	Отсутствие понимания, что делать дальше								

С помощью программы QDA Miner 5.0 проектной группой были обработаны интервью предпринимателей. Обработка состояла в классификации и кодировании определенных частей (ключевых слов или фраз) всех интервью по критериям, соответствующим определенной области. Таким образом, было создано древо кодов, в которое входили такие коды, которые помогут объяснить, как предприниматели относятся к институтам развития. Вся информация, содержащаяся в интервью, сгруппирована в 32 кода. Небольшой фрагмент древа кодов и их значений представлен в табл. 1.

В ходе анализа интервью резидентов проведено ранжирование самых часто встречающихся кодов во всех 30 интервью. Таким образом, из 32 кодов выделены 12 наиболее популярных (табл. 2). Их частота превысила отметку 10, т. е. эти 12 кодов встречаются в 10 и более интервью, что составляет более 1/3 всех интервью. Следующие 13 кодов (табл. 3) определены в группу 2 как средние по частоте упоминания. Третью группу составляют менее востребованные в интервью коды (табл. 4).

1. Как показывает табл. 2, первый по частоте упоминаний код – «предприниматели не владеют достаточным объемом информации о существовании конкретной структуры или ее функциях». Он встречается в 18 интервью из 30. Стоит отметить, что большая часть обозначивших этот код резидентами не являются. Большинство предпринимателей знают о существовании институтов развития, но не более того. О том, для чего они нужны, какую функцию выполняют и чем занимаются, большинство представителей бизнеса не осведомлены.

2. Код «медлительность в принятии решений, ошибки, проволочки» встречается в 17 интервью. Респонденты отмечают, что сроки подписания разного рода документов для получения земли затягиваются. Известны случаи, когда резиденты не могли получить землю полгода. Кроме этого, некоторые респонденты сталкивались со сложностями в оформлении земель, поскольку в Корпорации развития Дальнего Востока (далее – Корпорация) отсутствовала информация на предмет предназначения земли или ее качества: на территориях Дальневосточного гектара находились охотничьи угодья, проходили миграции животных, а в некоторых местностях состояние почвы не позволяло заниматься строительством («одни ямы и болота»).

3. «Эффективность электронных площадок». Практически все предприниматели ознакомлены с сайтом Корпорации развития Дальнего Востока. В целом мнение о сайте Корпорации и Минвостокразвития у предпринимателей положительное: респонденты отмечают доступность информации и удобство пользования сайтом. Некоторые резиденты посоветовали добавить средства визуализации, например инфографику, приводя в пример сайт особой экономической зоны «Алабуга».

4. «Уровень профессионализма менеджмента институтов развития». По большей части респонденты отмечают профессионализм топ-менеджеров Корпорации, но наряду с этим указывают на то, что менеджерам низшего звена, ввиду их неопытности, есть к чему стремиться. Стоит отметить, что некоторые предприниматели констатируют качественную работу Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке.

Таблица 3 / Table 3

Частота упоминания кодов (группа 2) / Frequency of codes mentioning (group 2)

№	Определение кода	Количество упоминаний		Количество кейсов		ТОСЭР	СПВ	ДВ-гектар	Не являются резидентами
		18	2,9 %	9	30 %				
13	Отсутствие возможности прогнозирования	15	2,4 %	9	30 %	2	1	1	5
14	Отсутствие удачных примеров	14	2,3 %	8	26,7 %	-	3	4	1
15	Несогласованность процедур получения статуса в разных институтах развития	22	3,5 %	8	26,7 %	1	4	1	2
16	Слишком много институтов развития	14	2,3 %	7	23,3 %	1	3	1	2
17	Полномочия институтов развития, исполнителей	10	1,6 %	6	20 %	1	3	-	2
18	Дополнительное конкурентное преимущество	11	1,8 %	6	20 %	1	-	-	5
19	Институциональная неопределенность	10	1,6 %	6	20 %	-	1	1	5
20	Предприниматели, которые владеют информацией о ре- жимах от своих коллег	12	1,9 %	5	16,7 %	1	3	-	1
21	Институт развития – дополнительный барьер или «по- мощник»	10	1,6 %	5	16,7 %	1	1	-	3
22	Отсутствие площадок для обсуждения	7	1,1 %	5	16,7 %	2	2	1	-
23	Оценка работы института предпринимателями	12	1,9 %	5	16,7 %	-	1	1	3
24	«Несправедливый» режим для существующих предпри- нимателей и новых резидентов	7	1,1 %	5	16,7 %	1	4	-	-
25	«Иноватор»								

5. «Режим (возможность) повышения эффективности» предполагает оценку предпринимателями как привлекательности ТОСЭР/СПВ/ДВ-гектара, так и препятствий для повышения эффективности работы этих территорий. Так, для предпринимателей самыми привлекательными преференциями из всех доступных оказались налоговый режим и свободная таможенная зона. В качестве основных проблем функционирования ТОСЭРов респонденты отмечают отсутствие инфраструктуры.

6. «Недоверие государству» отмечается предпринимателями развернуто и открыто, но в основном беседа на эту тему вели респонденты, не являющиеся резидентами. Одна из наиболее популярных тем кода – ухудшающиеся экономические показатели страны. Некоторые предприниматели не доверяют государству по причине его постоянного контроля и вмешательства в их бизнес. Другие не уверены в том, к чему в дальнейшем приведет сотрудничество с государством. В определенной степени это связано с постоянной сменой власти в Приморье и Владивостоке: во время проведения интервью бразды правления находились у временно исполняющих обязанности, поэтому предприниматели теряли уверенность «в завтрашнем дне».

7. Код «Доступность статуса резидента» отмечается респондентами с положительной стороны. Они указывают, что особых проблем с получением статуса не возникало и получение этого статуса возможно в краткие сроки.

8. Код «Наличие или отсутствие инфраструктуры» упоминается в 40 % интервью. Респонденты отмечают недостаточное инфраструктурное обеспечение ТОСЭР и ДВ-гектара, а иногда и полное его отсутствие. По оценкам респондентов, обещания, данные государством в виде обеспечения ТОСЭР необходимой инфраструктурой (водоснабжение, водоотведение, газоснабжение, электричество и Интернет), не были выполнены. Основным недостатком при получении ДВ-гектара, который упоминают предприниматели, является незнание ландшафта выбранной ими территории. Поскольку предприниматели не всегда имеют возможность предварительно осмотреть выбранный участок, им приходится довольствоваться его бумажным макетом, на котором не всегда понятно, какая именно территория им досталась.

9. «Бесполезный институт и его механизмы». Большинство предпринимателей считают, что институты развития бесполезны, поскольку от них нет никакой выгоды, а время, проведенное в попытке что-либо узнать или получить, будет потрачено впустую. «Бизнесу нужны не институты (организации), а какая-то экономика, особенно в производстве», – заявляют респонденты.

10. «Незнание всех возможностей режима». Как оказалось, многие респонденты в недостаточной мере осведомлены об организациях (институтах), занимающихся поддержкой предпринимательства. Многие лишь слышаны об этих институтах, но четкого представления, для чего они созданы, не имеют. В основном такая ситуация складывается из-за отсутствия личной заинтересованности к этим институтам, поскольку участники интервью, ответившие подобным образом, не являются резидентами.

11. «Несоответствие реальности и обещаний». Показанные на карте территории, которые впоследствии распределялись среди предпринимателей, на практике не соответствовали реальности. На карте зачастую не указывается

Таблица 4 / Table 4

Частота упоминания кодов (группа 3) / Frequency of codes mentioning (group 3)

№	Определение кода	Количество упоминаний		Количество кейсов	ТОСЭР	СПВ	ДВ-гектар	Не являются резидентами
		7	1,1 %					
26	Целесообразность распространения предпочтений на иностранные компании	7	1,1 %	4	13,3 %	1	1	2
27	Отсутствие кооперации между предпринимателями	4	0,6 %	4	13,3 %	-	-	4
28	Широкие объемы информирования	7	1,1 %	4	13,3 %	1	-	2
29	Опасение излишней зарегулированности, отсутствия свободы развития	6	1 %	4	13,3 %	1	1	2
30	Статус резидента – это дополнительный пиар	5	0,8 %	3	10 %	-	1	-
31	Опасение, что не дадут права собственности	6	1 %	3	10 %	-	-	3
32	Барьер между успешными предпринимателями и прочими	2	0,3 %	2	6,7 %	1	-	1

расположение лесов, болот и низин. Это влечет за собой постоянные отказы от таких территорий. Кроме этого, ситуация усложняется либо отсутствием основных коммуникаций, либо несоблюдением сроков их проведения.

12. Код «отсутствие понимания, что делать дальше» имеет отношение к предпринимателям, которые хотели бы стать обладателями Дальневосточного гектара, но пока не смогли его приобрести по различным причинам. В связи с ранее упомянутой проблемой несоответствия территорий реальному положению дел респонденты не смогли оценить их перспективы.

13. Код «отсутствие возможности прогнозирования» в большинстве случаев встречается в интервью с нерезидентами. У многих респондентов отсутствует уверенность «в завтрашнем дне», в особенности из-за неустойчивой экономической ситуации: многие предприятия вынуждены сокращать производство, приостанавливать строительство, откладывая расширение производства.

14. Код «отсутствие удачных примеров» также чаще всего наблюдается в ответах предпринимателей, не являющихся резидентами. Многие опасаются этого статуса, поскольку пока не уверены в эффективности использования территорий.

15. «Несогласованность процедур получения статуса в разных институтах развития». Зачастую взаимодействие множества организаций, выполняющих различные процедуры по получению статуса резидента, приводит к увеличению временных рамок реализации этих процедур, снижению качества, техническим сбоям и увеличению затрат. Респонденты предполагают, что повысить эффективность работы возможно путем усовершенствования взаимодействия Корпорации развития Дальнего Востока с госструктурами или с помощью предоставления Корпорации полного объема полномочий в решении всех вопросов ТОСЭР, СПВ и ДВ-гектара.

16. «Слишком много институтов развития». Некоторые считают, что на начальном этапе существования льготных режимов создание большого количества институтов – это преимущество, поскольку впоследствии можно будет сохранить лучшие из них. Другие полагают, что это запутывает инвесторов и предпринимателей, поскольку они не понимают, какой институт за что отвечает и куда обращаться в тех или иных случаях. Многие предприниматели отмечают, что им пришелся бы по душе принцип «одного окна», чтобы все вопросы решались в одном месте. Это позволит сэкономить значительное количество времени как для резидентов, так и для сотрудников институтов.

17. «Полномочия институтов развития, исполнителей». Предприниматели отзываются о Корпорации развития Дальнего Востока как об институте, сотрудники которого всегда готовы помочь предпринимателю. Корпорация выполняет широкий объем задач, но при этом не обладает достаточными полномочиями для их решения. Зачастую приходится коммуницировать через нескольких работников Корпорации, а это предполагает серьезные временные издержки. Предприниматели предлагают расширить полномочия Корпорации, чтобы все вопросы решались только этой организацией.

18. «Дополнительное конкурентное преимущество». Конкурентное преимущество очевидно, поскольку рассматриваемые режимы предоставляют

льготы и преференции для резидентов. Например, на фоне безвизового въезда и увеличения туристического потока предприниматели с радостью воспользовались возможностью получения статуса резидента СПВ.

19. «Институциональная неопределенность». По мнению предпринимателей, имеются явные недостатки, преодолев которые можно повысить конкурентоспособность резидентов и предпринимателей на рынке в целом. Одним из таких пробелов является отсутствие комплексного механизма работы и неопределенность в контексте того, насколько долго продержатся эти режимы. Некоторые предприниматели не готовы разрабатывать новый бизнес-проект ради вступления в ТОСЭР или СПВ, поскольку им проще работать в рамках крупной компании, крепко стоящей на ногах, не вступая в новые рискованные проекты.

20. «Предприниматели, которые владеют информацией о режимах от своих коллег». Этот код относится к тем предпринимателям, которые сами не являются резидентами, но владеют информацией о режимах от своих знакомых, друзей, коллег, имеющих статус резидента. Была проанализирована информация от третьих лиц и выявлены как положительные отзывы о режимах, так и отрицательные. В отношении ДВ-гектара возникают трудности с получением земли, для СПВ характерна сложность окупаемости проектов на начальном этапе. Из преимуществ отмечается отсутствие внеплановых проверок при получении статуса резидента.

21. «Институт развития – дополнительный барьер или “помощник”?». Как показал анализ интервью, резиденты крайне недовольны постоянным требованием отчетов от огромного количества государственных структур (Корпорации, Агентства по развитию человеческого капитала, Центра поддержки предпринимательства). К тому же, доставляет неудобства регистрация резидента как юридического лица, поскольку при желании расширить сферу производства предпринимателю приходится заново подавать заявку на вступление в ТОСЭР или СПВ.

22. «Отсутствие площадок для обсуждения». Как выяснилось, многие предприниматели не интересуются такими площадками ввиду сильной занятости или отсутствия информации об организациях, которые занимаются проведением специализированных мероприятий, посвященных вопросам ведения бизнеса (семинаров, форумов).

23. «Оценка работы института предпринимателями». Например, Центр поддержки предпринимательства оценивается бизнесменами с положительной стороны, а по поводу Корпорации мнения разделились. Одни обвиняют Корпорацию в затянутой подготовке ТОСЭР к эксплуатации, другие – полностью довольны работой института, но есть и те, кто придерживается нейтральной позиции.

24. «Несправедливый» режим для существующих предпринимателей и новых резидентов». Самая часто упоминаемая несправедливость, о которой говорят предприниматели, не являющиеся резидентами, – это неравные условия на рынке предпринимательства. Предприниматели, которые существуют давно на рынке, как правило, не склонны создавать новые рискованные бизнес-проекты, тратить средства на их реализацию ради того, чтобы стать резидентами. В свою очередь, молодые предприятия не боятся рисковать и с удовольствием пробуют себя в статусе резидента.

25. «Готовность предпринимателя к рискам и принятию глобальных решений». Многие предприниматели называют резидентов «инноваторами», поскольку они одними из первых не побоялись стать резидентами, несмотря на отсутствие успешных примеров, и начать новый бизнес вопреки существующим рискам.

26. «Целесообразность распространения преференций на иностранные компании». Как показал анализ интервью, предприниматели не поддерживают разделение статуса ТООСЭР и СПВ с иностранными инвесторами, поскольку льготы и преференции были задуманы прежде всего для развития собственного предпринимательства, а не иностранного бизнеса в угоду другим странам.

27. «Отсутствие кооперации между предпринимателями». В основном бизнесмены поддерживают общение среди своих знакомых предпринимателей. Но есть среди них и активные участники бизнес-сообщества, которые посещают семинары, тренинги, лекции, посвященные предпринимательству. На этих мероприятиях можно узнать не только много интересного и полезного, но и найти своих единомышленников.

28. «Широкие объемы информирования». В основном предприниматели получают информацию о действующих программах ТООСЭР, СПВ, ДВ-гектара из новостей медиапространства. Тем, кто проживает на территории Дальнего Востока, узнать необходимые данные проще, чем остальным. Предприниматели отмечают, что для тех, кто действительно интересуется особыми режимами и институтами развития, не составит труда найти актуальную информацию в Интернете.

29. «Опасение излишней зарегулированности, отсутствие свободы развития». Некоторые предприниматели высказались, что указанные режимы и предпринимательство в целом сталкиваются со значительным количеством административных барьеров, рамок и ограничений, которые со временем могут еще больше ужесточиться.

30. «Статус резидента – это дополнительный пиар». Когда резиденты сообщают коллегам о своем статусе, у последних складывается впечатление успешности подобного бизнеса. Респонденты также отмечают, что статус резидента значительно смягчает требования контрольных инстанций.

31. Код «Опасение, что не дадут права собственности» упоминается в интервью респондентов по поводу ДВ-гектара. Их тревоги выражаются в том, что программу ДВ-гектара могут закрыть, и предприниматель останется с землей без коммуникаций и наполовину реализованным проектом.

32. «Барьер между успешными предпринимателями и прочими». Барьер существовал на начальном этапе образования режимов, поскольку предприниматели не владели информацией о грядущих перспективах и не понимали, насколько выгодно быть резидентом.

В программе QDA-Miner представлен инструмент «Case similarity» (случаи сходства). При наличии информации о пространственной близости кодов и их совместном появлении в тексте инструмент позволяет произвести кластерный анализ, многомерное шкалирование или построить график близости

сти. Инструмент использовался для выявления интервью, отличающихся от общей совокупности. На рис. 1 можно наглядно видеть разброс интервью в зависимости от их схожести друг с другом.

Очевидно, что расположение интервью под номером 13 значительно отличается от прочих. Это свидетельствует о том, что его результаты не похожи на другие. Судя по информации этого интервью, предприниматель является давним обладателем микробизнеса и к действующим режимам настроен довольно скептически, а о существовании институтов развития и их деятельности не осведомлен. Сочетание тем, поднимавшихся в данном интервью (негативное мнение о режимах ТОСЭР / СПВ / ДВ-гектар и полная незаинтересованность институтами развития), не встречалось ни в одном другом интервью, поскольку большинство предпринимателей выражало хотя бы незначительную заинтересованность новыми режимами и институтами.

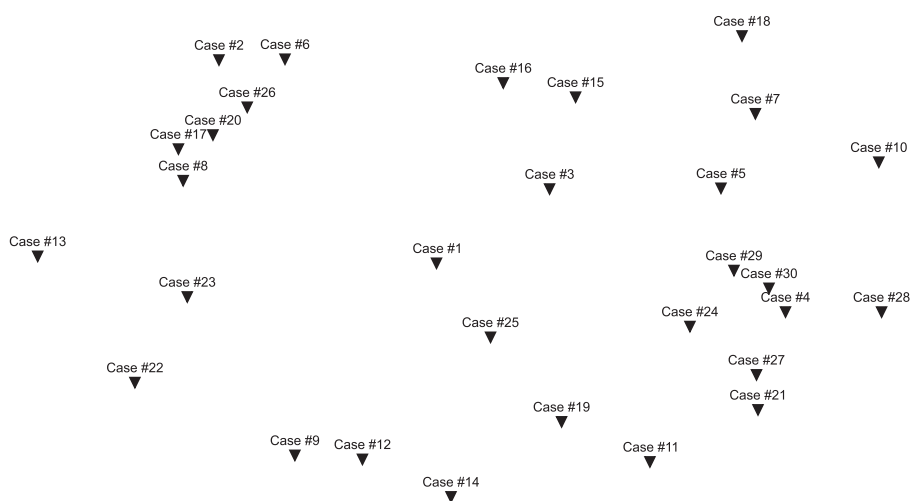

Рис. 1. Карта схожести интервью / Fig. 1. The map of similarity of interviews

Довольно далеко от остальных находится интервью № 10. Респондент является резидентом СПВ. В интервью часто встречаются коды «Медлительность в принятии решений, ошибки, проволочки» и «Полномочия институтов развития, исполнителей». В основном содержание кодов соответствует длительным срокам рассмотрения документации. Резидент высказывается, что Корпорации развития Дальнего Востока затягиваются сроки рассмотрения заявки на получение статуса резидента на полгода. Код «Полномочия институтов развития, исполнителей» посвящен Департаменту земельных и имущественных отношений. О Департаменте резидент также высказывается в контексте временных рамок: «Для получения какой-либо информации приходится выстаивать огромные очереди, очевиден дефицит приемных дней для предпринимателей, а также долгий срок рассмотрения документов».

**Интервью, имеющие отличия от общей совокупности /
Interviews with certain differences**

№ интервью	Основные темы (коды)
13	– скептический настрой к режимам ТОР/СПВ и ДВ-гектару – полная незаинтересованность институтами развития
10	– длительные сроки рассмотрения документации – низкое качество работы Департамента земельных и имущественных отношений (большие очереди, дефицит приемных дней, долгий срок рассмотрения документов)
22	– негативное отношение к существующим институтам развития
18	– отсутствие заинтересованности в получении статуса резидента, поскольку сам является помощником и партнером институтов развития, предлагающим собственные услуги
28	– низкий профессионализм неопытных менеджеров – некомпетентность менеджеров в узконаправленных сферах

Кроме этого, на карте выделяется интервью под номером 22. Респондент, с которым проводили интервью, является резидентом ДВ-гектара. Отличительной чертой интервью стало частое появление кодов «Несправедливый» режим для существующих предпринимателей и новых резидентов» и «Недоверие резидентов к государству». В значительной степени интервью содержит негативное отношение к существующим режимам, что, скорее всего, послужило причиной его отдаленного расположения на карте схожести.

Интервью № 18 также отличается от других. Респондент интервью резидентом не является, он обычный предприниматель, осуществляющий свою деятельность на протяжении 15 лет. Предприниматель работает в сфере маркетинговых коммуникаций. Как оказалось, он хорошо осведомлен о существующих институтах развития, поскольку с ними постоянно взаимодействует. Такой выброс интервью произошел по причине того, что предприниматель не заинтересован в получении статуса резидента, является помощником и партнером институтов развития. Такая область деятельности повлияла на расположение интервью на карте схожести.

Интервью под номером 28 также находится далеко от большей части интервью. Оно проведено с представителем одной из предпринимательских ассоциаций Дальнего Востока, которая не является резидентом. В интервью очень часто упоминался код «Уровень профессионализма менеджмента институтов развития». Речь идет о низкой степени профессионализма неопытных менеджеров в целом. Кроме того, резидент выделяет некомпетентность менеджеров по отношению к конкретным сферам, а именно обеспечению правовых и экономических гарантий деятельности рыбоводных хозяйств, устранению административных барьеров, защиту прав и законных интересов малого и среднего предпринимательства в области марикультуры.

В табл. 5 содержатся данные интервью, серьезным образом отличающиеся от большинства других. Следует отметить, что помимо сочетания тем в том

или ином интервью важную роль играет частота их упоминания. Как показал анализ, эти интервью содержат высокую частоту упоминания определенных кодов (табл. 5). Повторение одной и той же темы на протяжении всего интервью сильно воздействует на их содержание. Большинство респондентов отвечали ясно и последовательно на вопросы интервьюеров, однако эти предприниматели на протяжении всего интервью возвращались к одной и той же теме, вокруг которой в конечном итоге и было построено все интервью. Это свидетельствует о том, что последние на момент проведения интервью столкнулись с определенными проблемами.

На рис. 2 отражены связи между интервью, которые показывают, насколько сильно их темы пересекаются.

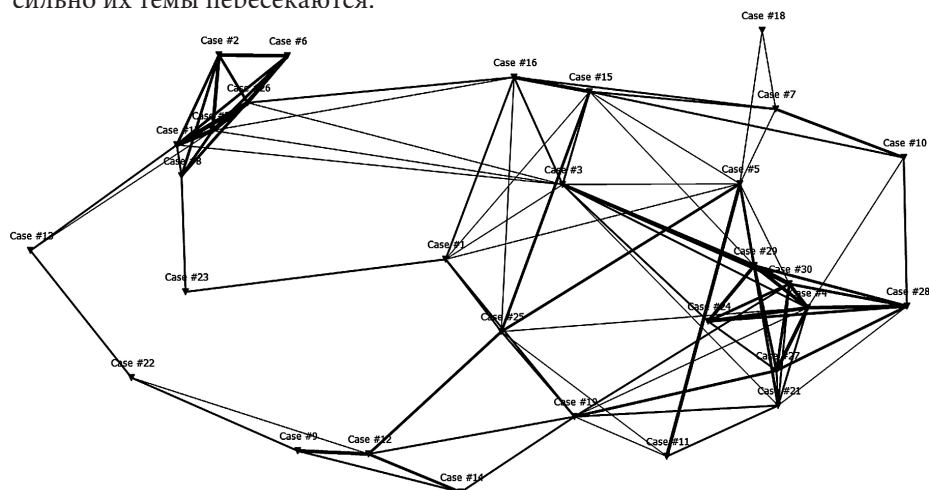

Рис. 2. Связи (кластеры) интервью / Fig. 2. Links (clusters) of interviews

Из рис. 2 видно, что значительно выделяются две группы интервью, расположенные очень близко друг к другу и имеющие сильные связи между собой. Такие интервью имеют общие темы и близкие по смыслу суждения.

Так, в одну группу входят интервью под номерами 2, 6, 8, 17, 20 и 26. Предполагается, что сильная связь образовалась из-за того, что все интервью под указанными номерами были даны предпринимателями, которые не являются резидентами, а также каждое из этих интервью содержит следующие коды:

1. Незнание всех возможностей режима.
2. Предприниматели не владеют достаточным объемом информации о существовании конкретной структуры или ее функциях.
3. Отсутствие удачных примеров.
4. Недоверие резидентов государству.

Другую группу составляют интервью под номерами 4, 21, 24, 27, 29, 30. В этой группе в отличие от предыдущей находятся как обычные предприниматели, так и резиденты ТОСЭР, СПВ и ДВ-гектара. В перечисленных интервью отмечены следующие коды:

1. Уровень профессионализма менеджмента институтов развития.
2. Эффективность электронных площадок.
3. Доступность статуса резидента.

Поскольку эти коды встречаются практически в каждом из перечисленных выше интервью, внутри групп можно наблюдать сильные связи между интервью, что обосновывает их близкое расположение друг к другу.

ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно данным частоты упоминания кодов, самыми популярными стали темы, встречающиеся в 10 и более интервью:

- 1) предприниматели не владеют достаточным объемом информации о существовании конкретной структуры или ее функциях;
- 2) медлительность в принятии решений, ошибки, проволочки;
- 3) эффективность электронных площадок;
- 4) уровень профессионализма менеджмента институтов развития;
- 5) режим (возможность) повышения эффективности;
- 6) недоверие к государству;
- 7) доступность статуса резидента;
- 8) отсутствие инфраструктуры;
- 9) бесполезный институт и его механизмы;
- 10) незнание всех возможностей режима;
- 11) несоответствие реальности и обещаний;
- 12) отсутствие понимания, что делать дальше.

Таким образом, указанные темы в интервью с респондентами упоминались чаще всего и, исходя из анализа интервью, все темы развивались с негативным подтекстом. Лишь по четырем темам высказывались как положительные, так и отрицательные суждения:

- эффективность электронных площадок;
- уровень профессионализма менеджмента институтов развития;
- режим (возможность) повышения эффективности;
- доступность статуса резидента.

Стоит отметить, что мнения предпринимателей, содержащиеся в этих двенадцати темах (кодах), которые определены как наиболее частотные, не являются полностью положительными: при обсуждении этих тем респондентами выражалось недовольство степенью эффективности работы институтов. Если рассматривать информацию во всех тридцати двух кодах, то в ней содержится небольшое количество абсолютно положительных высказываний о работе институтов. Негативные высказывания на различные темы (коды) от предпринимателей свидетельствуют о том, что большая часть механизмов, с помощью которых институты взаимодействуют с предпринимателями, недостаточно налажена.

Наиболее популярным кодом, который включает только положительные мнения предпринимателей, стал код под номером 18 «Дополнительное конкурентное преимущество». Он встречается в 6 интервью: все респонденты отмечают, что приобретение статуса резидента дает хорошее конкурентное преимущество, в особенности выраженное в таких льготах, как свободная таможенная зона и пониженная налоговая ставка.

Имеются еще 3 темы, по которым высказывалось позитивное мнение об институтах развития. Но согласно частоте упоминания кодов, они встречались редко:

- готовность предпринимателя к рискам и принятию глобальных решений;
- широкие объемы информатизации (о программах ТОСЭР, СПВ, ДВ-гектара);
- статус резидента – это дополнительный пиар.

Как показал рис. 2, существуют два ярко выраженных кластера интервью. Это означает, что в каждый из этих кластеров входит группа интервью, содержание которых достаточно близко. В табл. 6 обозначены два кластера, выявленных в ходе анализа интервью.

Таблица 6 / Table 6

Кластеры интервью / Interviews clusters

№ кластера	№ интервью	Код
1	2, 6, 8, 17, 20, 26	1. Незнание всех возможностей режима. 2. Предприниматели не владеют достаточным объемом информации о существовании конкретной структуры или ее функциях. 3. Отсутствие удачных примеров. 4. Недоверие резидентов к государству.
2	4, 21, 24, 27, 29, 30	1. Уровень профессионализма менеджмента институтов развития. 2. Эффективность электронных площадок. 3. Доступность статуса резидента.

Анализ показал, что кластер 1 составляют предприниматели, которые не являются резидентами ТОСЭР, СПВ или получателями ДВ-гектара. Поэтому содержание кодов, указанных выше, вполне очевидно. Предприниматели не заинтересованы в получении статуса резидента, поэтому не обладают информацией о предоставляемых льготах, полномочиях институтов и направлениях работы последних с предпринимателями. Такая совокупность кодов свидетельствует о том, что предприниматели не намерены получать помощь извне, надеются на свои силы, не доверяя государству и не интересуясь существующими институтами развития. Поэтому схожесть упомянутых тем, связанных с незаинтересованностью и изолированностью, образовала данный кластер.

Во втором кластере находятся предприниматели, которые имеют определенную информацию о существующих режимах и институтах развития. В отличие от первого кластера во второй входят как обычные предприниматели, так и те, кто является резидентом ТОСЭР, СПВ или обладателем ДВ-гектара. Эти предприниматели могут поделиться своим опытом с другими, поскольку уже имели дело с институтами развития. В каждом из указанных в кластере интервью встречаются темы о профессионализме менеджеров институтов развития, эффективности электронных площадок и доступности статуса резидента. Ранее отмечалось, что эти коды наиболее популярны и имеют как положительные, так и отрицательные отклики. Предприниматели этого кластера указывают на данные темы с положительной стороны,

отмечая достойный уровень профессионализма менеджмента институтов развития, высокую эффективность работы электронных площадок, а также доступность получения статуса резидента.

Таким образом, к работе институтов развития и к особым режимам первый кластер относится с недоверием и незаинтересованностью, а второй, наоборот, доволен работой институтов и проявляет интерес к действующим режимам на территории Дальнего Востока.

На основе анализа ответов всех респондентов были выявлены следующие проблемы:

1. Предприниматели не знают о существовании конкретной государственной структуры, которая занимается информационной поддержкой режима, или ее функциях.

2. У предпринимателей нет четкого понимания, для чего нужны и чем занимаются институты развития предпринимательства.

3. Замедленность менеджмента институтов развития и долгие сроки принятия решений.

4. Недоверие предпринимателей к государству.

5. Отсутствие необходимой для производства инфраструктуры на территориях опережающего развития и Дальневосточного гектара.

6. Предприниматели считают институты развития и их механизмы бесполезными.

7. Респонденты не знают всех возможностей режимов.

8. Несоответствие территорий Дальневосточного гектара на карте действительности.

9. Сложности в получении Дальневосточного гектара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из проведенного анализа частоты упоминания кодов, можно сделать вывод, что в основном предприниматели выделяют больше недостатков, чем преимуществ. Это означает, что институтам развития Дальнего Востока следует обратить внимание на решение следующих задач:

1. Поскольку создание режимов направлено на привлечение новых бизнесменов из других регионов и стран, то требуется успешная рекламная кампания по продвижению и популяризации режимов ТОСЭР / СПВ / ДВ-гектара (Бухвальд, 2015, с. 74). Поэтому следует информировать всех предпринимателей о существующих институтах развития. Это может быть осуществлено через создание сайта, на котором будет размещена информация обо всех институтах развития предпринимательства. Аналогичную информацию можно разместить на сайтах поддержки предпринимательства. Кроме этого, распространение данных может быть произведено через телевизионные рекламные ролики или местные телепередачи соответствующей тематики, посвященные деятельности институтов развития.

2. Решения медленно принимаются, в основном по причине значительного количества структурных звеньев, задействованных в процессе рассмотрения и подписания документов, необходимых для получения статуса рези-

дента. Решением такой проблемы может стать реализация принципа «одного окна» на базе Корпорации развития Дальнего Востока. Таким образом, предпринимателям не придется сотрудничать с разными организациями, так как все вопросы будут решаться одной структурой.

3. Усовершенствовать электронные площадки можно с помощью добавления инфографики, а также сравнительной характеристики институтов развития России с институтами других стран.

4. Недостаточный уровень профессионализма менеджмента связан с недостаточными знаниями и опытом со стороны менеджеров низшего звена. Поэтому следует обратить внимание на предварительную подготовку новых работников к дальнейшей работе путем использования инструмента наставничества.

5. Недоверие к государству смягчится лишь тогда, когда государство ослабит контроль над предпринимателями. Это можно сделать через сокращение налоговых ставок и процентных ставок по кредитам, частоты проверок.

6. Следует привести территории в надлежащий вид для предоставления возможности строительства и ведения предпринимательской деятельности на участке. Для этого необходимо выровнять ландшафт: засыпать болота, закопать ямы, разровнять холмы, вырубить деревья. Все территории, имеющие статус ТОСЭР и ДВ-гектар, следует обеспечить основными коммуникациями (дорогами, электричеством, газом, водопроводом, водоотводом, телефонной и интернет-связью).

7. Следует привести карты ТОСЭР и ДВ-гектара, на которых предприниматели выбирают участки, в соответствие с действительностью. Для этого необходимо нанести все существующие объекты, которые расположены в той или иной местности, а также отметить состояние ландшафта, для того чтобы предприниматели могли оценить приобретаемые территории.

8. Следует наладить механизм получения ДВ-гектара через создание соответствующего подразделения, которое будет заниматься консультационными вопросами по получению ДВ-гектара.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность д.-ру эконом. наук, профессору кафедры менеджмента Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), руководителю проекта «Исследование восприятия институтов развития Дальнего Востока предпринимателями г. Владивостока» Е. Б. Гаффоровой, а также д.-ру эконом. наук, профессору департамента экономических наук Школы экономики и менеджмента ДВФУ, консультанту проекта, Н. П. Рыжовой.

Библиографический список

Акерлоф Дж. Рынок лимонов: неопределенность качества и рыночный механизм // Пер. с англ. Е. И. Николаенко // THESIS. 1994. №. 5. С. 91–104.

Ахременко А. С., Локшин И. М., Петров А. П. Граница институциональных возможностей и производительность общественных систем: к теории-

- ческому синтезу // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 95–113. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.07.
- Бакланов П. Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3 (45). С. 12–19.
- Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Сюняев Г. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-2-69-103.
- Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 72–84.
- Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. А. А. Васильева. М.: Прогресс, 1984. 194 с.
- Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли / Пер. с англ. И. В. Кушнарева // Экономическая социология. 2012. № 2. С. 35–58.
- Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неоинституционализма // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 63–71.
- Калужнова Н. Я. Институты регионального развития и конкурентоспособности в условиях модернизации // Экономика региона. 2011. № 2. С. 57–65.
- Караганов С. А., Макаров И. А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2015. № 8. С. 6–10.
- Кетова Н. П., Овчинников В. Н. Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов // Проблемы прогнозирования. 2014. Т. 25, № 2. С. 68–76.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 53–69. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.06.
- Курбатова М. В., Саблин К. С. Институты развития и квазиинституты развития в российской экономике // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3. С. 22–38.
- Левченко Т. А., Хаблак В. В. Свободный порт Владивосток как фактор привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10. С. 49–52.
- Линецкий А. И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 152–170. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.11.
- Новиков Д. В. Настоящее и будущее российской политики: от диагноза к прогнозу // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6. С. 5–9. DOI: 10.24158/per.2018.6.1.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 244 с.

- Олейник А. Н. Сбор, агрегирование и обработка качественных данных // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 121–131.
- Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61–75. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.05.
- Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 3–20.
- Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
- Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Ответственные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.
- Попов Е. В., Власов М. В., Симахина М. О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика: теория и практика. 2010. Т. 8, № 4. С. 2–7.
- Рыжова Н. П., Васильева О. Г. Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. 2017. № 4 (43). С. 7–17. DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/7-16.
- Солнцев О. Г., Хромов М. Ю., Волков Р. Г. Институты развития: анализ и оценка мирового опыта // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2. С. 3–29.
- Тамбовцев В. Л. Роль рынка для институтов в институциональной эволюции // Terra Economicus. 2005. Т. 3, № 4. С. 28–36.
- Татаркин А. И., Котлярова С. Н. Региональные институты развития как фактор экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 9–18.
- Толстов С. М., Толстов М. С. Этапы становления и развития институционализма // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. № 2. С. 11–13.
- Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В. Культура, институты, политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 143–156. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10.
- Харчилава Х. П. Роль формальных и неформальных институтов в российской экономике // Вестник университета. 2014. №11. С. 188–193.
- Хасанов И. Ф. Международный опыт создания и функционирования институтов развития // Транспортное дело России. 2009. № 3. С. 37–41.
- Brinkerhoff D. W., Goldsmith A. A. Promoting the sustainability of development institutions: A framework for strategy // World Development. 1992. Vol. 20, № 3. P. 369–383. DOI: 10.1016/0305-750x(92)90030-y.
- Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. New Series. 1937. Vol. 4, № 16. P. 386–405. DOI: 10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x.
- Commons J. The legal foundations of capitalism. New York: The Macmillan Company, 1924. 394 p.
- Greif A., Iyigun M. Social Organizations, Violence, and Modern Growth // The American Economic Review. 2013. Vol. 103, № 3. P. 534–538. DOI: 10.1257/aer.103.3.534.

Greif A. Do institutions evolve? // Journal of Bioeconomics. 2014. Vol. 16 (1). P. 53–60. DOI: 10.1007/s10818-013-9173-5.

Greif A., Mokyr J. Cognitive rules, institutions, and economic growth: Douglass North and beyond // Journal of Institutional Economics. 2016. Vol. 13 (1). P. 1–28. DOI: 10.1017/S1744137416000370.

Smoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig: Verlag von Dunder&Humblot, 1901. 482 p.

Информация об авторе

Либак Вероника Владимировна – студент (магистрант) кафедры государственного и муниципального управления Школы экономики и менеджмента (ШЭМ) ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ

ORCID: 0000-0002-4307-8700

ResearcherID: F-5943-2019

Электронный адрес: libak.vv@students.dvfu.ru

Статья получена 20 марта 2019 года

UDC 334.021:351(571.63-25)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-237-266

ANALYSIS OF DEVELOPMENT INSTITUTIONS PERCEPTION BY THE ENTREPRENEURS OF VLADIVOSTOK

Veronika V. Libak

Far Eastern Federal University, FEFU Campus, 10 Ajax Bay,
Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

ORCID: 0000-0002-4307-8700

ResearcherID: F-5943-2019

E-mail: libak.vv@students.dvfu.ru

For citation:

Libak, V. V. (2019), "Analysis of Development Institutions Perception by the Entrepreneurs of Vladivostok", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 237–266, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-237-266.

Introduction. The Russian government has attempted to create a favorable climate for business development by creating special development institutions, effective laws on entrepreneurial activity and through functioning of special business regimes. In this regard the assessment of these institutions by the business community is of a particular interest.

Aims. To identify and outline the entrepreneurs opinion on the development institutions and their attitude to the current business regimes in the Far East (the territory of advanced socio-economic development, the free port of Vladivostok and the Far Eastern hectare).

Methods. The information was collected through interviewing the Vladivostok businessmen on their perception of development institutions. The obtained data was processed using the QDA-Miner program.

Results. The most popular topics covered by the respondents, data and interviews differing from the total population and forming links with each other (clusters) were analyzed. The analysis revealed the difficulties entrepreneurs face when interacting with development institutions, the problems arising during the transition to special regimes, the reasons for unwillingness of businessmen to acquire the resident status in the territories of advanced socio-economic development, the free port of Vladivostok or the status of the Far Eastern hectare owner. Among them are also the issues of entrepreneurs informational awareness, bureaucratization and inhibition of processes by government agencies, the lack of necessary infrastructure, inconsistency of information on reality maps, mistrust of the business community to the state, etc.

Conclusion. The detailed analysis of the interview data made it possible to reveal the problems of interaction between the development institutions of the Far East and the businessmen of Vladivostok. The following solutions were proposed: raising the entrepreneurs awareness through advertising campaigns and improving electronic platforms; overall transfer of authority and responsibility of development institutions to The Far East Development Corporation; using mentoring as a tool to work with the staff of the institutions; relaxation of the state control over the business residents, optimization of infrastructure in the territories of special business regimes; updating maps of territories and a number of other mechanisms.

Keywords: institutions; development institutions; residents; entrepreneurs; entrepreneurship; interview; interview of entrepreneurs; territories of advanced socio-economic development; the free port of Vladivostok; Far Eastern hectare

ACKNOWLEDGEMENTS

The author commends the team of “Analysis of development institutions perception by the entrepreneurs of Vladivostok” project at the School of Economics and Management (the Far Eastern Federal University) – the head of the project, professor E. Gafforova (PhD Economics), Management Department, and the project consultant, professor N. Ryzhova (PhD Economics), Economics Department.

References

Akerlof, G. A. (1994), “The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanisms”, Translated by Nikolaenko, E. I., *THESIS*, no. 5, pp. 91–104.

Akhremenko, A. S., Lokshin, I. M. and Petrov, A. P. (2016), "Institutional Possibility Frontier and Total Factor Productivity: towards a Theoretical Synthesis", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 95–113, doi: 10.17976/jpps/2016.06.07.

Baklanov, P. Ya. (2014), "Territory ahead of the Development: Concept, Structure, Approaches to Identification", *Regional Researches*, vol. 45, no. 3, pp.12–19.

Baranov, A., Malkov, E., Polishchuk, L., Rochlits, M. and Syunyaev, G. (2015), "Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis", *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 69–103, doi: 10.32609/0042-8736-2015-2-69-103.

Bukhvald, E. M. and Valentik, O. N. (2015), "Territories of Advanced Development: Breakthrough or Illusion?", *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 2015, no. 2, pp. 72–84.

Veblen, T. (1984), *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class], Translated by Vasileva, A. A., Progress, Moscow, Russia.

Greif, A. (2012), "Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade", Translated by Kushnareva, I. V., *Economic Sociology*, no. 2, pp. 35–58.

Irkhin, Yu. V. (2014), "Management Potential, Opportunities and Limits of Institutionalism and Neo-institutionalism", *Ars Administrandi*, no. 2, pp. 63–71.

Kaliuzhnova, N. Ya. (2011), "Institutes of Regional Development and Competitiveness in the Conditions of Modernization", *Economika Regiona*, no. 2, pp. 57–65.

Karaganov, S. A. and Makarov, I. A. (2015), "Turning to the East: Results and Problems", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 8, pp. 6–10.

Ketova, N. P. and Ovchinnikov, V. N. (2014), "Development Institutions in Multistructural Economies of Peripheral Regions", *Studies on Russian Economic Development*, vol. 25, no. 2, pp. 68–76.

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2017), "Business and the Population: a Lack of Trust –Reasons and Consequences", no. 1, pp. 53–69, doi: 10.17976/jpps/2017.01.06.

Kurbatova, M. V. and Sablin, K. S. (2012), "Institutions of Development and Quasi-institutes of Development in Russian Economy", *Terra Economicus*, vol. 10, no. 3, pp. 22–38.

Levchenko, T. A. and Khablak, V. V. (2016), "The Free port of Vladivostok as a Factor of Foreign Direct Investments Attraction into the Economy of the Russian Far East", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 10, pp. 49–52.

Linetsky, A. I. (2016), "Economic Development Impact of Political Institutions: a Mechanism of Influence", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 152–170, doi: 10.17976/jpps/2016.02.11.

Novikov, D. V. (2018), "Present and Future of Russian Politics: from Diagnosis to Forecast", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 6, pp. 5–9, doi: 10.24158/pep.2018.6.1.

Nort, D., Wallis, J. and Weingast, B. (2011), *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Translated by Uzlaner, D., Markov, M., Raskov, D. and Raskova, A., Publishing House "Izdatel'stvo Instituta Gaidara", Moscow, Russia.

North, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Translated by Nesterenko, A. N., Fund of economic books "Nachala", Moscow, Russia.

Oleinik, A. N. (2014), "Collection, Aggregation and Processing of Qualitative Data", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 121–131.

Petukhov, R. V. (2017), "The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 61–75, doi: 10.17976/jpps/2017.06.05.

Polterovich, V. M. (1999), "Institutional Traps and Economic Reforms", *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no. 2, pp. 3–20.

Polterovich, V. M. (2001), "Transplantation of Economic Institutions", *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 24–50.

Polterovich, V. M. (2004), "Institutional traps and Ways Out?", *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no. 3, pp. 5–16.

Popov, E. V., Vlasov, M. V. and Simahina, M. O. (2010), "Institutes of Regional Development of Economy of Knowledge", *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 8, no. 4, pp. 2–7.

Ryzhova, N. P. and Vasil'eva, O. G. (2017), "The Russian Far East "as a String of Experiments": Approaches to Study Reasons behind Successes and Failures in Development of Peripheries", *Ojkumena*, vol. 43, no. 4, pp. 7–17, doi: 10.24866/1998-6785/2017-4/7-16.

Solntsev, O. G., Khromov, M. Yu. and Volkov, R. G. (2009), "Development Institutions: Analysis and Assessment of World Practices", *Studies on Russian Economic Development*, vol. 3, no. 4, pp. 3–29.

Tambovtsev, V. L. (2005), "The Role of Institutional Market in Institutional Evolution", *Terra Economicus*, vol. 3, no. 4, pp. 28–36.

Tatarkin, A. I. and Kotlyarova, S. N. (2013), "Regional Development Institutions as an Economic Growth Factors", *Ekonomika regiona*, vol. 35, no. 3, pp. 9–18.

Tolstov, S. M. and Tolstov, M. S. (2011), "Institutional Economics Formation and Development Stages", *Bulletin Samara State Agricultural Academy*, no. 2, pp. 11–13.

Fedotova, V. G., Fedotova, N. N. and Chugrov, S. V. (2018), "Culture, Institutions, Politics", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 143–156, doi: 10.17976/jpps/2018.01.10.

Kharchilava, Kh. P. (2014), "The Role of Formal and Informal Institutions in the Russian Economy", *Vestnik Universiteta*, no. 11, pp. 188–193.

Khasanov, I. F. (2009), "The International Experience of Creation and Functioning of institutions of Development", *Transport Business of Russia*, no. 3, pp. 37–41.

Brinkerhoff, D. W. and Goldsmith, A. A. (1992), Promoting the Sustainability of Development Institutions: A Framework for Strategy, *World Development*, vol. 20, no. 3, pp. 369–383, doi:10.1016/0305-750x(92)90030-y.

Coase, R. H. (1937), "The Nature of the Firm", *Economica. New Series*, vol. 16, no. 4, pp. 386–405, doi: 10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x.

Commons, J. (1924), *The Legal Foundations of Capitalism*, The Macmillan Company, New York, US.

Greif, A. and Iyigun, M. (2013), "Social Organizations, Violence, and Modern Growth", *The American Economic Review*, vol. 3, no. 103, pp. 534–538, doi: 10.1257/aer.103.3.534.

Greif, A. (2014), “Do institutions evolve?”, *Journal of Bioeconomics*, vol. 1, no. 16, pp. 53–60, doi: 10.1007/s10818-013-9173-5.

Greif, A. and Mokyr, J. (2016), “Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and beyond”, *Journal of Institutional Economics*, vol. 1, no. 13, pp. 1–28, doi: 10.1017/S1744137416000370.

Smoller, G. (1901), *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre*, Verlag von Dunder&Humblot, Leipzig, Germany.

Received March 20, 2019

УДК 323.22/28:332.1(470.5)
DOI 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286

КОНКУРСНАЯ МОДЕЛЬ РЕКРУТИРОВАНИЯ ГЛАВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ УРАЛА: СПЕЦИФИКА И ТИПОЛОГИЯ

В. С. КОВИН

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
г. Пермь, Россия
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия

Р. И. ПЕТРОВА

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
г. Пермь, Россия
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Ковин В. С., Петрова Р. И. Конкурсная модель рекрутирования глав в политическом пространстве промышленных городов Урала: специфика и типология // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 267–286. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286.

Введение: с 2010-х годов промышленные предприятия малых городов Урала значительно реже принимают активное публичное участие в местной политике. Тем не менее, позиция главы исполнительной власти вызывает интерес у местных групп и конкуренцию между ними. Какие стратегии выбирают и от каких факторов зависит участие или неучастие предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы города? Какие коалиции складываются в ходе проведения конкурса и как выстраиваются властные иерархии политического пространства?

Цель: определить роль и охарактеризовать стратегии участия или неучастия промышленных предприятий городов Урала в процессе конкурсного рекрутирования главы.

Методы: глубинные интервью, теория социального пространства П. Бурдьё.

Результаты: систематизирована взаимосвязь между ключевыми характеристиками политико-экономического и публично-политического поля локального политического пространства; проанализированы 29 конкурсов по избранию глав местного самоуправления в промышленных городах Пермского края, Свердловской и Челябинской областях с точки

зрения их конкурентности и конфликтности; выделены и описаны модели участия предприятия в конкурсе; определены ведущие факторы, влияющие на выбор стратегии участия или неучастия промышленного предприятия в конкурсных процедурах.

Выводы: промышленное предприятие и его менеджмент являются субъектами локальной политики и важным элементом, структурирующим политическое пространство муниципалитета. Основными факторами, влияющими на выбор стратегии участия или неучастия предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы, являются экономическое состояние предприятия и его вложения в социальные программы города; наличие нескольких крупных предприятий в одном политическом пространстве; особенности отношений между местной властью и предприятием; степень самостоятельности предприятия и локализации контроля над ним; позиция региональной власти.

Ключевые слова: локальная политика; конкурсная модель рекрутирования глав; промышленные города Урала; градообразующие предприятия; политическое пространство; местное самоуправление; муниципальные органы власти; локальные элиты

ВВЕДЕНИЕ

Процессы вертикализации и унификации исполнительной власти медленно, но неуклонно продолжают захватывать все элементы российской политической системы. Несмотря на конституционное отделение от государственного уровня власти и известную вариативность возможных моделей формирования муниципальных органов власти, местное самоуправление весьма настойчиво подвергается этим процессам со стороны региональных властей (Гельман, 2003; Туровский, 2015). Некоторое разнообразие субнациональных моделей управления локальной политикой, сложившееся к середине 2000-х годов, на протяжении последнего десятилетия все больше сочетается с унификацией системы местного самоуправления в рамках конкретного субъекта Российской Федерации.

Уже в 2000-е годы в российских политических исследованиях местная политика и местные выборы стали рассматриваться как важный элемент функционирования триединой системы политических отношений – государственно-муниципальных, центр-локальных и регионально-локальных. Местная самоорганизация общества начала интерпретироваться как составная часть субнационального уровня организации политической системы при наличии региональных и локальных политических акторов и безусловном доминировании региональных интересов (Lankina, 2005; Туровский, 2014; Чирикова и др., 2014). При этом утверждалось, что система отношений на субнациональном уровне между регионом и муниципалитетом фактически воспроизводит характер отношений между центром и регионами (Wollmann and Gritsenko, 2008; Росс, 2008), а централизация общенациональной политики компенсировалась для региональной элиты ростом автономии в отношении локальной политики и усилением контроля над муниципальными выборами и, как следствие, их большей управляемостью и меньшей политизацией.

Однако дальнейшие исследования локальной политики и местных выборов показали, что не все так однозначно (Подвинцев, 2010; Ковин и Подвинцев, 2015; Баранов, 2015; Панов, 2014). Во многих регионах политическая конкуренция сохранилась на уровне муниципальных выборов, которые

в меньшей степени поддавались стандартизации, чем выборы федерального и регионального уровней. Однако эксперименты с различными способами формирования муниципальных органов власти, когда в одном регионе одновременно применялись различные способы избрания глав и разные избирательные системы для выборов депутатов представительных органов, судя по всему, отходят в прошлое (Туровский, 2015; Туровский, 2014). Активнее всего этот процесс затронул исполнительную власть и привел к тому, что наиболее приемлемой и универсальной для властей значительной части регионов стала модель избрания глав местного самоуправления через конкурсные процедуры¹.

Между тем формально-организационные рамки местного самоуправления, распространяемые сверху, не могли принципиально изменить сложившееся, прежде всего в силу местных социально-экономических условий, локального политического пространства территории и состава его основных акторов (Чирикова и Ледяев, 2017). Представляется, что не стоит преувеличивать влияние этих рамок на придание большей стабильности локалитету или на вытеснение из локальной политики неких рискованных акторов. Крупные, иногда по местным меркам, а зачастую и в масштабах российской экономики, предприятия и их руководство еще со второй половины 1990-х годов становятся одним из значимых локальных политических игроков. Естественно, что менеджмент этих предприятий, при сохранении своего намерения сберечь контроль над местным политическим пространством, так или иначе адаптируются к любым новым правилам игры. Но если приоритеты руководства изменились, то никакие ни старые, ни новые правила не смогут предотвратить «уход» предприятия из местной публичной политики.

Политическое пространство малого промышленного города, в котором отношения между акторами складываются достаточно вариативно, несмотря на свои весьма ограниченные территориальные размеры, представляется динамичным и многоуровневым. Политическая жизнь в промышленном городе, как правило, базируется на взаимодействии трех основных групп: местной администрации, которая представлена органами местного самоуправления и, как правило, аффилированным с ней коммунальным бизнесом; крупного бизнеса (градообразующих промышленных и иных предприятий); местного сообщества – общественных объединений, среднего и малого бизнеса, оппозиционных муниципальных группировок (Витковская и Рябова, 2011). Предприятия, участвуя в социально-экономической жизни города, конкурируют с другими местными группами за политическое влияние, а иногда и за доминирование в политическом пространстве. В городах с монопрофильным производством распространены случаи, когда местная легислатура в значительной части состоит из представителей завода (Витковская, 2015).

¹ По данным профессора Института управления и регионального развития РАНХиГС, президента Европейского клуба экспертов местного самоуправления Э. Маркварта, приведенным им 14 мая 2019 года в докладе на ежегодном заседании клуба, 40 % муниципальных районов и 56 % городских округов избирают мэра по конкурсу в тех случаях, когда это регулируется законами субъектов Российской Федерации, и 51,5 % муниципальных районов и 65 % городских округов, когда это регулируется уставами муниципалитетов. Другие способы избрания (из состава депутатов представительного органа и прямые выборы) используются в несколько раз реже. Источник: Личный архив авторов.

Установление контроля над представительным органом власти предоставляет заводским депутатам не только широкие нормотворческие полномочия, но и неформальный лоббистский потенциал. Само наличие крупного предприятия на территории априори содержит в себе конфликтный потенциал и то, как именно складываются отношения менеджмента предприятия с местной властью и сообществом, отражается на политическом ландшафте города.

Политическое пространство, помимо горизонтальных отношений, включает в себя взаимодействия по вертикали. Эти отношения обуславливаются иерархичностью и зависимостью местных групп от региональных властей и групп влияния. Наиболее явно отношения между региональной и локальной элитой просматриваются в процессе рекрутирования главы муниципалитета. В 2015 году вводится модель конкурсного рекрутирования, согласно которой глава исполнительной власти муниципального образования избирается депутатами представительного органа власти из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. В муниципальных районах и городских округах конкурсная комиссия наполовину формируется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, что изначально предоставляет преимущество региональной власти.

Глава исполнительной власти в малом городе, по оценкам исследователей, может выступать в качестве одной из самых влиятельных политических фигур, что связано не только с формально занимаемой им должностью, но и наличием персональных ресурсов (Чирикова и др., 2014; Ledyayev et al., 2014). Поэтому в политических пространствах с фрагментированной локальной элитой независимо от того, какая модель избрания главы используется, позиция главы исполнительной власти будет вызывать интерес у местных групп и конкуренцию между ними (Ledyayev and Chirikova, 2017; Панов и Петрова, 2017).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Фокус исследования направлен на определение роли, стратегии участия или неучастия промышленных предприятий в процессе конкурсного рекрутирования главы города. Чем объясняется участие или неучастие градообразующих предприятий в этом процессе? Какие коалиции складываются в ходе проведения конкурса и как выстраиваются властные иерархии политического пространства по горизонтали и по вертикали?

Ответить на эти вопросы поможет теория социального пространства П. Бурдьё, согласно которой социальное пространство – это «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» (Бурдьё, 1993, с. 10).

По этой логике политическое пространство города может быть рассмотрено как явление многомерное, в котором находятся разные относительно

автономные поля, среди которых можно выделить: 1) политико-экономическое поле; 2) публично-политическое поле; 3) поле элитных взаимодействий; 4) политико-символическое поле (Панов, 2018, с. 79). Многомерность политического пространства выражается как в наличии различного количества центров в каждом поле, так и выстраивании иерархии между полями и возможности определять структуру другого поля. В исследовании важно определить причины и условия детерминированности структуры элитного поля политико-экономическим полем при проведении конкурсных процедур. Другими словами, почему и при каких условиях политико-экономическое поле может определять характер поля элитных взаимодействий?

В качестве кейсов исследования проанализировано 29 случаев проведения конкурсов на замещение должностей глав местного самоуправления, которые прошли в промышленных городах Пермского края, Свердловской и Челябинской областях в период с 2015 по 2018 год².

Федеральным законом от 3 февраля 2015 года вводится новая, уже пятая, модель муниципального управления, когда глава муниципалитета избирается депутатами из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, и одновременно становится руководителем местной администрации (речь идет о так называемой «конкурсной модели»). Во всех рассмотренных случаях главы были избраны по данной модели, что создает единообразные процедурные условия для протекания политического процесса рекрутирования глав. Изначально в рамках исследования в выборку попали 30 наиболее «промышленных», с точки зрения структуры занятости населения³, городов уральского региона из 56 городов, вошедших в базу данных «Политическое пространство промышленных городов Урала»⁴. Однако в Усольском муниципальном районе Пермского края конкурс так и не был проведен, поскольку в 2018 году район присоединился к соседнему Березниковскому городскому округу и фактически стал частью березниковского политического пространства.

В исследовании предпринята попытка систематизировать взаимосвязь между ключевыми характеристиками политико-экономического поля локального политического пространства (ключевые социально-экономические пока-

² 14 промышленных городов Свердловской области: Арамиль, Верхняя Пышма, Верхняя Салда, Верхняя Тура, Волчанск, Каменск-Уральский, Кировград, Красноуральск, Кушва, Нижний Тагил, Первоуральск, Полевской, Ревда, Сухой Лог; 5 промышленных городов в Пермском крае: Березники, Горнозаводск, Лысьва, Нытва, Соликамск; 10 промышленных городов в Челябинской области: Аша, Верхний Уфалей, Карабаш, Кыштым, Магнитогорск, Миасс, Нязепетровск, Сатка, Усть-Катав, Южноуральск.

³ База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 15.04.2019). Выборку составили муниципальные образования по количеству занятых в сферах экономической деятельности категории «С» (добыча полезных ископаемых) и «D» (обрабатывающие производства).

⁴ Подробнее: обоснование выборки (Панов, 2018). База данных создана при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» при участии коллектива ученых отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Витковская Т. Б., Ковин В. С., Назукина М. В., Панов П. В., Петрова Р. И., Рябова О. А., Филиппова Е. Ю.).

затели градообразующих предприятий и их характеристики, наличие в городе территорий опережающего социально-экономического развития), и группой переменных, характеризующих публично-политическое поле в отношении глав муниципальных образований (порядок рекрутирования на должность главы города и аффилированность глав с ведущими промышленными предприятиями) (Панов, 2018). Характеризуется степень вовлеченности предприятия в формирование персонального состава администрации города, выделяются типы участия «промышленников» в текущем политическом процессе. Прослеживается взаимосвязь между типами (моделями) участия или неучастия значимых местных предприятий в конкурсах на замещение должности глав с типами прошедших конкурсов.

Все конкурсы проанализированы, исходя из типологии, разработанной авторами в предыдущих исследованиях (Ковин и Петрова, 2017). Типология основывается на двух базовых критериях конкурентности и конфликтности:

– неконкурентное и неконфликтное избрание главы муниципального образования. Среди основных претендентов в конкурсе участвуют инкубент или согласованный на всех уровнях основной преемник. Конкурсные процедуры проходят без видимых конфликтов и срывов, процедура завершается консолидированным голосованием депутатов.

– неконкурентное, но конфликтное избрание главы. Обозначается основной претендент (инкубент или его преемник), при этом предпринимаются попытки выдвижения конкурентов из числа соперничающих групп влияния. Однако конкуренты, как правило, отсеиваются на предварительной стадии, и в финал выходит технический соперник согласованного претендента. Конкурсные процедуры нередко сопровождаются публичными конфликтами, срывами, переносами, жалобами со стороны конкурентов.

– конкурентное, но неконфликтное избрание главы. В конкурсе принимают участие несколько относительно серьезных претендентов, поддержанных местными группами интересов. Региональная власть не проявляет публичного интереса к конкурсу или сознательно дистанцируется и активно не вмешивается. Однако при итоговом голосовании происходит раскол депутатов и неконсолидированное голосование. При этом конкурсные процедуры не сопровождаются публичными конфликтами, срывами и переносами конкурса; без изменений правил организации процедур.

– конкурентное и конфликтное избрание главы. В конкурсе принимают участие несколько реальных претендентов, поддержанных местными группами интересов, основным из которых удается дойти до голосования комиссии и депутатов. Вследствие раскола депутаты голосуют неконсолидированно. В этом случае конкурсные процедуры сопровождаются публичными конфликтами, срывами и переносами, пересмотром правил проведения конкурса.

Следует отметить, что внедрение «конкурсной модели» в политическое пространство регионов реализуется весьма интенсивно. За несколько лет эта модель фактически стала доминирующим способом формирования муниципальной власти. Однако ей посвящено весьма незначительное количество политологических исследований, которые носят преимущественно эмпирический характер.

Применительно к теме исследования следует отметить работу Р. Мухаметова (Мухаметов, 2018). Автором на основе статистического анализа биографий 77 глав муниципальных образований Свердловской области, избранных на конкурсах с марта 2015 по ноябрь 2018 года, составлен коллективный портрет мэра уральского города. В частности, исследователь отмечает, что чаще всего будущие главы городов рекрутировались из чиновников, работавших на муниципальной службе (72,7 % от общего числа, почти 68 % из них фактически являлись инкумбентами), что значительно превышает число выходцев из бизнеса (лишь 14,3 %). Однако автор упускает из виду, из каких структур будущие главы, «пришли» на муниципальную службу, иногда лишь за несколько месяцев до избрания на должность мэра. В этом контексте связь с бизнесом прослеживается значительно чаще.

Коллектив авторов пермского Центра сравнительных политических и исторических исследований (А. Гилев, А. Семенов, И. Шевцова) в исследовании «“Политические машины” и их “водители”: электоральное администрирование на местном уровне», с применением метода порядковой логистической регрессии, проанализировали биографии глав муниципалитетов Удмуртии, Пермского края и Челябинской области в 2000–2016 годах и данные электоральной статистики за тот же период. Авторы дают преимущественно электоральное объяснение тому факту, что главы местного самоуправления в основном рекрутируются из органов муниципальной исполнительной власти. Эксперты констатируют, что «привлечение на роль муниципальных руководителей лиц не из исполнительной власти приводит к ухудшению электорального результата “Единой России”, то есть подрывает силу “политических машин”», а «принадлежность муниципального руководителя к исполнительной вертикали увеличивает» их электоральную эффективность. Главы муниципалитетов, занимавшие ранее административные посты, «обеспечивают “партии власти” значимо более высокие электоральные результаты, чем выходцы из внешней среды, например, представители бизнеса» (Гилев и др., 2017).

Таким образом, делается вывод о том, почему региональные власти, а именно они так или иначе курируют работоспособность локальных «политических машин» и играют решающую роль при проведении конкурсов (Панов и Петрова, 2017; Зуйкина и Кочнева, 2017), делают выбор в пользу выходцев из администрации, а не из бизнеса. Однако это все же не объясняет степень участия или неучастия самих предприятий и их управленческого звена в конкурсных процедурах.

В свою очередь, О. Рябова и Е. Филиппова отмечают высокую степень вариативности актуальной политико-экономической ситуации в промышленных городах Урала. Проведенный авторами сравнительный анализ включенности градообразующих предприятий в политическую жизнь промышленных городов Урала показывает, что вариативность роли предприятий в политике таких городов зависит от сочетания следующих факторов: «происхождение» топ-менеджера предприятия («местный» vs. «варяг»), статус собственника предприятия (государственная компания vs. негосударственная компания) и локализация контроля над предприятием («местный» vs. «внешний»). Выделенные исследователями «субъективные» факторы, связанные с персональным составом руководства градообразующих предприятий и степенью его самостоя-

тельности, оказываются, в силу экономической и иной конъюнктуры, весьма динамичными, что меняет уровень их вовлеченности в локальные политические процессы. Авторы утверждают, что период «тотальной» интеграции градообразующих предприятий в политическую и социальную жизнь промышленных городов Урала остался в прошлом, а непростая экономическая ситуация заставляет их отказаться от масштабных политических проектов и сконцентрироваться на основной деятельности (Рябова и Филиппова, 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что с 2010-х годов предприятия значительно реже принимают активное публичное участие в местной политике – реже делегируют своих представителей на должности мэров и устанавливают контроль над представительными органами. Лишь в 8 из 29 рассмотренных случаев предприятия делегировали «заводчан» на должность главы (в Верхней Пышме, Магнитогорске, Первоуральске, Соликамске, Кушве, в том числе в трех случаях с выдвижением технического кандидата – в Полевском, Красноуральске, Кировграде). Еще в двух случаях переизбирался инкубент, уже давно делегированный в местную власть «заводчанин» (в Березниках и Сатке). В 14 случаях депутаты одного или нескольких градообразующих предприятий контролируют городской представительный орган, имея в нем большинство и занимая пост спикера, либо обладают заметным влиянием, составляя в представительном органе крупнейшую «фракцию» (в тех же городах, за исключением Кушвы и Сатки, включая Нижний Тагил, Верхнюю Салду, Ашу, Ревду, Каменск-Уральский, Усть-Катав) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Депутаты, имеющие аффилиацию с предприятием в представительном органе власти /
Deputies affiliated with the company in the representative authority

Муниципалитет	Доля депутатов, %	Муниципалитет	Доля депутатов, %
1	2	3	4
Пермский край			
Березники	56	Нытва	5
Горнозаводск	0	Соликамск	44
Лысьва	0	Усолье	0
Свердловская область			
Арамилы	0	Красноуральск	47
Верхняя Салда	35	Кушва	30
Верхняя Пышма	35	Нижний Тагил	36
Верхняя Тура	13	Первоуральск	32
Волчанск	20	Полевской	25
Каменск-Уральский	44	Ревда	35
Кировград	80	Сухой Лог	10

1	2	3	4
Челябинская область			
Аша	63	Миасс	40
Верхний Уфалей	0	Нязепетровск	7
Карабаш	13	Сатка	50
Кыштым	10	Усть-Катав	40
Магнитогорск	50	Южноуральск	15

Источник: составлено авторами на основании Базы данных (создана при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» // Из личного архива Витковской Т. Б., Рябовой О. А.).

Участие предприятия в конкурсной процедуре по избранию главы города может осуществляться в трех основных вариациях:

- первый тип (11 случаев) – прямое, или непосредственное, участие в конкурсе;
- второй тип (6 случаев) – не прямое, или опосредованное, участие;
- третий тип (13 случаев) – неучастие предприятия в конкурсе, когда завод публично не проявляет интереса к позиции главы, не выдвигает и публично не поддерживает кандидатов на пост главы города.

В свою очередь, каждому типу участия предприятия соответствует определенный тип конкурса (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Типы участия предприятия в конкурсе / Types of company participation in the competition

Тип участия предприятия в конкурсе	Подтип участия	Тип конкурса
Прямое / непосредственное участие предприятия	Результативное, беспроблемное, проблемное	Неконкурентный, неконфликтный, конкурентный, конфликтный
	Нерезультативное	Конкурентный, неконфликтный
Опосредованное (косвенное или не прямое) участие предприятия	Результативное	Неконкурентный, неконфликтный
	Нерезультативное	Неконкурентный, конфликтный
Неучастие в конкурсе	«Некому», «нет интереса», «все плохо»	Неконкурентный, неконфликтный

Источник: составлено авторами.

Первый тип участия характеризуется тем, что управленческое звено градообразующего предприятия активно вмешивается в избирательный процесс, либо делегируя своего представителя на пост главы города, либо публично поддерживая одного из кандидатов и обеспечивая нужное голосование «своих» депутатов в представительном органе. Иногда, чтобы конкурс не сорвался, предприятие выставляет своего представителя в качестве «технического»

кандидата для своего основного кандидата или для кандидата, согласованного с местной и/или региональной администрацией. Таким образом, предприятие фактически является одним из системообразующих акторов политического пространства региона, выступая в тандеме с местной властью.

В свою очередь, прямое участие в конкурсе для предприятия может быть беспроblemным, когда ему удается провести кандидата без конфликтов и с первого раза, и проблемным, в условиях, когда предприятие конфликтует с местными элитными группами и испытывает сложности с избранием поддерживаемого им кандидата.

Для первого подтипа характерны неконкурентные и неконфликтные конкурсы. Так, например, в октябре 2016 года в Магнитогорске (Челябинская область) депутатами единогласно был избран С. Бердников, топ-менеджер градообразующего предприятия Магнитогорского металлургического завода⁵. Важно отметить, что С. Бердников стал четвертым главой, делегированным заводом в состав руководства города.

В Верхней Пышме (Свердловская область) в сентябре 2018 года главой города избран И. Соломин, ранее работавший в «Уралэлектромеди», заводе, входящем в холдинг «Уральской горно-металлургической компании» (УГМК)⁶. Председателем думы стал также представитель завода.

Для проблемного подтипа участия наиболее распространенными стали неконкурентные, но конфликтные конкурсы. Такие конкурсы прошли в Верхней Салде и Полевском (Свердловская область), а также Соликамске (Пермский край). Сложности в проведении кандидата, аффилированного с заводом, возникали в связи с попытками принять участие в конкурсе других значимых фигур города. В Полевском в результате конфликта действующего главы с градообразующим предприятием первый был вынужден снять свою кандидатуру⁷, а в Верхней Салде из-за противостояния оппозиционной группы во главе с действующим главой и коалиции городской администрации с градообразующим предприятием, Верхнесалдинским металлургическим производственным объединением («ВСМПО») пришлось проводить повторный конкурс⁸. Фрагментированное политическое пространство создает конфликтную ситуацию, однако управленческое звено предприятия в союзе с региональной властью старается купировать конфликт еще на ранних стадиях проведения конкурса.

Участие предприятия в конкурсных мероприятиях, как показало исследование, не всегда может завершиться победой промышленников. Хотя это ско-

⁵ *Магнитогорские* депутаты сменили главу города [Электронный ресурс] // Российское информ. агентство Ura.ru. 2016. 25 окт. URL: <https://ura.news/news/1052265533> (дата обращения: 24.04.2019).

⁶ *Депутаты* Верхней Пышмы выбрали главу города и спикера думы [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 2018. 20 сент. URL: https://www.znak.com/2018-09-20/deputaty_verhney_pyshmy_vybrali_glavu_goroda_i_spikera_dumy (дата обращения: 15.04.2019).

⁷ *Свердловские* власти определились с кандидатом в главы Полевского [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 2017. 1 авг. URL: https://www.znak.com/2017-08-01/sverdlovskie_vlasti_opredelilis_s_kandidatom_v_glavy_polevskogo (дата обращения: 10.04.2019).

⁸ *Депутатам* не до спячки. Десять кампаний по назначению мэров на Среднем Урале [Электронный ресурс] // Федералпресс. 2017. 2 нояб. URL: <http://fedpress.ru/article/1887487> (дата обращения: 13.04.2019).

рее исключение, чем правило. Так, например, в Кушве (Свердловская область) в условиях конкурентного политического пространства и наличия нескольких сильных элитных групп депутатами был переизбран М. Слепухин, несмотря на участие в конкурсе двух кандидатов, аффилированных с крупным предприятием города, Кушвинским заводом прокатных валков⁹. Поскольку открытых процедурных конфликтов в конкурсный период замечено не было, этот конкурс может быть охарактеризован как неконфликтный и конкурентный.

Для опосредованного типа участия характерно, что предприятие публично и открыто не проявляет интереса к конкурсу и не выдвигает кандидата из числа бывших и действующих сотрудников. Однако при этом может переизбираться действующий глава, выходец из состава предприятия, давно перешедший во власть, либо его «преемник». Информация о том, что этот кандидат был согласован с руководством предприятия или что завод намерен с ним сотрудничать, не опровергается, а в представительном органе обеспечивается консолидированное голосование «заводских» депутатов, реализуется так называемая модель «поддержка своих во власти».

Для результативного участия опосредованного типа характерны неконкурентные и неконфликтные конкурсы. Модель «поддержка своих во власти» наблюдается в Сатке (Челябинская область) – переизбрание А. Глазкова, действующего главы, выходца из состава градообразующего предприятия Магнезит; Березниках (Пермский край) – переизбрание С. Дьякова; Аше (Челябинская область), где депутаты из Ашинского металлургического завода контролируют местную думу.

Однако не всегда опосредованное участие основного градообразующего предприятия в конкурсе завершается победой его кандидатов. В Южноуральске в условиях конкурентной среды вокруг нескольких предприятий и элитных групп главой города стал А. Лазарев, преемник экс-главы Е. Соболева, имеющего отношение к Южной межрегиональной энергетической компании («ЮМЭК»), конкурирующей с другим градообразующим предприятием города, Южноуральским арматурно-изоляторным заводом («ЮАИЗ»)¹⁰. В Южноуральске фактически реализовалась модель «неравной конкуренции» между предприятиями, когда административный ресурс оказался в руках одного из конкурентов.

В Карабаше (Челябинская область) решающим оказался региональный административный ресурс. Градообразующее предприятие «Карабашмедь», входящее в состав холдинга «Русской медной компании» (РМК), поддерживало местных кандидатов на пост главы города. Но в итоге победу одержал кандидат-варяг, ставленник регионалов¹¹.

Получается, что результативность прямого или опосредованного участия может быть как положительной, когда поддержанный предприятием кан-

⁹ *Интервью* с главой города. 2018. 3 июня // Из личного архива Петровой Р. И.

¹⁰ *Главой* Южноуральска избран Александр Лазарев [Электронный ресурс] // Интернет-газета Знак. 2015. 19 нояб. URL: https://www.znak.com/2015-11-19/glavoy_yuzhnouralska_izbran_aleksandr_lazarev (дата обращения: 20.04.2019).

¹¹ *Карабаш* сменил главу. Призвали «варяга» [Электронный ресурс] // Ура.ру. 2015. 22 декабря. URL: <https://ura.news/news/1052234929> (дата обращения: 22.04.2019).

дидат побеждает, так и отрицательной. Результативными стали 13 случаев прямого или опосредованного участия предприятия в конкурсе, а нерезультативными – всего три (в Кушве, Карабаше, Южноуральске – но для одного из предприятий). Кроме того, в большинстве случаев (9 из 16), явно или неявно включаясь в процесс избрания главы, ведущее предприятие не испытывало серьезных проблем, конкурс проходил достаточно гладко. Естественно, что все три нерезультативных участия в конкурсах прошли в условиях острой борьбы в политическом пространстве территории.

Наиболее часто встречаются случаи неучастия предприятий в конкурсных процедурах. Отмечая латентность этих конкурсов, мы все же попытались дифференцировать их изнутри. Неконкурентные и неконфликтные конкурсы прошли в городах, где предприятия находились в тяжелом экономическом состоянии при наличии высокой степени риска ухудшения положения. Поэтому вкладываться в этот период в политические проекты для таких предприятий не являлось актуальным. Так называемая модель «все плохо» имела место во время процедуры банкротства градообразующих предприятий в Нытве (Пермский край), Верхней Туре (Свердловская область), Нязепетровске (Челябинская область), где предприятиям совсем недавно удалось пережить кризис. В условиях, когда предприятия принадлежат крупному холдингу (в Волчанске, Свердловская область), «неместным» группам компаний, чье управленческое звено находится вне территории или ориентировано на соседние регионы (в Кыштыме, Лысьве, Каменске-Уральском, Миассе), у промышленников «нет интереса» к позиции главы исполнительной власти. В Арамиле (городе-спутнике Екатеринбурга), напротив, отсутствуют крупные игроки, но много мелких интересантов, и фактически среди промышленников нет единой доминирующей силы, которая могла бы взять на себя бремя ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно предположить, что стратегия участия или неучастия промышленного предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы зависит от сочетания в локальном политическом пространстве целого ряда факторов, среди которых можно выделить ведущие:

Экономическое состояние предприятия и его вложения в социальные программы города. Экономически процветающие, стабильные предприятия вкладываются в социальные программы, направленные на развитие города. Крупные промышленники, как правило, вкладываются в собственные будущие кадры, тем самым наращивая качество человеческого капитала. Выгодополучателем становится не только предприятие, но и региональные власти, местное сообщество. Чем активнее социальная политика предприятия, тем крепче его тандем с городской властью. В таком городе органы исполнительной и законодательной власти чаще всего в значительной мере формируются из представителей предприятия. Таким образом, власть отождествляется с заводом. Данный фактор проявляет себя, прежде всего, в моногородах со стабильным экономическим положением градообразующего предприятия (например, Магнитогорске,

Нижнем Тагиле)¹², а также в промышленных городах с диверсифицированной экономикой, со стабильно развивающимися предприятиями разных отраслей, городах, где как в политическом, так и социально-экономическом поле доминируют промышленники, в некоторых случаях фактически монополизировав его.

Наиболее яркие примеры таких устойчивых связей: в Магнитогорске – Магнитогорский металлургический комбинат («ММК»), в Верхней Пышме – «Уралэлектромедь» («УГМК-Холдинг»), а также его филиалы в Кировграде, Красноуральске («Святогор»). В результате из числа заводчан рекрутируется исполнительная и значительная часть представительной власти в городе, либо мнение градообразующего предприятия обязательно учитывается региональной властью при подборе оптимальной кандидатуры (в Усть-Катаве – Усть-Катавский вагоностроительный завод, филиал Государственного космического научно-производственного центра имени М. В. Хруничева).

Однако существуют примеры обратной ситуации, когда монопольному положению предприятия в территории вряд ли что-то может угрожать, а вложения в местную политику не могут принести существенных дополнительных преимуществ. Тогда предприятие может терять интерес к активному участию в политической жизни муниципалитета, не выдвигая своих представителей в органы власти (в Горнозаводске – «Горнозаводскцемент», в Ревде – предприятия цветной металлургии из состава холдинга «УГМК»).

Наличие нескольких крупных предприятий в одном политическом пространстве может как увеличивать и провоцировать конкуренцию между ними, так и являться сдерживающим фактором. Например, в Нижнем Тагиле достигнут устойчивый баланс между мэрией и двумя-тремя крупными предприятиями – Научно-производственной корпорацией «Уралвагонзавод» и «Евраз НТМК».

Схожая ситуация при доминировании одного из предприятий сложилась в Березниках – речь идет об «Уралкалии», «Азоте» (ОХК «Уралхим»), «АВИСМЕ» («Корпорация ВСМПО-АВИСМА»). В Соликамске такими предприятиями стали «Соликамскбумпром» и «Уралкалий».

Главы являются недавними или давними выходцами из состава ведущего предприятия, в думе представлены интересы всех градообразующих предприятий. Однако, если в городе складывается достаточно конкурентная среда, где градообразующие предприятия становятся лишь одним из нескольких акторов наряду с мэрией, коммунальщиками, иным частным бизнесом, баланс становится неустойчивым, а выборы главы и депутатов конкурентными. Например, в Южноуральске, где рыночная конкуренция между управленческим звеном двух предприятий («ЮМЭК», к которому имел отношение экс-глава города Е. Соболев, и более крупным предприятием «ЮАИЗ») вылилась в политическую конкуренцию (Е. Соболеву удалось провести своего приемника).

Немаловажную роль играет экономическое положение ведущих предприятий территории. Как правило, «перекредитованность», долги и тем

¹² Так называемая «Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией». Источник: Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р. URL: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 12.04.2019).

более процедура банкротства приводят к тому, что, оптимизируя расходы и ресурсы, предприятие теряет интерес к местной политике. За время политического «отсутствия» предприятия политическое пространство переструктурируется вокруг главы и мэрии, которая превращается в самостоятельный и автономный от завода актор, складываются свои сети. В результате заметно повышается риск поражения в случае, если у руководства предприятия вновь появляются политические амбиции. Так, например, произошло в Кушве, где в условиях высококонкурентной среды одно из градообразующих предприятий, Кушвинский завод прокатных валков, выдвинуло двух кандидатов в главы, но не получило поддержки. Сложное положение «Карабашмеди» (холдинг «РМК») в Карабаше также не позволяет предприятию играть более заметную роль в городе. Сама по себе рискованная ситуация – либо кризис предприятия, либо риск ухудшения положения в городе – сдерживает публично-политическую активность промышленников, становится одной из причин неучастия в конкурсах (подобная ситуация сложилась в Нытве, Верхней Туре, Нязепетровске).

Особенности отношений между местной властью и предприятием. Взаимоотношения между локальной властью и менеджментом предприятия могут носить конфликтный или неконфликтный характер, что находит отражение при проведении конкурсных процедур. В случае конфликтных отношений между основными акторами политического пространства разногласия проявляются при избрании главы города.

В Полевском бывший глава города А. Ковалев, который находится в ситуации постоянного конфликта с руководством «Северского трубного завода» («СТЗ»), снял свою кандидатуру, когда стало понятно, что К. Поспелов, директор по управлению персоналом «СТЗ», является консолидированным кандидатом от завода и региональной власти. Бесконфликтное сосуществование акторов обеспечивает работу городских властей в тандеме с промышленниками. Разногласий относительно основного претендента на пост главы в таком случае не происходит. Предприятие является источником административных кадров города и занимает значительное количество мест в представительном органе.

В качестве еще одного фактора выступает *степень самостоятельности предприятия (самостоятельное или головное предприятие холдинга / один из филиалов холдинга) и локализации контроля над ним («местный» / «внешний») в сочетании с происхождением управленческого звена («местные» / «варяги»)*. Когда предприятие становится частью крупного холдинга, степень его участия в локальной политике начинает определяться головным руководством предприятия. Местная политика становится малоинтересной в Волчанске (филиал «Научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод»), Кыштыме, Лысьве, Каменске-Уральском (заводы принадлежат «неместным» группам компаний), Миассе (автомобильный завод ориентирован на Башкирию).

Позиция региональной власти. Регионалы в интересах «большей управляемости» территории могут лоббировать «сверху» своего кандидата, который мог быть ранее не связан с территорией, в которой избирается¹³.

¹³ *Интервью* с сотрудником администрации губернатора Свердловской области. 2018. 10 июня // Из личного архива Петровой Р. И.

Другая часто встречающаяся ситуация: региональная власть поддерживает кандидата предприятия, что практически гарантированно обеспечивает его победу. И здесь определяющую роль играет позиция региональной власти – то, на кого региональная элита делает свою ставку. Примерами являются Соликамск, Первоуральск («Первоуральский новотрубный завод»), Полевской, где региональная власть сделала выбор в пользу завода, чтобы восстановить «управляемость» территории.

Таким образом, в силу социально-экономической специфики промышленных городов Урала их политическое пространство не может не реагировать на факт наличия в городе крупного промышленного производства и его управленческого звена как потенциального субъекта локальной политики. Однако индивидуальная констелляция указанных факторов создает в каждой территории уникальную ситуацию, которая определяет наряду с другими факторами степень активности предприятия в процессе рекрутирования глав местного самоуправления. Вне зависимости от того, какая стратегия выбрана предприятием (участия или неучастия в конкурсах), оно является важным элементом, который структурирует политическое пространство муниципалитета.

Библиографический список

Баранов А. В. Местные выборы 2015 г. в контексте муниципальной реформы (по материалам Краснодарского края) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 100–104.

Бурдые П. Социология политики / Под ред., пер. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Витковская Т. Б. Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 3. С. 116–126.

Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: Ин-т философии и права Уральского отделения Рос. акад. наук, 2011. 259 с.

Гельман В. Я. Конец местной автономии [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2003/4/gel.html> (дата обращения: 20.04.2019).

Гилев А. В., Семенов А. В., Шевцова И. К. «Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне // Политика. 2017. № 3 (86). С. 62–80. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80.

Зуйкина А. С., Кочнева Ю. К. Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 3. С. 169–183.

Ковин В. С., Петрова Р. И. Конкурентность в локальном политическом пространстве: конкурсы по избранию глав МСУ и выборы депутатов представительных органов власти в муниципальных районах и городских округах Пермского края в 2012–2017 гг. // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 112–120.

- Ковин В. С., Подвинцев О. Б. Формальные и неформальные партии в Пермском крае: спрос и предложение // Политическая наука. 2015. № 1. С. 218–239.
- Мухаметов Р. С. Социологический портрет мэров, избранных по «советской» системе (на примере Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 21–25.
- Панов П. В. База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2018. № 3. С. 77–82.
- Панов П. В. Стратегии региональных властей на выборах глав муниципальных образований в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 4 (28). С. 5–15.
- Панов П. В., Петрова Р. И. Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2. С. 109–119.
- Подвинцев О. Б. «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? // Pro et Contra. 2010. Т. 14, № 3. С. 97–105.
- Росс К. Муниципальные выборы и электоральный авторитаризм в России // Политическая наука. 2008. №3. С. 111–125.
- Рябова О. А., Филиппова Е. Ю. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 4. С. 81–86.
- Туровский Р. Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51.
- Туровский Р. Ф. Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития. 2014. № 4 (75). С. 86–99. DOI: 10.30570/2078-5089-2014-75-4-86-99.
- Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.
- Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07.
- Lankina T. New System Weakens Municipalities // Russian Regional Report. 2005. Vol. 10, № 17. P. 1–4.
- Ledyev V., Chirikova A. Power in the Local Russian Communities: Patterns of Interaction Between Legislative and Executive Branches of Local Government // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, № 6. P. 990–1024. DOI: 10.1177/1078087416649755.
- Ledyev V., Chirikova A., Seltser D. Who Governs? Power in a Local Russian Community // Journal of Political Power. 2014. Vol. 7, № 2. P. 211–231. DOI: 10.1080/2158379X.2014.937586.
- Wollmann H., Gritsenko E. Local Self-Government in Russia: Between Decentralization and Recentralization // Federalism and Local Politics in Russia / Ed. by C. Ross, A. Campbell. London: Routledge, 2008. P. 227–247. DOI: 10.4324/9780203891513.

Информация об авторах

Ковин Виталий Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; доцент кафедры истории России, всеобщей истории и археологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

Электронный адрес: kovinvt@gmail.com

Петрова Регина Игоревна – младший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; старший преподаватель кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-7494-3608

Электронный адрес: rance.regina@mail.ru

Статья получена 15 мая 2019 года

UDC 323.22/28:332.1(470.5)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286

COMPETITIVE MODEL OF RECRUITING LEADERS IN THE POLITICAL SPACE OF INDUSTRIAL URAL CITIES: SPECIFICITY AND TYPOLOGY

Vitaliy S. Kovin

Perm Federal Research Center UB RAS, 13a Lenina str., Perm, 614990, Russia Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Siberian str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

E-mail: kovinvt@gmail.com

Regina I. Petrova

Perm Federal Research Center UB RAS, 13a Lenina str., Perm, 614990, Russia

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-7494-3608

E-mail: rance.regina@mail.ru

For citation:

Kovin, V. S. and Petrova, R. I. (2019), "Competitive Model of Recruiting Leaders in the Political Space of Industrial Ural Cities: Specificity and Typology", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 267–286, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286.

Introduction. Industrial enterprises in small cities of the Urals in the 2010s have become much less likely to take active public participation in local politics. Nevertheless, the position of the chief executive generates interest among local groups and competition between them. What strategies are chosen and what factors lie behind the company's participation or non-participation in the process of competitive recruitment of the mayor? What coalitions are formed in the competition process and how are the power hierarchies of the political space built?

Aims. The paper is to determine the role and outline participation or non-participation strategies of industrial enterprises in the cities of the Urals in the competitive recruitment of local government leaders.

Methods. In-depth interviews, the theory of social space (P. Bourdieu).

Results. The relationship between the key characteristics of the political and economic field of the local political space and the public policy was systematized; analyzed were 29 recruitment competitions for local self-government heads in industrial cities of the Perm, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, in terms of their competitiveness and conflict; models of enterprise participation in the competition were identified and described; the leading factors influencing the choice of participation/non-participation strategy of an industrial enterprise in competitive procedures were determined.

Conclusion. An industrial enterprise and its management are subjects of local policy and an important element structuring the political space of a municipality. The main factors influencing the choice of participation or non-participation strategy by an enterprise in the process of competitive recruitment of an authority are as follows: the economic situation of the enterprise and its investments in the social programs of the city; the presence of several large enterprises in the same political space; features of the relationship between local authorities and the company; degree of the company's independence and localization of control over it; the position of regional authorities.

Key words: local policy; competitive recruitment model for heads of local government; industrial cities of the Urals; town-forming enterprises; political space; local government; municipal authorities; local elites

References

Baranov, A. V. (2015), "Local Elections in 2015 in the context of the Municipal Reform (case study of the Krasnodar Territory Materials)", *Theory and Practice of Social Development*, no. 17, pp. 100–104.

- Bourdieu, P. (1993), *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Translated by Shmatko, N. A. (ed.), Socio-Logos, Moscow, Russia.
- Vitkovskaya, T. B. (2015), "Legislatures in Small Towns of the Perm Region: Composition and Competence Level", *Review of Political Science*, no. 3, pp. 116–126.
- Vitkovskaya, T. B. and Ryabova, O. A. (2011), *Monogoroda srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy* [Monotowns of the Middle Urals: Local Elites and Political Processes], Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.
- Gelman, V. Ya. (2003), "End of Local Autonomy" [Online], available at: <http://www.zh-zal.ru/nz/2003/4/gel.html> (Accessed 20 April 2019).
- Gilev, A. V., Semenov, A. V. and Shevtsova, I. K. (2017), "Political Machines" and Their "Drivers": Electoral Administration at Local Level", *Politeia*, vol. 86, no. 3, pp. 62–80, doi: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80.
- Zuykina, A. S. and Kochneva, Yu. K. (2017), "The Competitions for the Municipal Head Positions in the Perm Region: Effects of Procedural Rules", *Review of Political Science*, no. 3, pp. 169–183.
- Kovin, V. S. and Petrova, R. I. (2017), "Competitiveness in the Local Political Space: Electoral Competitions for heads of LSGS and elections of deputies of representative authorities in municipal districts and urban districts of Perm region in 2012–2017", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 112–120.
- Kovin, V. S. and Podvintsev, O. B. (2015), "Formal and Informal Party in the Perm Region: Supply and Demand", *Political Science*, no. 1, pp. 218–239.
- Muhametov, R. S. (2018), "Sociological Portrait of the Mayors Elected on the "Soviet" System (on the example of Sverdlovsk Region)", *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 21–25.
- Panov, P. V. (2018), "Database "Political Space of the Industrial Cities of the Urals", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 3, pp. 77–82.
- Panov, P. V. (2014), "Regional Authorities Strategies in the Heads of Municipalities' Elections in Perm Krai", *Review of Political Science*, no. 4 (28), pp. 5–15.
- Panov, P. V. and Petrova, R. I. (2017), "Local Legislatures as a Channel of Lobbying Interests of the Region: a New System of Mayors' Recruitment", *Review of Political Science*, no. 2, pp. 109–119.
- Podvintsev, O. B. (2010), "Clay feet" of the Party in Power. What Caused the Loss of "United Russia" in Local Elections 2008–2010: Crisis in Society or Its Nature?", *Pro et Contra*, vol. 14, no. 3, pp. 97–105.
- Ross, K. (2008), "Municipal Elections and Voting Authoritarianism in Russia", *Political Science*, no. 3, pp. 111–125.
- Ryabova, O. A. and Filippova, E. Yu. (2018), "Core Enterprises in the Political Space of the Ural Industrial Cities: the Variability of Inclusion", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 81–86.
- Turovsky, R. F. (2015), "Russia's Local Self-Government: the Agent of the Government in the Trap of Insufficient Funding and Civil Passivity", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 35–51.
- Turovsky, R. F. (2014), "Subnational Policy: Introduction to Potential Theory", *Politeia*, no. 4, pp. 86–99, doi: 10.30570/2078-5089-2014-75-4-86-99.

Chirikova, A. Ye. and Ledyayev, V. G. (2017), *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Power in a Small Russian Town], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Chirikova, A. Ye., Ledyayev, V. G. and Seltser, D. G. (2014), "Power in a Small Russian Town: Configuration and Interaction of Major Local Actors", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 88–105, doi: 10.17976/jpps/2014.02.07.

Lankina, T. (2005), "New System Weakens Municipalities", *Russian Regional Report*, vol. 10, no. 17, pp. 1–4.

Ledyayev, V. and Chirikova, A. (2017), "Power in the Local Russian Communities: Patterns of Interaction Between Legislative and Executive Branches of Local Government", *Urban Affairs Review*, vol. 53, no. 6, pp. 990–1024, doi: 10.1177/1078087416649755.

Ledyayev, V., Chirikova, A. and Seltser, D. (2014), "Who Governs? Power in a Local Russian Community", *Journal of Political Power*, vol. 7, no. 2, pp. 211–231, doi: 10.1080/2158379X.2014.937586.

Wollmann, H. and Gritsenko, E. (2008), "Local Self-Government in Russia: between Decentralization and Recentralization", *Federalism and Local Politics in Russia*, in Ross, C. and Campbell, A. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 227–247, doi: 10.4324/9780203891513.

Received May 15, 2019

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК: 339.944

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-287-305

ISSUES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN DEFENSE INDUSTRY: CRITICAL REVIEW

GAYANE E. HARUTYUNYAN

National Defense Research University, Ministry of Defense, Yerevan,
Republic of Armenia

Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University, Yerevan,
Republic of Armenia

AZAT G. DAVTYAN

National Defense Research University, Ministry of Defense, Yerevan,
Republic of Armenia

For citation:

Harutyunyan, G. E. and Davtyan, A. G. (2019), "Issues of International Cooperation in Defense Industry: Critical Review", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 287–305, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-287-305.

Introduction. The article deals with the topical issues of international cooperation in defense industry. We touched upon the preconditions of the international cooperation in defense industry, the military diplomacy as a mechanism to ensure effective military-economic cooperation and the foreign military-economic and military-political orientations of the Republic of Armenia.

Aims. The aim of the present study is to outline the possible directions of international cooperation in defense industry of Armenia.

Methods. General scientific methods of theoretical research, content and comparative analysis of scientific and factual material, "case-study" method.

Results. The prerequisites and directions of international cooperation in defense industry were systematized. Based on the example of Pan-European military-industrial cooperation, it was noted that the best way to overcome the difficulties arising in the cooperation of this nature is the formation of supranational organizations regulating relations between cooperating states. The features of military diplomacy were revealed as well as the areas of international relations which are regulated within the framework of defense diplomacy.

Conclusion. There is a need to develop new strategic concept for Armenia in order to move to a more perfect and effective security system within the Collective Security Treaty Organization (CSTO). Otherwise, Armenia's membership in the CSTO and its formal and non-formal

obligations within this organization will continue to restrain the capabilities of Armenia's cooperation with the West in military-technical and military-industrial spheres even in the context of Armenia's balanced and complementary policy.

Key words: defense industry; international cooperation; military diplomacy; national security; joint ventures; licensed production; military-economic collaboration; transfer of technology

INTRODUCTION

In contemporary realities of national economies, the necessity to balance national priorities and approaches to successful integration into the global economy has been expressed more and more frequently. The problem of maintaining such a balance is more complicated when it comes to international cooperation in weapons and military technology production, as there was a potential for conflict between the aspects of national security, economic development and political independence of the country.

International cooperation in defense industry is a specific direction that combines several key vectors of state policy: diplomatic, military-political, economic and foreign trade. The tendencies of such cooperation often determine the level of national security of partner countries and, in some cases, have decisive influence on the regional security processes, military balance and preservation of peace. Therefore, when the priorities of international cooperation in this area (including choice of partners) are predetermined, the influence of the political factor prevails over the economic one. Despite this, in line with the logic of production cooperation common patterns, as well as due to the initiatives of enterprises involved in the process (which are still commercial organizations and pursuing commercial interests), the international collaboration in military-industrial field (in forms of cooperation, joint ventures and licensed production) has become a major tendency of modern global economy. In this article we touched upon the preconditions and peculiarities of the international cooperation in defense industry, the military diplomacy as a mechanism to ensure effective military-economic cooperation and the foreign military-economic and military-political orientations of the Republic of Armenia, trying to outline the possible directions of international cooperation in defense industry.

THEORETICAL BASIS

Preconditions and peculiarities of the international cooperation in defense industry

The first examples of international cooperation in defense industry are attributed to post-war Europe, where since the World War II, the wave of technological advancement enabled to develop more complex and, therefore, more expensive weapons systems, whereas in developed countries the economic growth rates dropped dramatically (DeVore, 2012): the economic growth was 2 %, then the cost of weapons systems grew by 6–10 % per year (Augustine, 1997, pp. 104–110).

Under such conditions, the international cooperation was essentially an important opportunity for European countries to develop advanced weapons in economic efficiency terms, while preserving the domestic defense-industrial base and independence. According to researchers, transatlantic cooperation could enhance the cost-effectiveness of European defense expenditures by 25 % (Callaghan, 1975, p. 34), and the effectiveness of defense-industrial sector could have increased by 10-20% due to the inter-European military cooperation (Hartley, 1998). M. Lorell and J. Lowell identify three types of incentives to cooperate for states: «economic» by rationalizing R&D budgets, «operational» by promoting interoperability and standardization, and «political» by strengthening interstate alliances (Lorell and Lowell, 1995).

The initial form of such international cooperation was granting production licenses to other countries, which created the preconditions for further scientific and production cooperation, including all stages of the production cycle, from the participatory design of new weapons to the modernization and repair of weapons already produced (Ваучский, 2008). As a result of further expansion of such cooperation, international production value chains, including scientific and production structures of several national economies, have been formed. The international cooperation in defense industry is accompanied by the intensification of military technology exchanges, as well as exchanges of experience in effective management of military-industrial sector. This gives rise to such critical problem as the growth of interdependence between the partner countries.

The share of foreign ownership (perhaps, foreign direct investment) in the military-industrial complexes of a number of developing countries has increased since the late 1990s. Besides, military-industrial consortiums have emerged in Western Europe, characterized by the long-term nature and sustainability of cooperation agreements, which greatly contributes to the deepening of interdependence between countries. It is noteworthy that often, in the case of military conflicts, the conflicting parties are formed not by political motivations, but by economic reasons under such interdependence coercion. This is a very important factor for refinement and justification of modern military-economic cooperation vectors.

So, to summarize, we can systematize the prerequisites for international cooperation in defense industry in the following way:

- increasing complexity of new exemplar of modern weapons, systems and complexes;
- weapons production costs and, therefore, the price increase;
- growing knowledge-intensity of their production;
- restricting the serial production capacities and cut-backs in output;
- political reasons.

In point of fact, the likelihood of potential economic benefits on its own will never be enough for international cooperation initiatives in defense industry. All the matter is that it requires to coordinate the activities of several governments of different countries, each of which, in comparison with other countries, has a fear of loss (or less benefit). In addition, apart from the positive aspects of international scientific and industrial cooperation in production of goods for military use, it also implies certain threats and problems, in particular, the imprudent intensification of external military and economic ties can lead to reduction in the level of mili-

tary-technical security and to unacceptable spread of modern weapons production technologies. Consequently, some countries consider it more reasonable to produce weapons samples, their elements and components only within their own borders, conditioned by the requirements for weak dependence on foreign supplies and rapid mobilization opportunities, if necessary, as well as the protectionist approaches that have economic inducements. Even in such circumstances, no country in the world today is able to provide the full spectrum of weapons and military equipment, as well as the research and development necessary for their production. Besides, it is evident that military-technical collaboration can lead to cost savings and low price at all stages of the weapons systems development and production (Копощупов, 2012, с. 5), therefore, the international cooperation in defense industry is an important precondition for the production of modern weapons. The international cooperation is therefore considered as the “second best option” available after autarky because it represents a form of protectionism. It allows the maintenance of military-industrial capabilities on the national territory and the incorporation of foreign technologies (Faure, 2015).

RESULTS

The problem of forming supranational bodies (international organizations) regulating relations in the field of international cooperation in the defense industry

Based on the example of Pan-European military-industrial cooperation, it should be noted that the best way to overcome the difficulties arising in the cooperation of this nature is the formation of supranational bodies (international organizations) regulating relations between cooperating states. The activities of this international organizations should be aimed at reducing the information asymmetry between partner countries, focusing on long-term cooperative benefits, counteracting to opportunistic behavior and encouraging such investments, which can be beneficial for all parties (North, 1990, p. 152). However, the cooperation initiatives in defense industry are often characterized by a wide range of opportunities, but with considerable difficulties in reaching a consensus on the mechanisms for their effective implementation. According to researchers, four facets of such cooperation institutional design – mandate, membership, interest representation, and resources – have proven especially problematic (DeVore, 2012). In addition, it is also very important to clarify the direction of cooperation, because maybe the countries that want to cooperate in different stages of production (for example, in the production of parts and elements or bought-in components), may disapprove of joint research and development, avoiding the transfer of new technological solutions to partner countries. And conversely, on some occasions, countries can initiate military-economic cooperation, mainly because of their inability to conduct research and development independently.

In this regard, we can identify the main directions of international cooperation in defense industry:

- non-production cooperation for the joint implementation of military research and development;

- production cooperation, when each country specializes in that part of the production cycle where it has comparative advantages (this may be, for example, the production of parts and components, automated control systems or necessary materials);
- adoption of common technical standards so that the weapons of partner countries are mutually compatible;
- co-regulation of defense industry and international market of military products, harmonization of regulatory approaches;
- formation of integrated logistic network and building of technical maintenance system within framework of cooperation;
- co-financing of military production initiatives or formation of co-funding source.

It is evident that the mandate of emerging supranational organization (other international entities) is largely determined by the direction of cooperation at which its activity is aimed. In the case of closer cooperation, it is necessary to form a large structure that will coordinate all areas of cooperation. The choice of mandate and activity areas of the organization is also interdependent with the fact which countries should join the organization. Theoretically, the larger the number of member countries and the greater the possibilities of countries to specialize in any production phases, the more beneficial cooperation will be, however, in practice, functional cooperation reveals many obstacles in the consensus process, mainly by reason of asymmetry between military-economic potential of countries. For example, transatlantic military-economic cooperation countries, where the US is a dominant state, were confronted with the same problem, because the military spending of this country is more than ten times¹ that of European developed countries, so its interests and preferences are primary compared to other countries (Caverley, 2007). To make matters worse, large and small states possess incompatible preferences, whereas large states prefer liberalized markets, the small ones defending illiberal and protectionist practices. Therefore, especially the international cooperation in defense industry is most expedient amongst a more restrictive group of states, but with the same level of economic development and military capabilities (DeVore, 2012, p. 435).

For as much as the defense industry being a sphere of private business (except for some countries where defense industry is a State monopoly), is at the same time under strict control of the State, it is also important to determine who should represent country within international organization coordinating cooperation. The fundamental trade-off is between private sector entrepreneurs, military officials and political authority of elected officials. Certainly, private sector representatives and military officials possess technical expertise unmatched by their political superiors, thus they can best estimate benefits of possible transactions and extract significant advantages from cooperation. Nevertheless, the interests of States can be better represented by the political authorities, given that in such cases, the required decisions have a political nature. The features of military diplomacy will be addressed in the next section of this article.

¹ *European Defence Agency Annual Report 2009*, European Defence Agency, Brussels, Belgium [Online], available at: https://www.eda.europa.eu/docs/documents/Annual_Report_2009 (Accessed 22 April 2019).

With regard to earning financial resources of the coordinating body for international cooperation, it is also essential to ensure equal partnership conditions to prevent a stronger partner having influence on governing bodies, and thus being able to provide more resources for maintenance and operation of organization, thereby influencing decision-making process. On the other hand, such international structures can operate at the expense of their own financial resources, which would be funds from remunerations for consulting, accounting, maintenance and other services provided during conclusion of contracts. However, plentiful resources can also undermine governments' ability to control international organizations and under this approach of financing, there is also a fear that interests of some countries may be ignored. According to some researchers, developed countries stood to gain the most from scientific and industrial cooperation in defense industry, so it is they who usually initiate this kind of cooperation (Горностаев и Горностаев, 2001, с. 130–131). Nevertheless, in recent years, the necessity of an international cooperation in weapons production has become more apparent due to the obligatoriness of redeployment of production costs and risks among the members. However, Armenia does not partake in these processes adequately, whereas, especially at the present, when the country has set itself the stubborn challenge of defense industry development, such cooperation can substantially contribute to development of industry's technological and scientific foundations.

Military Diplomacy in Endeavoring of Military-economic cooperation

The effective foreign policy for development of military economy requires the specification of military-political and military-economic orientations. The latter presupposes a rethinking of possible vectors of international relations, emphasizing the expansion of opportunities to withstand the challenges of modern regional and global security threats with regard to military and economic security. In addition, the global weapons market and business is in constant transformation, new advanced weapons are now appearing and the global defense market in 10 years' time will look considerably different from today's, as many of the countries that now are large importers will become tomorrow's exporters (Kytömäki, 2014, p. 2). Therefore, the need arises to move the issues of defense industry development to another dimension equivalent with these changes. From this perspective, the issue of developing expedient military diplomacy becomes very important. This is the essential prerequisite for establishment and expansion of international military-economic cooperation, since it is aimed at increasing the level of mutual trust between States, seeking compromise options and ensuring solidarity in the context of possible conflicts of interest.

Military (defense) diplomacy can be defined as a set of activities carried out mainly by the representatives of the defense department, as well as other State institutions, aimed at pursuing the foreign policy interests of the State in the field of security and defense policy, and whose actions are based on the use of negotiations and other diplomatic instruments (Pajtinka, 2016). Military diplomacy, in essence, was one of the least explored areas of international relations, mainly due to the fact that competent State authorities often do not disclose information on military diplomacy based on principles of security. As a result, the lack of reliable information

sources limits the possibilities for fundamental and integrated research and identification of patterns.

One can highlight several areas of international relations which are regulated within the framework of defense diplomacy²:

- stability, mutual understanding and confidence building among partner (allied) countries;
- ensuring operative compatibility between allies;
- establishment of democratic values in the military sphere (regulation of military and civilian relations, development of mechanisms of societal control in the military sphere).

At that, the regulation of relations can be implemented in several ways, with the conclusion of direct agreements between the defense or military departments, the transfer of military equipment and armament (free of charge, preferential or at market price), military doctrine coordination in armed conflicts, development of joint counteraction policy, etc. In practice, such cooperation can be manifested in the development of joint military trainings and personnel, joint actions in armed conflicts (for example, peacekeeping), as well as the development of technical standards and provision corresponding services.

In recent years, in the context of current global geopolitical and economic realities, the negotiations on armament exports became an important area of public diplomacy which success is determined by weapons export performance of countries. Moreover, in many cases, the weapons export represent itself simultaneously as an essential component of the defense policy (diplomacy) of the State - a specific lever of influence - and opportunity for providing military-economic security. For example, states producing strategically important weapons may export them to strengthen their regional or global political positions. They just sell their weapons only to countries which have a status of "strategic ally" and will use those weapons according to "common interests". On the other hand, by setting under such dependence on arms exports the seller may apply certain political enforcement towards the "allied country(s)". The growth of mutual dependence is more prominent especially in military-political unions where member states agree their all defense-related activities (Muthana, 2011). Although this default option increases the small states dependence on another states, it is, however, the most effective in that it allows them to acquire weapons without having to pay the initial R&D cost and without having the engineering skills required to develop weapon systems (Jones, 2007, pp. 142–143). It should also be noted that in the multi-polar and competitive environment of international relations, the main armaments' producers tend to not sell modern weapons in order to prevent the spread of innovative technologies, whereas, they may just donate outdated weapons or sell them at below market price.

Thus, even though private companies are the main vendors in the global armaments market, transactions are monitored and, more often, directly implemented by state-owned companies. The same can be said about the cooperation in defense industry, as cooperation contracts and agreements are actually acquired

² *The Military Balance* 2009, Routledge, London, UK, 2018 [Online], available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781351225939> (Accessed 22 April 2019).

through defense diplomacy links. Moreover, frequently it was the State contractor that initiated such cooperation between private enterprises (for example, in Russia) as a separate function of defense diplomacy. As a result, taking into account the peculiarities of production and transfer of armament and military equipment, and conditional on requirements of the technological safety provision issues, as well as protectionist policy of States, military industrial cooperation among countries is proceeding with significant difficulties and conventions. Regardless of the way in which this cooperation takes place (sale of armaments, production technology, license, or joint production etc.), there is a number of circumstances that is reviewed for every transaction on a case-by-case basis as a matter of military diplomacy expediency. They are:

- appropriateness of the transaction to the legitimate security needs of the partner countries;
- no contradiction to the national and regional security interests of the donor (vendor) state, especially when the transfer of armaments or production technology may increase security threats and lead to arms' race;
- the potential impact of the transaction on the donor-country's capabilities and technological advantages, particularly if it comes to the protection of classified technologies;
- guarantees provided by the recipient country for the non-transferring of special technologies to a third party or for their unauthorized use;
- probability of the significant change in the military-political situation of the recipient country, which may result in the improper use or transfer of the sold (or supplied) armaments;
- the degree of support for the strategic and foreign policy interests of the donor country, which may imply the enlargement of impact and accessibility, the distribution of risks and obligations among countries, effective interaction;
- efforts of the recipient in human rights protection, development of democracy, the fight against terrorism as well as the likelihood of the abuse of arms' acquisition in these areas;
- the likelihood of reexport or resupply of weapons to countries which can use them with rough violations of human rights and international humanitarian norms;
- the impact on the donor country's industry and in particular the military-industrial base;
- the availability of similar weapons systems in the country (from other suppliers);
- capability of the recipient country to maintain and properly utilize the armaments in accordance with its intended end-use³.

In fact, one of the key objectives of the military diplomacy in the context of international cooperation development in defense industry is to seek an optimal balance between the geopolitical interests of country, the industrial technological cooperation with the advanced manufacturers of weapons, and solvent importers, with whom the contracts or agreements will not endanger the reputation

³ The listed circumstances are similar to the US Conventional Arms Transfer Policy norms (Kaidanow, 2017).

of the donor country in human rights and international humanitarian norms protection and in the fight against terrorism. At first glance, the economic benefit is of secondary significance in such transactions. Nevertheless, in practice, a more detailed study of phenomena reveals other realities. In particular, the arms are sold to those countries which pay for it well. On the other hand, the acquisition of international contracts (licensed production, creation of joint ventures etc.) in the military industry area through the diplomatic channel (based on geopolitical factors) can have a substantial economic effect by spurring the development of a number of interconnected industries in the economy.

The orientations of foreign military-economic policy of Armenia in defense industry

The Armenia's foreign military-economic policy is based on military-political orientations which have emerged as response to the regional realities in line with the state security issues simultaneously promoting regional and international security. In this regard, the international cooperation of Armenia is implemented both through bilateral agreements with individual countries and on the basis of multilateral agreements within the framework of regional and international organizations that regulate security issues. According to the Armenian National Security Strategy⁴ and Military Doctrine of the Republic of Armenia⁵, the main components of the military-political security of the country are:

- Armenia-Russia bilateral relations, cooperation in defense and military-technical spheres, strategic partnership between the two countries. Armenia also has joint armed forces with Russia (*Combined Group of Troops (Forces) of the Armed Forces of the Republic of Armenia and the Armed Forces of the Russian Federation*);
- Membership in the Collective Security Treaty Organization (CSTO), active and practical participation in the programs implemented by that organization;
- Bilateral military cooperation, particularly with the United States (in the field of defense reform, establishment of interoperable subdivisions, international stabilization and peacekeeping operations) and Greece;
- Partnerships with NATO and its partner countries within the framework of the Euro-Atlantic Partnership Council, the "Individual Partnership Actions» and the "Partnership for Peace" programs;
- The activities of security agencies of international security organizations, including the Organization for Security and Cooperation in Europe to ensure that arms control is open and transparent, particularly within the United Nations and Organization for Security and Cooperation in Europe;
- Cooperation with regional and non-regional countries whose policies do not contradict with the fundamental values of Armenia's national security.

⁴ *Republic of Armenia National Security Strategy* [Online]: approved by the National Security Council of the Republic of Armenia dated January 26, 2007, available at: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrineeng.pdf> (Accessed 9 March 2019).

⁵ *The Military Doctrine of the Republic of Armenia* [Online]: President Decree no. NH-37-N dated February 7, 2007, available at: https://www.files.ethz.ch/isn/155588/Armenia%20Military%20Doctrine%202007_eng.pdf (Accessed 9 March 2019).

DISCUSSION

The application of international experience and assistance in the upgrading of the Armed Forces of the Republic of Armenia, addressing the requirements of armament and military equipment, training and skills development of Armed Forces personnel, as well as the development and reconstruction of the military-industrial complex are declared the main purposes (among other purposes) of the international military and military-technical cooperation of the Republic of Armenia⁶. In the development of an external security strategy, Armenia follows the principle of balanced relations, the goal of which is to enlarge the external relations and the realistic balance of cooperation with global powers, while preserving the country's autonomy in decision-making. It does not suppose the balanced agendas with all regional powers, but aims at the effective use of integration opportunities provided by international relations, taking into account the strategic interests that are common to both Armenia and the international community.

It is not difficult to notice that at a crossroads of international cooperation Armenia has strived to stay within the so-called complementary policy. In practice, however, Russia has had a considerable share in these relations thanks to which bilateral cooperation is qualified as “strategic.” By the way, the choice of countries seeking strategic cooperation can be somewhat comparable with the formation of a portfolio of financial investments, since each participating country provides certain advantages (assets) to a business partner and at the same time, adequate risks. Since “strategic assets” are by nature, long-term, so the “state-investor” would refrain from “investing in a speculative assets” even if there is a great opportunity get benefit in the short-term. The “real value” of strategic long-term relationships is assessed by stable political, economic, military links, common interests and goals, goodwill and dominant values in society. At the same time, the relations of the strategic partner with the countries with which it has a real conflict or potential conflict is highlighted. The last circumstance, of course, is decisive, but not in the Armenian-Russian relations. For Russia, Azerbaijan is also “an important military partner in the Caucasus region”, as well as it is manifested in “practical steps”⁷. But that is the other side of the issue.

In this study, we are more interested in why Armenia, having a strategic ally which is the second largest country in the export of the armaments and military equipments, yet has not more or less competitive military industry. It is quite unusual also because Armenia has made considerable contribution to the development of the Soviet Union's military industrial complex and now there is a considerable potential for producing own military-industrial products (Հարությունյան, 2018, էջ 96–120). On the other hand, it is well known that international research-and-production value chains in defense industry tend to develop within the framework of a strategic partnerships, alliances or a certain military-political bloc and agreements, given that here is an opportunity to control the impact of the spread of military technology on national economy and international security (Горностаев

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Азербайджан – важный стратегический партнер России* [Электронный ресурс]. 2017. 16 нояб. URL: <https://news.day.az/politics/951187.html> (дата обращения: 17.03.2019).

и Горностаев, 2001). From this point of view, too, Armenia is one of the best countries for Russia to establish cooperative relations in defense industry. Particularly, the military cooperation with Russia, and especially the presence of the Russian military base in Armenia, is viewed as an important factor for the neutralization of foreign military threats. In this context, it is also important to establish the Armenian-Russian joint military-industrial enterprise and specialized educational institution for the service and repair of armament and military equipment of the 102nd military unit. The establishment of such a complex will enable its production potential to be used in the repair, modernization and maintenance services for the Russian armaments and military equipment in the traditional markets of Russia in the South direction. In the future such a complex can foster the production of armaments and its components solving the socio-economic and demographic problems of Shirak region.

Nevertheless, there are some arguments of the lack of examples of effective cooperation between Armenia and Russia in the military-industrial sector - Russian protectionist policy, the unstable geopolitical situation of Armenia, the limited investment opportunities from the Armenian side, the incompatibility of Armenian and Russian legislature, etc., but in all those cases, there are solid counterarguments: firstly, membership in the Eurasian Economic Union, which makes the sponsorship unacceptable; secondly, military presence of Russia as a guarantor of geopolitical stability in Armenia; thirdly, readiness of Armenia to harmonize the national legislation with Russia, etc.). The attitude that Russia, having comparative advantages in the military industry, avoids "redistributing" them among the partner countries, which are also the main consumers of the Russian armaments and military equipment (with considerations for not losing traditional markets of Russian products) is also unfounded, because in particular of Armenia Russia is facing of non-solvent demand, which was not always prepared to satisfy. Obviously, there are reasons to look for in another demesne. In any case, the Armenian-Russian successful military-industrial cooperation requires the diplomatic solutions cause their economic justifications are powerless.

Certainly, there are also a number of objective reasons, which hinder military industrial cooperation of Armenia with not only Russia but also with other states. The most important of these reasons is the transborder blockade by Azerbaijan and Turkey. According to the World Bank analysts, the transport unblocking and the development of transport links will double Armenia's exports and GDP will grow by more than 30 %. With the abolition of the transport blockade, transportation costs will be reduced by 30–35 %. According to the estimations Armenia's transport costs are twice higher than the global average costs and are the highest in the region. At present, Armenia's transport communication can be considered a deadlock, as cargo transportation depends on Georgia and Iran, and Armenia itself does not have crucial importance for its neighbors with regard to be a transit country. This, in turn, heightens Armenia's unilateral dependence on neighbors (Մեղրումյան և ուր., էջ 14–15).

From this point of view, Armenia's integration into international transport routes acquires particular importance, which will contribute to the reduction of transport costs and the diversification of arms supply chains. At the same time, this will raise the competitiveness of Armenian commodities (including military-

industrial products). In this regard particular care is required the possibility of the China-Persian Gulf-Iran railway to be integrated into the Persian Gulf-Black Sea multimodal international transport corridor in the context of China's «One Belt – One Road» initiative regarding the prospect of participation of Armenia in it. The development of policy towards Armenia-Iran-China trilateral cooperation is becoming strategically important in order to heighten Armenia's involvement in this project. Armenia's balanced economic orientation towards the Eurasian Economic Union and the European Union can also contribute to this. Particularly, the opportunity of exporting goods (including military-industrial) with zero-duty to Eurasian Economic Union and with preferential terms to the European Union markets can attract Chinese investments. In addition, the signing of the free trade agreement between Iran and Eurasian Economic Union will allow Chinese companies registered in Armenia to export their production with zero customs duties to Iran as well. Let's point out that from the perspective of Armenia, such a policy will not contradict the principles of strategic partnership with Russia, because in the world geopolitical arena the trends of the coordination of security policy among Russia, China and Iran have become apparent which has caused the West to consider the weakening of the military-political influence of those countries in the Eurasia as a strategic goal (Подберезкин и др., 2015, с. 766). The Russian-Chinese bilateral military-industrial and military-technical cooperation gradually develops also in the spheres of aeronautics, aviation missile weaponry, marine propulsion and the production of components of fire-fighting management systems (Allen, 2001). Another key element is that China attached particular – strategic – importance to Russia and Iran in the “One Belt – One Road” initiative (in particular, Iran plays a key role in China's 1 trillion US dollars infrastructure investment, and in 2016, Iran and China have agreed to boost bilateral trade up to 600 billion US dollars over the next 10 years (Rezaei, 2017).

At this intersection of strategic interests, it is necessary to look for the “international” perspective of the development of Armenian defense industry. For example, the formation of a joint aerospace defense system and a uniform informational-communicational space can become the most probable area of cooperation between the three major countries. Obviously, such a cooperation will require the creation of a huge multinational military capability, assuming great demand for both offensive and defensive weapons and military equipment, which will be probably satisfied by the joint efforts of the three states. Armenia can also have its role in meet such demand, if it has the opportunity to participate in the defense industrial production values of Iran, Russia and China using its competitive advantages. On the other hand, regional air defense system between Armenia and Russia within the Collective Security in the Caucasian region can be effectively integrated into common (trilateral) aerospace defense system⁸.

By the way, in relation to the CSTO it should be noted that although at the initial stage of its formation, it has successfully carried out the tasks, it could not have taken into account the strategic interests of all member states and all factors related

⁸ The agreement on the establishment of this system was signed in Moscow on December 23, 2015. Source: *Armenia Ratifies Agreement on Joint Air-Defense System with Russia* [Online], Reuters, 2016, 30 June, available at: <https://www.reuters.com/article/us-armenia-russia-defence/armenia-ratifies-agreement-on-joint-air-defense-system-with-russia-idUSKCN0ZG2AS> (Accessed 23 March 2019).

to the regional security. Later, in 2005–2006, it became evident that it should be transformed into a multifunctional organization, whose function of ensuring collective security should be implemented not only in the military but also in other spheres of cooperation. In such circumstances, there is a need to develop new strategic concept in order to move to more perfect and effective security system within the CSTO. This concept should take into account the requirement of multifunctionality and the non-alternativity of international cooperation towards its provision (Коранджян, 2014, с. 258). Otherwise, Armenia's membership to the CSTO and its formal and non-formal obligations within this organization will continue to restrain the capabilities of Armenia's cooperation with the West in military-technical and military-industrial spheres even in the context of Armenia's balanced and complementary policy.

CONCLUSION

Thus, international cooperation in defense industry is conditioned by a number of difficulties, the most significant of which is the problem of “optimal dependence” of national defense industry on foreign partners, which is crucial for ensuring the security of national economy and country. The problem is most acute in small countries unable to control the performance of individual links of international military-industrial production chains and often acquiring the right to participate in them only on the condition of “closed vision” having no ideas about nature and purpose of final product and even of its real market price. Nevertheless, in recent years, the necessity of an international cooperation in weapons production has become more apparent due to the obligatoriness of redeployment of production costs and risks among the members.

However, Armenia does not partake in these processes adequately, whereas, especially at the present, when the country has set itself the stubborn challenge of defense industry development, such cooperation can substantially contribute to development of industry's technological and scientific foundations. In particular, the acquisition of international contracts (licensed production, creation of joint ventures, etc.) in the military industry area through the diplomatic channel (based on geopolitical factors) can have a substantial economic effect by spurring the development of a number of interconnected industries in the economy. In that context, there is a need to develop new strategic concept for Armenia in order to move to the more perfect and effective security system within the CSTO. Otherwise, Armenia's membership to the CSTO and its formal and non-formal obligations within this organization will continue to restrain the capabilities of Armenia's cooperation with the West in military-technical and military-industrial spheres even in the context of Armenia's balanced and complementary policy.

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded by the grant issued by the State Committee of Science of Ministry of Education and Science of Armenia, project no. 18T-5B0470 “The Opportunities of Innovative Development of the Defense Industry in Armenia”.

Библиографический список

Ваучский А. Н. Направления развития международной кооперации при создании вооружения (на примере кораблестроения) // Военная мысль. 2008. № 10. С. 10–22.

Горностаев Г. А., Горностаев А. Г. Международная научно-производственная кооперация оборонных предприятий: необходимость и задачи развития для России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 130–131.

Корощупов В. О. План развития военно-технического сотрудничества европейского оборонного агентства // Политические и военно-экономические аспекты обеспечения международной и региональной безопасности: сборник докладов молодых ученых и аспирантов на Научной конференции молодых ученых Отдела стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН / Отв. ред. Д. А. Чижов. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 5–10.

Котанджян Г. С. Стратегическая концепция развития коллективной безопасности ОДКБ // Ռազմաշարժախն-անվտանգային հետազոտություններ. 2014 թ. հատոր 3 . էջեր 254-261 [Стратегические исследования в сфере безопасности. 2014. Т. 3. С. 254-261].

Подберезкин А. И., Александров М. В., Боришполец К. П., Зиновьева Е. С., Каберник В. В., Мунтян М. А., Родионов О. Е., Ручкин Г. Р., Харкевич М. В. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. Т. 1 // Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / Под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО МИД России, 2015. 796 с.

Фатьянов А. А. Проблема международной кооперации на рынке военной техники // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 6. С. 112–116.

Allen K. W. China's Foreign Military Relations with Asia-Pacific // Journal of Contemporary China. 2001. Vol. 10, № 29. P. 645–662. DOI: 10.1080/10670560120075046.

Augustine N. Augustine's Laws. Reston: American Institute of Aeronautics and Astronautics, 1997. 241 p.

Callaghan T. A. US-European Economic Cooperation in Military and Civil Technology. Washington: Georgetown University Press, 1975. 125 p.

Caverley J. United States Hegemony and the New Economics of Defense // Security studies. 2007. Vol. 16, № 4. P. 598–614. DOI: 10.1080/09636410701740825.

DeVore M. R. Organizing International Armaments Cooperation: Institutional Design and Path Dependencies in Europe // European Security. 2012. Vol. 21, № 3. P. 432–458. DOI: 10.1080/09662839.2012.667806.

Faure B. H. La Coopération Internationale dans le Secteur de l'Armement à la Lumière du cas Français. Questions de Research. № 46. Juin 2015. 45 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/e132d0a1f8s88f1stcn-753mbt/resources/qdr46-2.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

Hartley K. A Single European Market for Defence Equipment // The Organisation of the Firm: International Business Perspectives / Ed. by R. Mudambi, M. Ricketts. London: Routledge, 1998. P. 148–166.

Jones S. G. The Rise of European Security Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 310 p.

Kaidanow T. S. Foreign Military Sales: Process and policy [Электронный ресурс] // The Official Site of U.S. State Department. 15 June 2017. URL: www.state.gov/t/pm/rls/rm/2017/271928.htm (дата обращения: 9.03.2019).

Kytömäki E. The Defense Industry, Investors and the Arms Trade Treaty [Электронный ресурс] // The Royal Institute of International Affairs Chatham House. December 2014. 41 p. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20141215DefenceIndustryArmsTradeTreatyKytomaki.pdf (дата обращения: 28.03.2019).

Lorell A. M., Lowell J. F. Pros and Cons of International Weapons Procurement Collaboration. Santa Monica: Rand Corporation, 1995. 54 p.

Muthana K. A. Military Diplomacy [Электронный ресурс] // Journal of Defense Studies. 2011. Vol. 5, № 1. Pp. 1–15. URL: https://idsa.in/system/files/jds_5_1_kamuthanna.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.

Pajtinka E. Military diplomacy and its present functions // Security Dimensions: International & National studies. 2016. № 20. P. 179–194. DOI: 10.24356/SD/20/9.

Rezaei F. Will America force Iran to strengthen ties with China and Russia? [Электронный ресурс] // The National Interest. 2017. 10 Aug. URL: <http://nationalinterest.org/feature/will-america-force-iran-strengthen-ties-china-russia-21860> (дата обращения: 9.03.2019).

Հարությունյան Գ.: Ռազմաարդյունաբերություն. գերակայություններ, հնարավորություններ, հեռանկարներ: Երևան, «Լիմուշ», 234 էջ [Арутюнян Г. Оборонная промышленность: приоритеты, возможности, перспективы. Ереван: «Лимуш», 2018. 234 с.]

Մերքումյան Մ., Հախվերդյան Դ., Նազարյան Գ., Բահարյան Ֆ., Հակոբյան Տ: ՀՀ տնտեսության ոլորտային զարգացման և հարկարյուցեության քաղաքականության հիմնախնդիրները մաքսային միության անդամակցության պայմաններում /գլխ. խմբ. Մկրտչյան Թ./, Երևան, Տնտեսագետ, 2015, 104 էջ: [Мелкумян М., Ахвердян Д., Назарян Г., Бахарян Ф., Акопян Т. Вопросы секториального развития экономики Республики Армения и фискальной политики в условиях членства в Таможенном Союзе / Под ред. Т. Мкртчян. Ереван: «Тнтесгет», 2015. 104 с.]

Информация об авторах

Гаянэ Эрниковна Арутюнян – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, 0010, Республика Армения, г. Ереван, ул. Тигран Мец, 17, ученый-аналитик Центра регионального стратегического анализа Национального исследовательского университета обороны Министерства обороны Республики Армения, 0010, Республика Армения, г. Ереван, ул. Карапет Улнецу, 56/6

ORCID: 0000-0003-3240-0802

ResearcherID: P-6774-2019

Электронный адрес: harutyunyan.gayanne@mail.ru

Азат Геннадьевич Давтян – канд. экон. наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета обороны Министерства обороны Республики Армения, 0010, Республика Армения, г. Ереван, ул. Карапет Улнецу, 56/6

ORCID: 0000-0002-9585-4978

Электронный адрес: azat-davtyan@mail.ru

Статья получена 12 мая 2019 года

УДК 339.944

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-287-305

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Гаяне Э. Арутюнян

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, 17 Тигран Мец, Ереван, 0010, Республика Армения

Центр регионального стратегического анализа Национального оборонно-исследовательского университета Министерства обороны Республики Армения,

56/6 Карапет Улнецу, Ереван, 0037, Республика Армения

ORCID: 0000-0003-3240-0802

ResearcherID: P-6774-2019

Электронный адрес: harutyunyan.gayanne@mail.ru

Азат Г. Давтян

Национальный оборонно-исследовательский университет Министерства обороны Республики Армения, 56/6 Карапет Улнецу, Ереван, 0037, Республика Армения

ORCID: 0000-0002-9585-4978

Электронный адрес: azat-davtyan@mail.ru

Для цитирования:

Harutyunyan, G. E. and Davtyan, A. G. (2019), "Issues of International Cooperation in Defense Industry: Critical Review", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 287–305, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-287-305.

Введение: в статье рассматриваются актуальные проблемы международного сотрудничества в сфере оборонной промышленности. Особое внимание уделяется предпосылкам такого сотрудничества и развитию военной дипломатии как механизма, гарантирующего продуктивную военно-экономическую кооперацию, а также особенностям внешних военно-экономических и военно-политических ориентаций Республики Армения.

Цель: целью исследования является определение возможных направлений международного сотрудничества Армении в области оборонной промышленности.

Методы: общенаучные методы теоретического исследования, контент-анализ и сравнительный анализ научного и фактологического материала, метод «кейс-стади».

Результаты: в результате исследования были систематизированы исходные условия и направления международного сотрудничества в сфере оборонной промышленности. Анализ военно-промышленной кооперации европейского региона показал, что наиболее оптимальным способом преодоления трудностей в этой сфере является формирование наднациональных институтов, регулирующих подобное сотрудничество. В статье отражены основные атрибуты военной дипломатии как области международных отношений в контексте оборонной дипломатии.

Выводы: в целях организации действенной системы безопасности Армении в рамках Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) необходимо формирование и развитие новой стратегической концепции. В противном случае членство Армении в ОДКБ и ее формальные и неформальные обязательства продолжат ограничивать возможности для сотрудничества Армении с Западом в военно-технической и военно-промышленной сферах даже при условии сбалансированной политической линии Армении.

Ключевые слова: оборонная промышленность; международное сотрудничество; военная дипломатия; национальная безопасность; совместные предприятия; лицензионное производство; военно-экономическое сотрудничество; трансфер технологий

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Государственной комиссии по науке Министерства образования и науки Республики Армения, проект № 18Т-5В047 «Возможности инновационного развития оборонной промышленности в Армении».

REFERENCES

- Vauchsky, A. N. (2008), "Directions of International Cooperation Development in Creating Weapons (in terms of Shipbuilding)", *Military Thought*, no. 10, pp. 10–22.
- Gornostaev, G. A. and Gornostaev, A. G. (2001), "International Research and Production Cooperation of Defense Enterprises: the Need and Objectives of Development for Russia", *Studies on Russian Economic Development*, no. 4, pp.124–134.
- Koroshhupov, V. O. (2012), "The plan for Development of Military-Technical Cooperation of the European Defense Agency", *Politicheskije i voenno-ekonomicheskie aspekty obespecheniya mezhdunarodnoj i regional'noj bezopasnosti: sbornik dokladov molodyh uchenyh i aspirantov na Nauchnoj konferentsii molodyh uchenyh Otdela strategicheskikh issledovanij Tsentra mezhdunarodnoj bezopasnosti IMEMO RAN*

[Political, Military and Economic Aspects of International and Regional Security: Collection of Reports presented by Young Scientists and Post-Graduates Scientific Conference at the Strategic Research Branch of the Centre of International Defense of Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences], Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 5–10.

Kotandzhjan, G. S. (2014), “CSTO Collective Security Strategic Concept”, *Strategic and Security Studies*, vol. 3, pp. 254–261.

Podberезkin, A. I., Aleksandrov, M. V., Borishpolets, K. P., Zinov'eva, E. S., Kabernik V. V., Muntyan, M. A., Rodionov, O. E., Ruchkin, G. R. and Harkevich, M. V. (2015), “The Theoretical Basis of Analysis, Forecast and Planning System of Foreign and Defense Policy. Vol. 1”, *Strategicheskoe prognozirovanie i planirovanie vneshnej i oboronnoj politiki: monografiya: v 2 t.* [Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy: Monograph: in two volumes], in Podberезkin, A. I. (ed.), Moscow State University of Foreign Affairs of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia [Online], available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d56/d56188c4f338055e9c53aa40a57c4a26.pdf> (Accessed 12 March 2019).

Fatianov, A. A. (2012), “Problems of International Cooperation in the Military Equipment Market”, *Russian Foreign Economic Journal*, no. 6, pp. 112–116.

Allen, K. W. (2001), “China's Foreign Military Relations”, *Journal of Contemporary China*, vol. 10, no. 29, pp. 645–662, doi: 10.1080/10670560120075046.

Augustine, N. R. (1997), *Augustine's Laws*, American Institute of Aeronautics and Astronautics, Reston, US.

Callaghan, T. A. (1975), *US-European Economic Cooperation in Military and Civil Technology*, Georgetown University Press, Washington, US.

Caverley, J. (2007), “United States Hegemony and the New Economics of Defense”, *Security Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 598–614, doi: 10.1080/09636410701740825.

DeVore, M. R. (2012), “Organizing International Armaments Cooperation: Institutional Design and Path Dependencies in Europe”, *European Security*, vol. 21, no. 3, pp. 432–458, doi: 10.1080/09662839.2012.667806.

Faure, B. H. (2015), “La Coopération Internationale dans le Secteur de l'Armement à la Lumière du cas Français. Questions de Research, № 46” [Online], available at: <https://spire.sciencespo.fr/hdl/2441/e132d0a1f8s88f1stcn753mbt/resources/qdr46-2.pdf> (Accessed 12 April 2018).

Hartley, K. (1998), “A Single European Market for Defense Equipment”, *The Organisation of the Firm: International Business Perspectives*, in Mudambi, R. and Ricketts, M. (ed.), Routledge, London, pp.148–166.

Jones, S. G. (2007), *The Rise of European Security Cooperation*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kaidanow, T. S. (2017), “Foreign Military Sales: Process and Policy” [Online], available at: <https://www.state.gov/foreign-military-sales-process-and-policy/> (Accessed 09 March 2019).

Kytömäki, E. (2014), “The Defense Industry, Investors and the Arms Trade Treaty” [Online], available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20141215DefenceIndustryArmsTradeTreatyKytomaki.pdf (Accessed 28 March 2019).

Lorell, A. M. and Lowell, J. (1995), *Pros and Cons of International Weapons Procurement Collaboration*, Rand Corporation, Santa Monica, US.

Muthana, K. A. (2011), "Military Diplomacy", *Journal of Defense Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 1–15 [Online], available at: http://www.idsa.in/system/files/jds_5_1_kamuthanna.pdf (Accessed 11 March 2019).

North, D. (1990), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Pajtinka, E. (2016), "Military Diplomacy and Its Present Functions", *Security Dimensions: International & National Studies*, no. 20, pp. 179–194, doi: 10.24356/SD/20/9.

Rezaei, F. (2017), "Will America force Iran to strengthen ties with China and Russia?" [Online], available at: <http://nationalinterest.org/feature/will-america-force-iran-strengthen-ties-china-russia-21860> (Accessed 12 March 2019).

Harutyunyan, G. (2018). *Rrazmaardyunaberut'yun: gerakayut'yunner, hnaravorut'yunner, herrankarner* [Defense Industry: Priorities, Opportunities, Prospects], Limush, Yerevan, Armenia.

Melkumyan, M., Hakhverdyan, D., Nazaryan, G., Baharyan, F. and Hakobyan, T. (2015), *HH tntesut'yan volortayin zargats'man yev harkabyujetayin kaghak'akanut'yan himnakhndirneri mak'sayin miut'yan andamaks'ut'yan paymannerum*. [The Sectoral Development of the Economy of the Republic of Armenia and Fiscal Policy Issues in the Customs Union Membership Conditions], Tntesaget, Yerevan, Armenia.

Received May 12, 2019

УДК 327.7

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329

АРКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ: УЧАСТИЕ РОССИИ

Д. Н. ВОРОНЧИХИНА

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования:

Ворончихина Д. Н. Арктический совет как международный форум сотрудничества государств: участие России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 306–329. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329.

Введение: в статье оценивается активность России в деятельности Арктического совета (далее – Совет) посредством выделения следующих критериев: количества делегатов, направленных Россией для участия в заседаниях Совета; количества проектов, финансируемых Россией; количества проектов, инициированных Россией; количества комментариев, сделанных представителями России на заседаниях Совета.

Цель: оценить активность России в работе Совета, интенсивность взаимодействия России с этим институтом, выявить корреляционные связи между участием России в работе Совета и осуществлением экологической политики в Арктической зоне.

Методы: неореализм, системный подход и анализ документов.

Результаты: проведена оценка активности России в деятельности Совета, установлены корреляционные связи между интенсивностью участия России в проектах Совета и реализацией российской экологической политики в Арктике.

Выводы: с 2004 года Россия начала модернизировать политику в арктическом направлении и принимать активное участие в работе Совета. Пик активности приходится на 2004–2006 годы. С 2013 года Россия повторно активизировала свою деятельность в Совете. На данный момент количество делегатов от Российской Федерации соразмерно количеству представителей других стран. Страна является лидером по финансированию проектов Совета наряду с Канадой. Россия активно в рамках принятых на себя обязательств реализует политику по пяти основным направлениям в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктическом регионе. Защита уникальной природной среды Арктического региона является приоритетной задачей для всех арктических стран.

Ключевые слова: Арктический Совет; российская экологическая политика; региональное управление в Арктике; сотрудничество государств; сохранение природной среды; устойчивое развитие; участие в проектах

ВВЕДЕНИЕ

Арктический совет (Совет) – это ведущий межправительственный форум, который содействует сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, коренными общинами и остальными жителями Арктики в связи с общими арктическими вопросами, в частности, в связи с проблемами устойчивого развития и защиты окружающей среды в Арктике¹.

¹ *Арктический совет* [Электронный ресурс] // Арктический совет: офиц. сайт. URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 26.02.2019).

В условиях кризиса международных институтов формат Совета как форума представляется наиболее удачным и дает возможность открытого обсуждения и поиска решений общими усилиями, без конфронтации, на основе взаимоуважения и взаимопонимания.

Главными направлениями в работе этого органа являются устойчивое развитие региона и защита окружающей природной среды Арктики. Вместе с решением природоохранных задач в ряд приоритетных направлений деятельности Совета начинают входить вопросы социально-экономического развития.

Документом, который определил создание международного форума, его цели и направления деятельности, является Оттавская декларация об учреждении Арктического совета от 19 сентября 1996 года. В ней в качестве членов Арктического совета указаны следующие страны: Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция и Соединенные Штаты². Также в состав форума входят шесть организаций коренных жителей Севера, представляющих 659 000 человек из всех стран Совета, за исключением Исландии. Все они имеют статус постоянных участников. Кроме этого, в декларации упоминается такая категория, как наблюдатели Арктического совета, статус которых могут получить неарктические государства, универсальные и региональные межправительственные, межпарламентские организации, неправительственные организации, которые по решению Совета способны внести положительный вклад в его работу³.

Основные проекты Совета связаны с проведением исследований по вопросам экологической безопасности, безопасности окружающей природной среды и человека. По результатам исследований Совет дает определенные рекомендации для государств.

Предметом исследования является участие Российской Федерации в деятельности Совета, а также направления взаимодействия России с этим институтом.

Основная цель работы состоит в оценке активности России в деятельности Арктического совета и интенсивности взаимодействия с ним, установлении корреляционных связей между участием России в работе Совета и реализацией экологической политики в Арктической зоне.

Для достижения цели анализируются документы Арктического совета: отчеты старших должностных лиц, полные списки членов делегаций, протоколы встреч. На их основании выделяются критерии, по которым можно оценить активность России в работе Совета:

1. Количество делегатов, направленных Россией для участия в заседаниях Совета, что демонстрирует уровень взаимодействия России с институтом. Основными источниками информации по этому показателю являются полные списки членов делегаций, публикуемые секретариатом Совета.

² Декларация об учреждении Арктического совета от 19.09.1996 года [Электронный ресурс]: принята представителями Арктических государств в Оттаве 19.09.1996 г. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/> (дата обращения: 26.02.2019).

³ Там же.

2. Количество проектов, финансируемых Россией, по сравнению с другими членами Совета, что указывает на уровень поддержки института со стороны государства. Основными источниками в этом ключе стали отчеты старших должностных лиц, которые Совет публикует каждые два года.

3. Количество проектов, которые инициировала Россия и/или в которых наша страна является председателем (сопредседателем), что показывает уровень активности в работе Совета. Основными источниками являются отчеты старших должностных лиц.

4. Количество комментариев, сделанных представителями России на заседаниях Совета. Источником сведений по этому показателю стали протоколы встреч.

Результаты исследования могут быть использованы в других научных разработках, а также для организации работы и формирования политики Комитета по делам Арктики, учрежденного в начале 2018 года в Санкт-Петербурге.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой исследования является неореализм, который позволяет рассматривать государства в роли главных действующих лиц на международной арене, а также системный подход и анализ документов.

Так, проанализированы полные списки членов делегаций, опубликованные с 1998 по 2017 год; отчеты старших должностных лиц и протоколы встреч за 1998–2017 годы. Исходя из полученных данных, сделаны выводы о повышении и/или спаде активности нашей страны в деятельности Арктического совета, в том числе оценивается уровень финансирования проектов Совета Россией. В последующем с помощью системного подхода устанавливается корреляция между внутрисоветской арктической политикой Российской Федерации и ее деятельностью в работе Совета путем анализа национальных документов России в сфере устойчивого социально-экономического развития в Арктической зоне и проводимыми в этой области мероприятиями.

Исследования по теме проводили как российские, так и иностранные ученые. Среди них можно выделить Э. Чейтера и его статью «Участие России в работе Арктического совета» (Chater, 2016, с. 205–223), Дж. Мейна – «If spring comes tomorrow...Russia and the Arctic» (Main, 2015, с. 35), А. В. Загорского – «Россия и США в Арктике» (Загорский, 2016, с. 24), А. Г. Сахарова – «Развитие Арктического совета как «института регионального управления»» (Сахаров, 2015, с. 72–92), В. П. Журавеля – «Что привнесут в своё председательство в Арктическом Совете Соединённые Штаты Америки» (Журавель, 2015, с. 5–16), «Актуальные проблемы экологической безопасности в Арктике» (Журавель, 2017а, с. 48–53), «Арктический совет: переход председательства от США к Финляндии, дальнейшее укрепление российско-финляндского сотрудничества» (Журавель, 2017б, с. 24–35), «Россия и азиатские страны Арктического совета: проблемы взаимодействия» (Журавель, 2017с, с. 179–

190), а также С. А. Липину и В. П. Журавеля с их совместной статьей – «Политика России и европейских государств в Арктике» (Липина и Журавель, 2016, с. 10–15).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Количество делегатов, направленных арктическими странами для участия в заседаниях Совета

Количество представителей России на заседаниях Совета в первые годы его работы сопоставимо с количеством делегатов из Северных европейских государств, но их численность намного меньше представителей США и Канады. Начиная с 2007 года, численность делегации России уже соразмерна с аналогичным показателем Канады и США, но все же уступает Норвегии. Это напрямую коррелирует с утверждением официального направления развития Арктического региона Российской Федерации и принятием в 2008 году Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу.

В период с 2014 по начало 2017 года количество представителей нашей страны снизилось до одного, что связано с характером внешнеполитического курса России и геополитической обстановкой в целом. Охлаждение взаимоотношений России с западными странами спровоцировало сокращение численности делегатов нашей страны в работе Совета. Безусловно, это свидетельствует о зависимости региональной политики, в том числе политики, проводимой в Арктическом регионе арктическими странами, от геополитики.

В 2017 году Российская Федерация постаралась реабилитироваться; на 2017 год количество представителей России в Совете сопоставимо с количеством делегатов из других стран – членов Арктического совета. В 2018 году наблюдается общее сокращение количества представленных всеми государствами делегатов. Россия направила лишь двух представителей, что связано с усилением напряженности на международной арене (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Количество делегатов, направленных арктическими странами для участия в заседаниях Совета / The number of delegates from the Arctic countries to participate in the Council's meetings

Год	Страна, чел.							
	Россия	Норвегия	США	Канада	Финляндия	Дания	Швеция	Исландия
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
1998	6	10	7	16	9	9	5	4
1999	3	6	43	19	3	7	2	2
2000	5	7	33	23	6	8	2	1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2001	5	9	12	15	17	8	4	4
2002	3	6	19	16	14	6	3	3
2003	2	8	13	18	6	4	3	5
2004	5	11	13	17	3	5	3	4
2005	–	6	7	9	5	2	3	1
2006	–	24	17	11	14	12	12	5
2007	8	21	14	16	5	8	5	1
2008	7	15	10	8	2	4	4	1
2009	5	5	5	3	1	10	6	1
2010	6	18	9	10	3	10	3	2
март 2011	10	24	12	13	5	11	9	3
ноябрь 2011	5	9	6	11	5	5	16	2
2012	6	9	10	10	5	8	9	2
2013	3	3	4	8	3	6	4	3
2014	1	5	4	12	3	5	3	2
2015	1	4	10	7	2	4	3	2
март 2016	1	5	10	8	3	8	7	3
октябрь 2016	1	7	7	9	7	6	6	3
март 2017	1	5	9	8	4	7	4	4
май 2017	12	12	12	10	12	12	10	7
март 2018	2	6	6	5	7	4	3	4
ноябрь 2018	2	5	6	7	7	4	4	4

Источник: составлено автором по данным официального сайта Арктического совета⁴

Количество проектов, финансируемых странами Совета

За все время работы Совета очевидно практически равное участие всех его членов в финансировании проектов. При этом в определенные периоды времени финансировалось большее количество проектов всеми странами, а в другие временные промежутки – меньшее (табл. 2).

⁴ Arctic Council: official site [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 26.02.2019).

**Количество проектов, финансируемых странами Совета /
The number of projects funded by the Council member countries**

Год	Страна, ед.							
	Россия	Норвегия	США	Канада	Финляндия	Дания	Швеция	Исландия
1996–1998	2	3	3	2	4	2	2	5
1998–2000	4	6	4	6	5	5	4	4
2000–2002	0	2	2	2	2	4	1	1
2002–2004	1	2	2	3	2	2	1	3
2004–2006	6	3	2	3	3	2	2	3
2006–2009	0	0	0	1	0	0	0	0
2009–2011	4	3	3	3	2	2	3	2
2011–2013	1	1	1	1	2	0	3	1
2013–2015	1	1	1	0	1	0	1	1
2015–2017	6	4	3	4	3	3	4	3
2018–2019	отсутствуют данные							
Всего	25	24	21	25	24	20	21	23

Источник: составлено автором по данным официального сайта Арктического совета⁵

В отчетах старших должностных лиц Арктического совета не содержится конкретных данных по финансированию тех или иных проектов арктическими государствами. Так, известно лишь, что в 1996–1998 годах Финляндия выделила 30 тыс. долл. США, а Исландия – 220 тыс. долл. Россия в эти годы направляла денежные средства на проекты, разрабатываемые рабочей группой по предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации (далее – ЕППР)⁶.

⁵ Arctic Council: official site [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 26.02.2019).

⁶ Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers. Iqaluit, Canada [Электронный ресурс]. 1998. 17–18 Sept. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2050/IQALUIT_1998_SAO_Report_to_Ministers.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

В 1999–2000 годах Норвегией финансировалась деятельность Секретариата коренных народов Севера (далее – СКНС) в размере 100 тыс. долл. Все деньги пошли на реализацию мероприятий для улучшения условий коренных народов Севера Российской Федерации. Канада в 1999–2000 годах выделила 50 тыс. долл. на осуществление деятельности Секретариата коренных народов Севера. Финляндия ежегодно, начиная с 1999 года, вносит свой вклад в размере 20 тыс. долл. на развитие и осуществление проектов в рамках работы ЕППР. Дания направила 782,5 тыс. долл. и 800 тыс. долл. в 1999 и 2000 годах соответственно на развитие деятельности СКНС. Исландия финансировала развитие деятельности в рамках рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны (далее – КАФФ) в размере 135 тыс. долл. и рабочей группы по сохранению арктической морской среды (далее – ПАМЕ) в размере 75 тыс. долл. Россия выделила деньги на финансирование мероприятий, проводимых рабочей группой по устойчивому развитию (далее – СДВГ), КАФФ, ЕППР и ПАМЕ⁷.

В 2001–2002 годах Россия не профинансировала ни один проект в рамках деятельности рабочих групп Совета. Другие арктические государства в этот период также финансировали мероприятия Арктического совета в минимальном объеме. Преуспели в этом направлении только Финляндия и Дания⁸.

В 2003–2004 годах все приарктические страны внесли свой вклад в развитие проекта «Стойкие токсичные вещества, продовольственная безопасность и коренные народы Российского Севера», реализуемый в рамках Программы арктического мониторинга и оценки (АМАП). Россия приняла участие финансово-экономического характера лишь в самом проекте АМАП⁹.

В 2005–2006 годах Россия, возглавлявшая в это время Совет, внесла максимальный вклад в финансирование проектов рабочих групп. Деньги были направлены на осуществление мероприятий, реализуемых в рамках АМАП, СДВГ, КАФФ, рабочей группы по борьбе с загрязнениями Арктики (далее – АКАП). Кроме того, в эти годы Россией были проведены многочисленные международные мероприятия, посвященные защите и сохранению природной среды Арктики¹⁰.

В Отчете старших должностных лиц Арктического совета 2009 года вклад той или иной арктической страны в работу групп Совета отражен

⁷ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Barrow, Alaska, USA [Электронный ресурс]. 2000. 12 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1551/ACMM02_Barrow_2000_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

⁸ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Inari, Finland [Электронный ресурс]. 2002. 9–10 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1552/ACMM03_Inari_2002_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

⁹ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers at the Fourth Arctic Council Ministerial Meeting*. Reykjavik, Iceland [Электронный ресурс]. 2004. 24 Nov. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1553/ACMM04_Reykjavik_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

¹⁰ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers at the Fifth Arctic Council Ministerial Meeting*. Salekhard, Russian Federation [Электронный ресурс]. 2006. 26 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1554/ACMM05_Salekhard_2006_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

по минимуму. Упоминается лишь Канада, которая финансировала мероприятия в рамках Международного Полярного года (далее – МПГ)¹¹.

С 2011 года наша страна вносит значительный вклад в финансирование Института поддержки проектов Арктического совета (далее – ИПП АС). Так, в 2011 году Россией было выделено 10 млн евро на развитие и деятельность этого института (Сахаров, 2015, с. 83). Связано это с тем, что большую часть средств ИПП АС тратит на реализацию экологических проектов на территории Арктической зоны Российской Федерации. В связи с этим выделенные Россией деньги возвращаются обратно на проведение экологических мероприятий в российской Арктике. При этом имидж России среди арктических стран повышается.

Кроме того, Россия направила немалые бюджетные средства на реализацию проектов АКАП, на проведение мероприятий в рамках Международного Полярного десятилетия, а также сделала вклад в Административный бюджет Арктического совета. США также направили 1 млн долл. на деятельность ИПП АС¹².

В 2012–2013 годах денежные средства на развитие и реализацию проектов в рамках Института поддержки проектов Арктического совета внесли Россия, Норвегия, Финляндия, Швеция и Исландия. США выделили 1 млн долл. на мероприятия АКАП¹³. В бюджет секретариата Арктического совета в 2013 году всеми странами-участницами были внесены немалые суммы денежных средств в размере около 330 тыс. долл.¹⁴

В 2014–2015 годах работа АКАП осуществлялась при поддержке Института поддержки проектов Арктического совета. В этот период вложения в развитие Института произвели Россия, Норвегия, США, Финляндия, Швеция и Исландия¹⁵.

В 2016–2017 годах наша страна вновь профинансировала большее количество проектов по сравнению с другими арктическими странами. Деньги были выделены на проекты, реализуемые в рамках работы АКАП (направлены на смягчение выбросов черного углерода и метана из попутного нефтяного газа в Арктической зоне Российской Федерации и прочие подобные инициативы), ЕППР и КАФФ. Другие арктические государства также в эти годы финансировали проекты в аналогичном направлении¹⁶.

¹¹ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Tromsø, Norway [Электронный ресурс]. 2009. 29 April. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1555/ACMM06_Tromsøe_2009_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

¹² *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Nuuk, Greenland [Электронный ресурс]. 2011. 12 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1535/SAO_Report_to_Ministers_-_Nuuk_Ministerial_Meeting_May_2011.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

¹³ *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Kiruna, Sweden [Электронный ресурс]. 2013. 15 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/848/MM08_Kiruna_SAO_Report_to_Ministers_Final_formatted.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Iqaluit, Canada [Электронный ресурс]. 2015. 24 April. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/494/ACMMCA09_Iqaluit_2015_Iqaluit_SAO_Report_to_Ministers_formatted_v.pdf.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

¹⁶ *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Fairbanks, USA [Электронный ресурс]. 2017. 11 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1909/MMUS10_2017_FAIRBANKS_SAO-Report-to-Ministers_13138_v1.pdf?sequence=9&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

Данные за 2018 год, к сожалению, отсутствуют, поскольку выход очередного отчета старших должностных лиц Арктического совета, публикуемый раз в 2 года, состоится в конце 2019 года. Тем не менее, запланировано, что вклад арктических стран в бюджет секретариата Арктического совета на 2018 и 2019 годы должен быть для всех одинаковым. Его размер в 2018 году составил 119 012 долл. В 2019 году ожидается увеличение финансирования до 119 266 долл. (Main, 2015, с. 35).

Таким образом, первое место по финансированию проектов Совета занимают Россия и Канада, незначительно уступают им Норвегия и Финляндия. За все время работы Совета все приарктические государства внесли тот или иной вклад в реализацию проектов, проводимых рабочими группами Совета. Также следует принять во внимание то обстоятельство, что с 2011 года Российская Федерация является основным донором Института поддержки проектов Арктического совета, поскольку стремится получить статус главного политического игрока в Арктическом регионе и заинтересована в его развитии на международной арене.

Количество проектов, инициированных Россией

Максимальную активность в развитии проектов Россия проявила в 2004–2006 годах. В эти годы она являлась председательствующей страной в Совете. Можно предположить, что в 2021–2023 годах наша страна вновь проявит повышенную активность в процессе разработки и реализации новых проектов в рамках Арктического совета, поскольку ожидается, что Россия в эти годы вновь будет председательствовать в Совете. С 2009 года Россия планировала и планирует на ближайшие 2 года своей деятельности в Совете реализовать все большее количество проектов, несмотря на неблагоприятную геополитическую обстановку (табл. 3). Именно с этого времени в России принимаются основополагающие документы и утверждается твердый курс по развитию Арктики.

Таблица 3 / Table 3

Количество проектов, инициированных Россией /
The number of projects initiated by Russia

Годы	Проекты, ед.	Количество проектов в планах на реализацию на ближайшие два года (ед.)
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1996–1998	1	–
1998–2000	3	3
2000–2002	7	4
2002–2004	11	6
2004–2006	23	4
2006–2009	3	5
2009–2011	6	14

1	2	3
2011–2013	6	26
2013–2015	8	18
2015–2017	4	24
2018–2019	Отсутствуют данные	

*Источник: составлено автором по данным официального сайта Арктического совета*¹⁷

В первые годы создания Совета Россия уделяла внимание проектам, которые в большей степени могли принести выгоду именно ей, чем всему арктическому сообществу. При этом другие арктические государства и сам Совет финансировали проекты, которые приносили пользу всем приарктическим странам, в частности в борьбе с изменением климата и его негативными последствиями. Проекты, в которых наша страна председательствовала и которые финансировала, были реализованы лишь на территории России и фокусировались на защите биоразнообразия, борьбе с распространением загрязняющих веществ, а также на предупреждении чрезвычайных ситуаций. Исключением являлась инициатива России возглавить рабочую группу по сохранению арктической флоры и фауны¹⁸.

При этом Россия получала финансирование от других членов Совета для реализации природоохранных проектов на ее территории. Так, например, Норвегия предоставила средства в рамках «региональной программы действий» по биоразнообразию (Чейтер, 2016, с. 205). ПАМЕ профинансировала разработку и осуществление Российской программы действий по охране морской среды Арктики от загрязнения от наземных источников (программа «НРА – Арктика») (Журавель, 2017, с. 51). Можно и далее продолжать список подобных проектов, но мы не увидим в отчете ни одного проекта, на который Россия потратила бюджетные ресурсы и свои усилия и который осуществлялся бы за пределами Арктической зоны Российской Федерации. Таким образом, в этот период Россия сосредоточилась на осуществлении небольшого числа проектов, реализуемых лишь на территории нашей страны. Россия не была готова вкладываться в иные проекты, поскольку государственный курс

¹⁷ *Arctic Council: official site* [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 26.02.2019).

¹⁸ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers. Iqaluit, Canada* [Электронный ресурс]. 1998. 17–18 Sept. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2050/IQALUIT_1998_SAO_Report_to_Ministers.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers. Barrow, Alaska, USA* [Электронный ресурс]. 2000. 12 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1551/ACMM02_Barrow_2000_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers. Inari, Finland* [Электронный ресурс]. 2002. 9–10 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1552/ACMM03_Inari_2002_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers at the Fourth Arctic Council Ministerial Meeting. Reykjavik, Iceland* [Электронный ресурс]. 2004. 24 Nov. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1553/ACMM04_Reykjavik_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

по развитию Арктики еще не сформировался, следовало сфокусироваться на решении своих внутренних проблем.

С 2004 года деятельность России в Арктике стала носить в большей степени международный характер, но все же еще отставала по этому показателю от других государств-членов Совета. Россия выступила соавтором «Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике», первого юридически обязывающего документа. Но проекты России в большей степени акцентировали внимание на решении внутренних вопросов, чем проекты других членов Совета.

Связано это с тем обстоятельством, что Россия аналогично Канаде и Дании имеет наибольшую протяженность береговой линии. Поэтому упор делается на укреплении национального суверенитета и решении внутренних проблем, в том числе посредством заключения договоров и соглашений.

Наша страна в это время чаще выделяла финансирование на проекты, направленные на решение экономических проблем, чем экологических. Среди них проекты по развитию возможностей поиска, спасения и оптимизации энергетического потенциала в регионе, системам безопасности в Арктике, проект «Развитие систем предотвращения несчастных случаев и безопасности в экономических и инфраструктурных проектах в Арктике» (Липина и Журавель, 2016, с. 12). В этот период устанавливается тесное сотрудничество АМАП с нашей страной с целью создать совместные проекты на Севере России, в том числе по изменению климата, реабилитации загрязненных территорий Земли Франца-Иосифа и др.¹⁹ Но таких проектов насчитывалось не так много, и наша страна не в полной мере была ими заинтересована. В то же время все проекты Дании, Исландии и Швеции были направлены на решение экологических проблем и содействие устойчивому развитию (Чейтер, 2016, с. 2018). Таким образом, активность России в рамках Арктического совета с 2004 года имела большую международную направленность, чем в ранний период, но в большей степени ориентировалась на решение внутренних экономических проблем, чем проекты других стран Совета, что связано с необходимостью ускорения социально-экономического развития отсталого на тот момент Арктического региона Российской Федерации.

Начиная с 2009 года, Россия постепенно расширяет свое участие в деятельности Совета, значительно увеличивая численность инициатив. При этом большинство проектов являются региональными, т. е. направленными на решение проблем всего Арктического региона, а не только Арктической зоны нашей страны. Например, Россия совместно с Норвегией и США стала инициатором и спонсором проекта по тяжелому мазуту в Арктике²⁰.

¹⁹ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers at the Fifth Arctic Council Ministerial Meeting*. Salekhard, Russian Federation [Электронный ресурс]. 2006. 26 Oct. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1554/ACMM05_Salekhard_2006_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Tromsø, Norway [Электронный ресурс]. 2009. 29 April. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1555/ACMM06_Tromsøe_2009_SAO_Report_to_Ministers_En.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

²⁰ *Report of Senior Arctic Officials to Arctic Council Ministers*. Nuuk, Greenland [Электронный ресурс]. 2011. 12 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1535/SAO_Report_to_Ministers_-_Nuuk_Ministerial_Meeting_May_2011.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата

Россия в этот период начинает финансировать не столько проекты экономической направленности, сколько проекты по обеспечению экологической безопасности. Наша страна является инициатором проекта «Биоразнообразие, традиционное природопользование и изменение климата в российской Арктике: разработка стратегии оценки и адаптации» в рамках КАФФ (Aksnes et al., 2016). Также совместно с Канадой Россия стала сопредседателем проекта по разработке и проведению адаптационных мероприятий в связи с продолжающимися изменениями климата во всем Арктическом регионе²¹. Такие действия связаны с утверждением официального курса России по развитию Арктического региона, в который входят мероприятия, связанные с обеспечением экологической безопасности в Арктике.

С 2011 года и даже в трудный период охлаждения отношений с западными странами Россия выступает соавтором многих проектов с США, Канадой, Норвегией и Финляндией. Например, Россия и Финляндия реализуют совместный проект по демонстрации экологически безопасного уничтожения устаревших пестицидов (Журавель, 2017, с. 24–35). Совместно с Норвегией, Швецией и США Россия является инициатором проектов, связанных с сокращением диоксинов, фуранов и содержания ртути (Загорский, 2016, с. 24; Журавель, 2015, с. 10). С этого времени нашим государством уделяется больше внимание экологической составляющей, так как мероприятия по экономическому развитию региона уже вошли в активную стадию.

Таким образом, несмотря на охлаждение отношений с западными странами, Россия с 2013 года вносит значительный вклад в работу Арктического совета как в плане разработки и реализации проектов, так и в отношении финансирования проектов экологической направленности.

Количество комментариев, сделанных представителями России на заседаниях Совета

Значительное количество комментариев сделано Россией в первые годы работы Совета в 1999–2001 и 2004–2005 годах, что связано с председательством Российской Федерации в Совете, и в 2008–2010 годах в период обсуждения «Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спа-

обращения: 26.02.2019); *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Kiruna, Sweden [Электронный ресурс]. 2013. 15 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/848/MM08_Kiruna_SAO_Report_to_Ministers_Final_formatted.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Iqaluit, Canada [Электронный ресурс]. 2015. 24 April. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/494/ACMMSA09_Iqaluit_2015_Iqaluit_SAO_Report_to_Ministers_formatted_v.pdf.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019); *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Fairbanks, USA [Электронный ресурс]. 2017. 11 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1909/MMUS10_2017_FAIRBANKS_SAO-Report-to-Ministers_13138_v1.pdf?sequence=9&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

²¹ *Senior Arctic Officials' Report to Ministers*. Fairbanks, USA [Электронный ресурс]. 2017. 11 May. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1909/MMUS10_2017_FAIRBANKS_SAO-Report-to-Ministers_13138_v1.pdf?sequence=9&isAllowed=y (дата обращения: 26.02.2019).

сении в Арктике». В период охлаждения отношений с западными странами Россия сократила количество выступлений на заседаниях Совета.

В то же время с 2017 года наблюдается тенденция увеличения количества комментариев и проявления большей активности России на заседаниях (табл. 4). Это свидетельствует о том, что Россия, несмотря на длительную напряженную обстановку в мире и санкции западных государств, не собирается терять лидирующие позиции в Арктическом регионе, судя по характеру проводимой внутренней политики России в Арктике.

Таблица 4 / Table 4

**Количество комментариев, сделанных представителями России на заседаниях Совета /
The number of comments made by the representatives of the Russian Federation in Council
meetings**

Год	Количество комментариев, ед.
1998	0
1999	11
2000	35
2001	10
2002	6
2003	3
2004	16
2005	12
2006	9
2007	8
2008	10
2009	8
2010	12
2011	7
2012	5
2013	4
2014	3
2015	4
2016	7
2017	9
2018	7

Источник: составлено автором по данным официального сайта Арктического совета²²

²² Arctic Council: official site [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org> (дата обращения: 26.02.2019).

Корреляционные связи между арктической политикой России и ее деятельностью в работе Совета

Активизация деятельности России в работе Совета начинается в период председательства в 2004–2006 годах, очередной пик приходится на 2008–2009 годы.

В связи с этим представляется рациональным исследовать внутреннюю политику нашей страны в Арктическом регионе Российской Федерации и тем самым установить ее корреляционные связи с периодами активности России в деятельности Совета.

В 2008 году при президентстве Д. А. Медведева принимается основополагающий документ, который дал начало ряду нормативных актов, связанных с устойчивым развитием Арктической зоны Российской Федерации, – «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 года). С этого момента утверждаются другие документы, регулирующие отношения в сфере развития Арктического региона России. К ним относятся «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» 2013 года; государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» 2014 года и ряд других.

По факту разработка документов началась с 2004 года, во второй срок президентства В. В. Путина в связи с активизацией деятельности в Арктике как арктических государств, так и международных организаций и неарктических стран в начале 2000-х годов. Так, в 2002 году пять стран Северной Европы учредили под эгидой Совета министров Северных стран «Программу арктического сотрудничества» (Коньшев и Сергунин, 2011, с. 113). В 2005 году Норвегия приняла программу «Баренц-2000», в декабре 2006 года – «Стратегию правительства Норвегии на Крайнем Севере» (Коньшев и Сергунин, 2011, с. 86). В 2006 году Норвегия подала заявку в Комиссию ООН на расширение своего участка шельфа. В 2009 году заявка была одобрена, Норвегия стала первой арктической страной, расширившей свою юрисдикцию в значительной части Арктики (Коньшев и Сергунин, 2011, с. 47; Россия в Арктике..., 2015). В 2007 году США запустили пересмотр своей арктической стратегии и подготовили доклад об оценке американских интересов в Арктике и деятельности международных институтов, таких, как Арктический совет (Коньшев и Сергунин, 2011, с. 65). В 2008 году Евросоюз, Дания и Россия приняли арктические стратегии. В 2010 году свою Арктическую стратегию утвердила Финляндия (Коньшев и Сергунин, 2011, с. 102; Комлева, 2011).

С этого момента можно говорить об активизации сотрудничества между странами в рамках устойчивого развития Арктики и сохранения ее природной среды.

Арктические страны заинтересованы, чтобы Арктика оставалась зоной мира и сотрудничества. В связи с этим им необходимо совместными усилиями противостоять экологическим проблемам и продолжающемуся изменению климата в этом регионе планеты (Heininen, 2013). Поэтому все арктические

государства в рамках программ Арктического совета пытаются ликвидировать накопленный экологический ущерб, реализуя проекты по экологически безопасному уничтожению устаревших пестицидов, по охране морской среды Арктики от загрязнения от наземных источников и ряд других (Chater, 2015).

Россия, в свою очередь, также активно в рамках принятых на себя обязательств реализует политику в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктическом регионе Российской Федерации. В настоящее время можно выделить пять основных направлений по которым действительно проводятся работы. К ним следует отнести:

- ликвидацию накопленного ущерба и минимизацию ущерба от текущей хозяйственной деятельности в регионе;
- создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ);
- предотвращение аварий и чрезвычайных ситуаций в Арктике;
- предупреждение опасных гидрометеорологических и геофизических явлений;
- адаптация к изменениям климата и международное сотрудничество.

Так, начиная с 2011 года, реализуются пилотные проекты по ликвидации накопленного экологического ущерба на территории Арктической зоны Российской Федерации. С 2012 года работы выполняются на островах Земли Франца-Иосифа. По итогам работ достигнуто сокращение объемов загрязнения более чем на 35 тыс. тонн (Соколов, 2013). В 2013 году были выполнены работы в районе мыса Желания, острова Северного архипелага Новая Земля по ликвидации накопленного экологического ущерба на загрязнённых территориях. В результате проводимых мероприятий объемы загрязнения сократились более чем на 6 тыс. тонн²³. В 2016 году проведены мероприятия по экологической очистке Арктики в районе аэродрома Алыкель, на архипелаге Новая Земля, островах Котельный и Врангеля. Всего очищено 165 га территории, вывезено 6500 тонн металлолома²⁴. На 2019 год запланированы работы по ликвидации хвостохранилища Куларской золотоизвлекающей фабрики Усть-Янского улуса. В результате должны быть обеспечены экологическая безопасность хвостохранилища и рекультивация земель на площади 12,3 га²⁵.

²³ *О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2015 год) и аналитический обзор (2010–2015) / Под общ. ред. Г. В. Иванова. М., 2016. 597 с. [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федерального собрания Рос. Фед. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ZPgcqZSoCG4z2mfaDtiveIRriz27Ahif.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).*

²⁴ *О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2016 год) / Под общ. ред. Г. В. Иванова. М., 2017. 336 с. [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федерального собрания Рос. Фед. URL: <http://council.gov.ru/media/files/LNcZOCmkeNVmLSGx5rFAfaheQlmpDyIR.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).*

²⁵ *Ликвидация объектов накопленного вреда на территории Арктической зоны: доклад директора ФГБУ «ВНИИ Экология» С. Г. Фокина [Электронный ресурс]. URL: http://vniiecolology.ru/images/documents/doklad_SGFokina_01.03.2017%D0%A2.pdf (дата обращения: 24.02.2019).*

Важным направлением деятельности является создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Ведется работа по расширению территории национального парка «Русская Арктика» за счет островов и акватории государственного природного заказника федерального значения «Земля Франца-Иосифа» (Павленко, 2013, с. 10). Создано два природных парка – «Полуострова Рыбачий и Средний» (Мурманская область) и «Полярно-Уральский» (Ямало-Ненецкий АО) – общей площадью 329,9 тыс. га и два государственных природных заказника регионального значения – «Кайта» (Мурманская область) и «Озеро Эльгыгытгын» (Чукотский АО) – общей площадью 284,4 тыс. га²⁶.

Помимо этого, Министерством чрезвычайных ситуаций (МЧС) России регулярно реализуются меры по предотвращению аварий и других чрезвычайных ситуаций в Арктическом регионе. Предпринимаются действия по повышению технологической безопасности производственных процессов, обновлению производственных фондов, надежности оборудования, совершенствованию систем технологического контроля и диагностики, разрабатываются специальные программы, отрабатываются практические действия по ликвидации чрезвычайных ситуаций. В последние годы МЧС России ведет работы по созданию межрегиональной системы мониторинга и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике²⁷.

России крайне необходимо решать задачи, связанные с обеспечением своевременного предупреждения опасных гидрометеорологических и геофизических явлений, поскольку с каждым годом их число увеличивается. Для получения полных и достоверных данных об изменениях климата в Арктике Росгидрометом совместно с другими министерствами и научными учреждениями как России, так и других приарктических государств регулярно проводятся морские научно-исследовательские экспедиции²⁸.

Важным элементом успешной работы в сфере обеспечения экологической безопасности и защиты окружающей природной среды является международное сотрудничество, которое в нашей стране активно развивается как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Совместно с США, Норвегией и Великобританией реализуются проекты по вопросам окружающей среды в Арктике, направленные на обеспечение радиологической безопасности при обращении с отработавшим ядерным топливом и радио-

²⁶ На направлении арктического развития [Электронный ресурс] // Морские вести России: офиц. сайт. 2016. URL: <http://morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=58571> (дата обращения: 26.02.2019).

²⁷ О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2016 год) / Под общ. ред. Г. В. Иванова. М., 2017. 336 с. [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федерального собрания Рос. Фед. URL: <http://council.gov.ru/media/files/LNcZOCmkeNVmLSGx5rFAfaheQlmpDYIR.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

²⁸ Доклад о реализации утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 №2189-р Плана основных мероприятий по проведению в 2013 году в Российской Федерации Года охраны окружающей среды [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://194.87.255.243/regulatory/detail.php?ID=134104> (дата обращения: 26.02.2019).

активными отходами, которые образуются при утилизации атомных подводных лодок (Коваль, 2016, с. 21; Копичникова и Ткачевский, 2013; Bennett, 2013; O'Rourke et al., 2019). Россией, Финляндией и Норвегией осуществлен трехлетний проект по контролю и исследованию рисков в сфере радиационной безопасности в Евроарктическом регионе (Коновалов, 2013). В 2003 году Россией, Данией, Норвегией, США, Финляндией, Швецией, Бельгией, Великобританией, Германией, Нидерландами, Францией, Евросоюзом и Евратомом подписано рамочное «Соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации». Документ содержит правовые рамки для сотрудничества в сфере утилизации атомных подводных лодок и атомных ледоколов и безопасного обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами на Северо-Западе России (Наумов и др., 2012; Лагутина, 2016).

В 2015 году между Минатомом России и Минэкономики Германии подписано соглашение о реализации совместного проекта по созданию в губе Сайда комплекса по формированию одноотсечных реакторных блоков, утилизированных атомных подводных лодок, их транспортировке и длительному хранению (Коваль, 2016, с. 21; Ежов, 2016).

Таким образом, проблемы Арктики имеют комплексный характер. Представители мирового сообщества понимают, что отвечать на существующие в регионе экологические и климатические вызовы, а также претворять в жизнь отдельные национальные интересы в Арктике легче совместными усилиями, так как в одиночку обеспечить сохранение природных богатств Арктического региона не способно ни одно государство. На сегодняшний день проблематика экологической безопасности и защиты уникальной природной среды Арктического региона является приоритетным направлением для любого приарктического государства. Поэтому так важно и необходимо налаживать активный и продуктивный диалог между всеми странами не только арктического региона, но и мирового сообщества в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования констатируем следующие результаты:

1. С 2000-х годов внимание Российской Федерации к Арктическому региону повышается. В связи с этим с 2004 года Россия начала развивать и совершенствовать арктическую политику и активно участвовать в деятельности Арктического совета.

2. В настоящее время количество представителей от России, принимающих участие в заседаниях Совета, сопоставимо с количеством делегатов из других арктических государств.

3. За все время работы Совета наблюдается практически равное участие всех арктических стран в финансировании его проектов. В то же время в определенные промежутки времени финансировалось большее количество проектов всеми членами Совета, а в другие – меньшее. Лидирующие позиции по финансированию проектов Совета занимают Россия и Канада, чуть позади

них находятся Норвегия и Финляндия. С 2011 года наша страна – основной донор Института поддержки проектов Арктического совета.

4. Максимум активности России в деятельности Совета приходится на 2004–2006 годы. В этот период Россия председательствовала в Арктическом совете. С 2013 года Россия повторно начинает проявлять себя в роли активного игрока как в отношении разработки и реализации проектов, так и в направлении финансирования экологических проектов Арктического совета.

5. С 2017 года наблюдается увеличение количества комментариев, сделанных представителями России на заседаниях Совета, что демонстрирует повышение степени активности России в работе Совета.

6. С 2008–2009 годов осуществляется интенсивное сотрудничество между арктическими странами в контексте устойчивого развития Арктики и сохранения ее природной среды. Все арктические страны заинтересованы, чтобы Арктика оставалась зоной мира, стабильности и сотрудничества. Для этого они стараются противостоять экологическим проблемам в этом регионе планеты, в том числе путем реализации программ Арктического совета по ликвидации накопленного экологического ущерба.

7. Россия старается в рамках взятых международных обязательств активно осуществлять экологическую политику, в том числе в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктическом регионе Российской Федерации. В настоящее время работа ведется по пяти основным направлениям: ликвидация накопленного ущерба и минимизация ущерба от текущей хозяйственной деятельности в регионе; создание особо охраняемых природных территорий; предотвращение аварий и чрезвычайных ситуаций в Арктике; предупреждение опасных гидрометеорологических и геофизических явлений; адаптация к изменениям климата и международное сотрудничество.

8. Россия чувствует себя полноправным игроком в Арктическом регионе и на данный момент занимает лидирующие позиции по некоторым вопросам, старается развивать доверительные отношения с арктическими странами и продолжает сотрудничество в рамках Арктического совета, несмотря на отсутствие доверия в других сферах взаимодействия.

9. В настоящее время мировое сообщество осознало, что проблемы Арктики носят комплексный характер. В связи с этим бороться с существующими в регионе экологическими и климатическими вызовами и препятствовать новым, а также продвигать отдельные национальные интересы в Арктике легче совместными усилиями. Проблемы обеспечения экологической безопасности и защиты уникальной хрупкой природной среды Арктического региона выдвигаются на первый план для всех арктических государств. В связи с этим так важно налаживать конструктивный диалог не только между арктическими странами, но и всеми государствами мира.

Библиографический список

Ежов А. Р. Фактор «циркумполярной цивилизации» как угроза государственным интересам Российской Федерации в Арктическом регионе // Аналитический вестник Сов. Федерации Федер. собрания Рос. Федерации. О

мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в Арктической зоне. / Под ред. О. А. Кимлацкого, В. Ю. Кравченко, А. Р. Ежова, И. В. Макаренко. 2016. № 5 (604). С. 52–56 [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федер. Собрания Рос. Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmt52ENZLPFpiD3GTHrH0RadsB6bHT.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

Журавель В. П. Актуальные проблемы экологической безопасности в Арктике // Арктическое обозрение. 2017а. № 3. С. 48–53.

Журавель В. П. Арктический совет: переход председательства от США к Финляндии, дальнейшее укрепление российско-финляндского сотрудничества // Арктика и Север. 2017b. № 28. С. 24–35.

Журавель В. П. Россия и азиатские страны Арктического совета: проблемы взаимодействия // Арктика: история и современность: труды Второй междунар. науч. конференции, 19–20 апреля 2017 г. Ч. I. / Отв. ред. Н.И. Диденко. СПб.: Медианапир, 2017с. С. 179–190.

Журавель В. П. Что привнесут в своё председательство в Арктическом Совете Соединённые Штаты Америки // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 5–16.

Загорский А. В. Россия и США в Арктике. Рабочая тетрадь № 30/2016 / Под ред. И. С. Иванова. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2016. 24 с.

Коваль В. П. Продвижение национальных интересов России в Арктике в контексте международного сотрудничества // Аналитический вестник Сов. Федерации Федер. собрания Рос. Федерации. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в Арктической зоне / Под ред. О. А. Кимлацкого, В. Ю. Кравченко, А. Р. Ежова, И. В. Макаренко. 2016. № 5 (604). С. 10–25 [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федер. собрания Рос. Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmt52ENZLPFpiD3GTHrH0RadsB6bHT.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

Комлева Н. А. Арктическая стратегия приарктических государств: общее и особенное // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 19–25.

Коновалов А. М. Стратегическое планирование развития Арктической зоны Российской Федерации. Теория и практика морской деятельности. Вып. 23 / Под ред. Г. Г. Фетисова. М.: Совет по изуч. производит. сил М-ва эконом. развития Рос. Федерации, 2013. 503 с.

Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / Под ред. И. В. Прокофьева. М.: Рос. ин-т стратег. исследований, 2011. 194 с.

Копичникова А. П., Ткачевский Д. В. Приоритеты и методы повышения эффективности государственного управления в сфере региональной политики Российской Федерации (на примере освоения и развития Арктики) // Ученые записки российского государственного социального университета. 2013. Т. 1, № 4 (117). С. 93–99.

Лагутина М. Л. Влияние мирового политического кризиса на международное сотрудничество в Арктике // Аналитический вестник Сов. Федерации Федер. собрания Рос. Федерации. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в Арктической зоне / Под ред. О. А. Ким-

лацкого, В. Ю. Кравченко, А. Р. Ежова, И. В. Макаренко. 2016. № 5 (604). С. 26–35. [Электронный ресурс]: офиц. сайт Сов. Федерации Федер. собрания Рос. Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmt52ENZLFPiD3GTHrH0RadsV6bHT.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

Липина С. А., Журавель В. П. Политика России и европейских государств в Арктике // Арктические ведомости. 2016. № 3. С. 10–15.

Наумов В. В., Никулкина И. В., Толстякова В. И. Особенности социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях // Вестник экономической интеграции. 2012. № 6 (50). С. 82–94.

Павленко В. И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 16–25.

Сахаров А. Г. Развитие Арктического совета как «института регионального управления» // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10, № 4. С. 72–92.

Соколов Ю. И. Арктика: к проблеме накопленного экологического // Арктика: экология и экономика. 2013. № 2. С. 18–27.

Россия в Арктике. Вызовы и перспективы освоения / под ред. М. В. Ремизова. М.: Ин-т нац. стратегии; Книжный мир, 2015. 384 с.

Чейтер Э. Участие России в работе Арктического совета / Пер. А. Г. Сахарова // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11, № 4. С. 205–223.

Aksnes D., Osipov I., Moskaleva O., Kullerud L. Arctic Research Publication Trends: A Pilot Study. Rovaniemi: University of the Arctic, 2016. 59 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elsevier.com/__data/assets/pdf_file/0017/204353/Arctic-Research-Publication-Trends-August-2016.pdf (дата обращения: 08.01.2019).

Bennett M. Bounding Nature: Conservation and Sovereignty in the Canadian and Russian Arctic // Arctic Yearbook 2013. The Arctic of Regions & The Globalized Arctic / Ed. by L. Heininen. Akureyri: University of the Arctic, 2013. P. 85–106.

Chater A. Explaining the Evolution of the Arctic Council: D. Sc. Thesis. London, Ontario: The University of Western Ontario, 2015. 342 p.

Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. From Regional Transition to Global Change: Dualism in the Arctic // Arctic Yearbook 2013. The Arctic of Regions & The Globalized Arctic / Ed. by L. Heininen. Akureyri: University of the Arctic, 2013. P. 24–31

Main St. J. If spring comes tomorrow... Russia and the Arctic. Russian Series. London: Defense Academy of the United Kingdom, 2011. 67 p.

O'Rourke R., Comay L. B., Folger P., Frittelli J., Humphries M., Leggett J. A., Ramseur J. L., Sheikh P. A., Upton H. F. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2019. 126 p.

Информация об авторе

Ворончихина Дарья Николаевна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9

ORCID: 0000-0002-6674-0357

ResearcherID: B-3610-2019

Электронный адрес: daria-voronchikhina@mail.ru

Статья получена 1 февраля 2019 года

UDC 327.7

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329

THE ARCTIC COUNCIL AS AN INTERNATIONAL FORUM OF THE STATE COOPERATION: THE PARTICIPATION OF RUSSIA

Darya N. Voronchikhina

St. Petersburg State University, 7-9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

ORCID: 0000-0002-6674-0357

ResearcherID: B-3610-2019

E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

For citation:

Voronchikhina D. N. (2019), “The Arctic Council as an International Forum of the State Cooperation: the Participation of Russia”, *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 306–329, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-306-329.

Introduction. The article estimates the activity of Russia in the Arctic Council by highlighting the following criteria: the number of Russia’s delegates to participate in the Council meetings; the number of projects funded by Russia; the number of projects initiated by Russia; the number of comments made by Russia’s representatives at the Council meetings.

Aims. To assess Russia’s activity in the Council’s work, the intensity of Russia’s interaction with this institution, to identify correlations between Russia’s participation in the work of the Council and the implementation of environmental policy in the Arctic zone of the Russian Federation.

Methods. Neorealism, the systems approach and the documents analysis.

Results. The activity of Russia in the work of the Council was evaluated; correlations between the intensity of Russia’s participation in the Council’s projects and the implementation of the Russian environmental policy in the Arctic zone were established.

Conclusion. Russia started modernizing its policy in the Arctic region and taking an active part in the work of the Arctic Council in 2004, with the peak

of this activity being in 2004–2006. Since 2013 Russia has re-activated its activities in the Council. Now the number of delegates from Russia is proportionate to the number of other member countries representatives. The country is the leader in financing the Council's projects, along with Canada. Within the framework of its obligations, Russia is actively implementing the policy of ensuring environmental security in its Arctic region, the work being carried out in 5 main areas. In general, ensuring environmental security and protecting the unique natural environment of the Arctic region are priorities for all Arctic countries.

Keywords: The Arctic Council; Russia's ecology policy; Arctic governance; the state cooperation; environment preservation; sustainable development; projects participation

References

Ezhov, A. R. (2016), "The "Circumpolar Civilization" Factor as a Threat to the State Interests of the Russian Federation in the Arctic Region", *Analiticheskij vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii. O merah po obespecheniyu natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii v Arkticheskoy zone* [Analytic Bulletin of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. About Measures to Ensure the National Safety of the Russian Federation in the Arctic Zone], in Kimlatsky, O. A., Kravchenko, V. Yu., Ezhov, A. R. and Makarenkov, I. V. (ed.), no. 5, pp. 52–56 [Online], available at: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmt52ENZLPPfiD3GTHrH0RadsB6bHT.pdf> (Accessed 25 January 2019).

Zhuravel, V. P. (2017a), "Actual Problems of Ecological Safety in the Arctic Region", *Arctic Review*, no. 3, pp. 48–53.

Zhuravel, V. P. (2017b), "The Arctic Council: Transition of the Chairmanship from the US to Finland, Further Strengthening of Russian-Finnish Cooperation", *Arctic and North*, no. 28, pp. 24–35.

Zhuravel, V. P. (2017c), "Russia and the Asian States of the Arctic Council: Problems of Interaction", *Arktika: istoriya i sovremennost': trudy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Chast' I* [The Arctic: Past and Present: Proceedings of the Second International scientific conference. Part I], in Didenko, N. I. (ed.), Publishing House "Media papir", St. Petersburg, Russia, pp. 179–190.

Zhuravel, V. P. (2015), "What the USA will bring to its Chairmanship of the Arctic Council?", *Arctic and North*, no. 21, pp. 5–16.

Zagorsky, A. V. (2016), *Rossiya i SShA v Arktike. Rabochaya tetrad' № 30/2016* [Russia and the United States in the Arctic. Workbook no. 30/2016], in Ivanov, I. S. (ed.), The Russian Council of International Affairs, Moscow, Russia.

Koval, V. P. (2016), "Promotion of Russia's National Interests in the Arctic in the context of International Cooperation", *Analiticheskij vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii. O merah po obespecheniyu natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii v Arkticheskoy zone* [Analytic Bulletin of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. About Measures to Ensure the National Safety of the Russian Federation in the Arctic Zone],

in Kimlatsky, O. A., Kravchenko, V. Yu., Ezhov, A. R. and Makarenkov, I. V. (ed.), no. 5, pp. 10–25 [Online], available at: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmnt52ENZLFPiD3GTHrH0RadsB6bHT.pdf> (Accessed 25 January 2019).

Komleva, N. A. (2011), “Arctic Strategy of the Subarctic States: General and Especial”, *Arctic and North*, no. 2, pp. 19–25.

Konovalov, A. M. (2013), *Strategicheskoe planirovanie razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii. Teoriya i praktika morskoy deyatel'nosti. Vypusk 23* [Strategic Development Planning of the Arctic Zone of the Russian Federation. The Theory and Practice of Maritime Activities. Issue 23], in Fetisov, G. G. (ed.), *The Council for the Study of Production Forces of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, Moscow, Russia.

Konyshov, V. N. and Sergunin, A. A. (2011), *Arktika v mezhdunarodnoj politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [The Arctic in the International Politics: Cooperation or Rivalry?], in Prokof'ev, I. V. (ed.), *Russia's Institute for Strategic Studies*, Moscow, Russia.

Kopichnikova, A. P. and Tkachevsky, D. V. (2013), “Priorities and Methods of Improvement of the Public Administration Effectiveness in the field of Regional Policy of the Russian Federation (in terms of the Arctic development)”, *Scientific Notes of Russian State Social University*, vol. 1, no. 4, pp. 93–99.

Lagutina, M. L. (2016), “The Impact of the Global Political Crisis on International Cooperation in the Arctic”, *Analiticheskij vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii. O merah po obespecheniyu natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii v Arkticheskoy zone* [Analytic Bulletin of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. About Measures to Ensure the National Safety of the Russian Federation in the Arctic Zone], in Kimlatsky, O. A., Kravchenko, V. Yu., Ezhov, A. R. and Makarenkov, I. V. (ed.), no. 5, pp. 26–35 [Online], available at: <http://council.gov.ru/media/files/EMcmnt52ENZLFPiD3GTHrH0RadsB6bHT.pdf> (Accessed 25 January 2019).

Lipina, S. A. and Zhuravel, V. P. (2016), “Policy of Russia and European Countries in the Arctic”, *Arctic Herald*, no. 3, pp. 10–15.

Naumov, V. V. Nikulkina, I. V. and Tolstyakova, V. I. (2012), “Features of Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation in Modern Conditions”, *Vestnik ekonomicheskoy integratsii*, no. 6, pp. 82–94.

Pavlenko, V. I. (2013), “Arctic Zone of the Russian Federation in the System of National Interests of the Country”, *Arctic: Ecology and Economy*, no. 4, pp. 16–25.

Sakharov, A. G. (2015), “Arctic Council as a Regional Governance Institution”, *International Organizations Research Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 72–92.

Sokolov, Yu. I. (2013), “Arctic: Problem of the Accumulated Environmental Damage”, *Arctic: Ecology and Economy*, no. 2, pp. 18–27.

Remizov, M. V. (ed.) (2015), *Rossiya v Arktike. Vyzovy i perspektivy osvoeniya* [Russia in the Arctic. Challenges and Development Prospects], Institute for National Strategic Studies, Publishing House “Knizhnyi Mir”, Moscow, Russia.

Chater, A. (2016), “Explaining Russia's Relationship with the Arctic Council”, Translated by Saharov, A. G., *International Organizations Research Journal*, vol. 11, no. 4, pp. 205–223.

Aksnes, D., Osipov, I., Moskaleva, O. and Kullerud, L. (2016), *Arctic Research Publication Trends: A Pilot Study* [Online], available at: <https://www.elsevier.com>

com/___data/assets/pdf_file/0017/204353/Arctic-Research-Publication-Trends-August-2016.pdf (Accessed 08 January 2019).

Bennett, M. (2013), "Bounding Nature: Conservation and Sovereignty in the Canadian and Russian Arctic", *Arctic Yearbook 2013. The Arctic of Regions & The Globalized Arctic*, in Heininen, L. (ed.), University of the Arctic, Akureyri, Iceland, pp. 85–106.

Chater, A. (2015), Explaining the Evolution of the Arctic Council, D. Sc. Thesis, Political Science, The University of Western Ontario, Ontario, Canada.

Heininen, L. (2013), "From Regional Transition to Global Change: Dualism in the Arctic", *Arctic Yearbook 2013. The Arctic of Regions & The Globalized Arctic*, in Heininen, L. (ed.), University of the Arctic, Akureyri, Iceland, pp. 24–31.

Main, St. J. (2015), *If Spring Comes Tomorrow...Russia and the Arctic*, Defense Academy of the United Kingdom, London, UK.

O'Rourke, R., Comay, L. B., Folger, P., Frittelli, J., Humphries, M., Leggett, J. A., Ramseur, J. L., Sheikh, P. A. and Upton, H. F. (2019), *Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress*, Congressional Research Service, Washington, US.

Received February 1, 2019

УДК 323.1:314/316(8=6)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344

ВОПРОСЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В РИТОРИКЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ЭЛИТ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Г. А. ДАНИЛОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Данилова Г. А. Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 330–344. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344.

Введение: в обзорно-аналитическом исследовании на основе конструктивистского подхода рассматривается эволюция риторики латиноамериканских интеллектуалов и элит по ключевому вопросу формирования единой нации в странах Латинской Америки после обретения независимости. На примере ряда стран континента (Аргентины, Перу, Бразилии, Венесуэлы) анализируются взгляды интеллектуалов и элит на перспективы нациестроительства в XIX – начале XX века, осмысление и интерпретация колониального прошлого, мнение о европейской культуре, наследии и либеральных ценностях, отношение к коренному населению и бывшим африканским рабам и определение их места в составе будущей нации, рассуждения о национальной идентичности, самобытности и уникальном пути латиноамериканского континента.

Цель: оценить роль интеллектуалов и их воздействие на векторы развития латиноамериканского региона.

Методы: конструктивистская концепция нациестроительства, которая предполагает возможность создания нации при помощи таких инструментов, как язык, общая история и мифология, практики государственного регулирования, пропаганды и социальной мобилизации.

Результаты: показано влияние различных направлений общественно-политической мысли (теорий расизма, расовой демократии, индихенизма), а также смены политических режимов на риторику интеллектуалов и элит в XX веке. Хронологически прослежено изменение риторики элит и интеллектуалов в разные исторические периоды, выявлены страновые особенности нациестроительства.

Выводы: констатируется существенный сдвиг во взглядах интеллектуалов и элит на «национальный вопрос» на современном этапе в сторону признания идей равенства прав и возможностей всех этнических групп, а также поддержки борьбы с расовой дискриминацией в государственной политике.

Ключевые слова: Латинская Америка; нациестроительство; национализм; расовые отношения; расовая демократия; метисация; интеллектуалы; элиты; коренное население; африканцы

ВВЕДЕНИЕ

Процессы нациестроительства, происходившие в мире в последние двести лет, различались в зависимости от исторического, культурного и цивилизационного контекста: они имели разную протяженность во времени, направ-

ленность и интенсивность. Причины формирования нации также разнятся, но почти везде они связаны с изменением существующего государственного устройства и институционального дизайна. В латиноамериканском регионе вопрос о нациестроительстве оказался одним из самых насущных вопросов современной постколониальной истории, поскольку возник и эволюционировал одновременно в разных социально-политических контекстах, включавших в себя национально-освободительную борьбу, задачу формирования нового государственного устройства и национальной идеологии, особенности мультирасового состава населения, проблемы расовой дискриминации (Dixon, 2019), социального неравенства и бедности, периодическую смену политических режимов («политические качели»), демократизацию. В свете остроты и нерешенности многих указанных проблем и сохраняющейся актуальности «национального вопроса» представляется интересным проследить эволюцию риторики нациестроительства с момента обретения континентом независимости до современного периода.

С обретением независимости Латинская Америка начала приобщаться к европейским либеральным ценностям, в том числе и, пожалуй, главным образом в дискуссиях о будущих нациях. Добившись независимости, большая часть бывших колоний образовала государства в уже существующих административно-политических границах, поэтому с государственным строительством проблемы не возникало, оставалось лишь сконструировать нацию в рамках заданной территории. Последнее, однако, представлялось непростой задачей, поскольку от колониального прошлого большинству новых латиноамериканских государств достался пестрый этнический состав населения, основными представителями которого являлись европейцы, африканцы и индейцы. Помимо этого, в этническом рисунке присутствовала значительная часть метисов, ставших результатом многовекового смешения между собой трех указанных групп.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологию исследования составляет конструктивистский подход к формированию национальных государств в Латинской Америке. Он предполагает обращение к целому ряду инструментов при создании нации – помимо рычагов государственного регулирования и социальной мобилизации, применяются язык, общая история и мифология.

Латиноамериканские элиты не пытались избежать обсуждения вопросов об этническом составе и его влиянии на национальную идентичность новых государств. Напротив, дискуссии о расе начались еще до обретения независимости, в дальнейшем включив в себя вопросы об отношении к колониальному прошлому, восприятию европейских культурных норм и ценностей и поиска особого пути нациестроительства с сохранением национальной самобытности. В этих дискуссиях зародился особый феномен – «латиноамериканская мысль», ставшая неотъемлемой частью постколониальной истории региона. Как отмечает С. Пайович, «латиноамериканская мысль возникает как подвижный аналитический феномен, претендующий на то,

чтобы дать оригинальное и одновременно творческое объяснение новому и очень сложному региональному контексту. Другими словами, она не ограничивается лишь теоретическими внерегиональными моделями, а наоборот, опираясь на них, выстраивает собственное видение новых исторических условий, которые характеризуются высокой степенью противоречивости» (Пайович, 2010). Латиноамериканские интеллектуалы стали тем «креативным классом», который взял на себя моральную ответственность за судьбу своих государств и выступал в качестве связующего звена между элитами и гражданами на протяжении двухсот лет с момента получения независимости.

По замечанию Н. И. Петякшевой, современную латиноамериканскую мысль трудно разделить на определенные школы или течения. В целом ее характерной чертой является идейно-содержательная общность для всего региона. Эта особенность проистекает из ряда факторов, оказавших влияние на развитие всей Латинской Америки: «относительная географическая самостоятельность; общая колониальная история, приведшая к определенной структурной унификации; сознание континентальной общности; единство языка, проявляющееся во всеобщем распространении испанского и португальского; идентичность социально-политических и экономических проблем в условиях косвенной реколонизации» (Петякшева, 2000). Кроме этого, важно отметить, что «собственно философскому анализу проблем здесь предшествует или, точнее, непосредственно включаются в контекст суждения об “американском”, интерпретация исторического развития Латинской Америки, вопросы национальной идентичности и культурной самобытности. Поиски сущности латиноамериканца как “нового человека” связаны с явлением метисации – процессом этнической и культурной ассимиляции, происходящем на континенте со времен конквисты. “Мир в целом” мыслится здесь в плане соотношения человека и универсума, культуры и истории, интерпретируемых в свете “американских обстоятельств”» (Петякшева, 2000).

Влияние интеллектуалов на векторы развития региона сложно переоценить: они участвовали в обсуждении и разработке едва ли не каждой идейно-политической, социально-экономической и культурной концепции, формируя собственный уникальный взгляд на альтернативы возможного развития стран Латинской Америки. По этому поводу оппозиционный кубинский публицист Карлос Альберто Монтанер иронично заметил: «В мире не слишком много культур, в которых интеллектуалам принадлежит столь же заметная роль, как в культуре Латинской Америки... Как только писатель или художник добивается широкой известности, он (или она) делается специалистом по всем вопросам... Этой особенности нашей культуры не стоило бы придавать большого значения, если бы не ее деструктивные последствия...» (Монтанер, 2002, с. 101–102). Несмотря на отмеченные «деструктивные последствия», интеллектуалы в Латинской Америке давали импульс к развитию новых идей и идеологий, в разное время становились «рупором власти» или «гласом народа», побуждали к гражданскому активизму или изменению государственной политики в отношении спорных вопросов и проблем, формировали актуальную повестку дня.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На начальном этапе освобождения главной задачей элит и интеллектуалов явилось обоснование и объяснение значения независимости для народов Латинской Америки. Симон Боливар Освободитель, опираясь на богатое культурное, этническое и языковое наследие континента, стремился объединить всю Южную Америку в Южные Соединенные Штаты. При этом он отчетливо понимал необходимость отмены рабства, в том числе и для привлечения на свою сторону африканских рабов в борьбе с испанской короной. Лидер кубинского освободительного движения Хосе Марти также осознавал, насколько важно для победы участие в войне африканцев и метисов. В 1895 году этот пункт был включен в совместный «Манифест Монте-Кристи», подписанный Марти и командующим повстанческими силами генералом Гомесом.

Однако отмена рабства не повлекла за собой отмену классового общества. Белые борцы за освобождение рабов быстро отказались от тех, за чью свободу еще недавно боролись. Бывшие рабы продолжали работать на тех же самых плантациях, получая за это ничтожно малую плату. Под влиянием европейского либерализма статус индейцев и индейской земли вновь и вновь подвергался нападкам. Либерализм не мог допустить существование отдельной категории людей, которые отличались бы от простых граждан, поэтому предложения отменить индейские общины были широко распространены.

Тем не менее идеи о расе и категориях людей, называемых индейцами, африканцами или метисами, не были исключены из государственной повестки. В дебатах об идентичности новых государств центральную роль начинают играть понятия метисации (Edwards, 2014), мулатизации (Adamovsky, 2017), «беления» (Geler, 2016; Telles and Flores, 2013), «расовой демократии» (Silva, 2016), то есть расово-культурных смешений (Silva and Saldivar, 2018). В целом направленность официальной риторики о нации была антирасистской и гомогенизирующей. Одновременно в ней присутствовало четкое разделение на расы (Rahier, 2014). «Идеологии национальных идентичностей обычно преуменьшали важность современного расизма, провозглашая миф о “расовой демократии” (“в нашей стране нет расизма, потому что у всех нас в венах течет смесь разных кровей”). В то же самое время эти идеологии маргинализировали и обозначали как “других” индивидов и общности, не подходящих – фенотипически и культурно – к прототипическим воображаемым, национальным и современным идентичностям» (Rahier, 2004, p. 282).

Этим концепциям противостояли идеи Доминго Сармьенто и ряда интеллектуалов, которые утверждали, что расовое смешение между «высшей» и «низшей» расами неестественно. Д. Сармьенто, Х. Инхеньерос, Э. де Кунья и многие другие интеллектуалы рубежа XIX и XX веков считали смешение с «низшими расами» препятствием к прогрессу и путем к вырождению, болезням и сумасшествию (Martínez-Echazábal, 1998, p. 24). Полагая, что латиноамериканская культура — это результат европейской культурной экспансии, принимая в широком смысле принципы либерализма и стремясь к имитации европейской и американской моделей в латиноамериканских условиях, креольская элита оказывалась в сложном положении. Мечта латиноамериканцев быть похожими на европейцев разбивалась о реальность, которая пестрила разноо-

бразными оттенками расового разнообразия. Европейские расовые теории того времени категорично осуждали смешение кровей как дегенеративное, а африканцам и индейцам отводили низший статус.

Двойственность восприятия креольской элитой испанской культуры, тяготение и отталкивание, является одной из ее характерных черт, указывал советский латиноамериканист С. Я. Серов (Серов, 1985). Попытка справиться с этим противоречием путем адаптации западных теорий человеческого различия и наследственности к своей реальности не увенчалась успехом: в среде латиноамериканских интеллектуалов конца XIX – начала XX века произошел раскол. «С одной стороны, многие латиноамериканские интеллектуалы поддерживали детерминистический дискурс о естественно “низших” расах, проклятых библейским осуждением Хама, который был основан на эволюционной теории и “научных” принципах социального дарвинизма. С другой стороны, существовала видимая вера в политическую и социальную жизнеспособность гибридных популяций» (Martínez-Echazábal, 1998, p. 30).

Так, будущий аргентинский президент Д. Сармьенто полагал латиноамериканскую цивилизацию абсолютно несостоятельной из-за метисного (индейско-мулато-гаучского) характера, а «корень аргентинских бед видел в социально-экономической и культурной отсталости, которая проистекала из-за малочисленности креольского населения и его неспособности обеспечить прогресс и развитие страны» (Казаков, 2012, с. 64). Аргентинский интеллектуал рассматривал историю страны через противопоставление «варварства-цивилизации», метисов и испанцев, деревни и города (Сармьенто, 1988). Массовая европейская иммиграция, по мнению Сармьенто, должна была «исправить расу» и привить европейские ценности. Также национальному единению должно было способствовать всеобщее просвещение народа.

Более радикальной позиции в этом вопросе придерживался бразильский исследователь Раймундо Нина Родригес, отстаивавший идею врожденной криминальности афро-бразильцев на основании отличия их формы черепа от черепа европейца. Родригес даже предлагал создать два уголовных кодекса в Бразилии – один для европейцев, другой для африканцев (Schwarcz, 2003, p. 10).

В то же время некоторые интеллектуалы предпочитали ломать европейские стереотипы о континенте и предлагали новые идейно-политические решения и оптимистичные сценарии развития региона (Кирчанов, 2016). К началу XX века ряд авторов выступал за благотворное влияние расового смешения и постепенное «беление» населения. Особенно актуально это было для бразильской элиты, которая ввиду значительной доли метисов в составе населения не могла поощрять расовую эндогамию африканцев (Schwarcz, 2011). Расовое смешение как инструмент «беления» и создания идеальной нации (в том числе при помощи европейской иммиграции) было популярной идеей у элит и интеллектуалов в ряде стран Латинской Америки в первой четверти XX века (Rahier, 2018). «Венесуэле не будет спасения, пока она не решит, как ей стать европейской страной... – заявлял венесуэльский историк литературы Руфино Бланко-Фомбона, – ... мы в двух шагах от джунглей из-за наших

черных и индейцев; большая часть нашей страны мулаты, метисы и самбо, со всеми дефектами, которые Спенсер признал в гибридности; мы должны передать возрождающую кровь в наши вены» (Wright, 1993, p. 57–58).

В 1930-е годы многие латиноамериканские интеллектуалы и элиты все еще продолжали считать, что этнический состав тормозит прогресс и модернизацию их стран, но одновременно появились и те, которые поставили знамя этнического национализма на службу революционной борьбе. Это время расцвета индихенизма, который как идейно-политическое и этнокультурологическое течение зародился во второй половине XIX века. Индихенизм представлял собой направление общественной мысли и государственную политику, направленную на улучшение условий жизни коренных народов, их политическую и социальную включенность. В период с 1910 по 1940 годы индихенисты объединялись в кружки в Перу, Боливии, Эквадоре. Молодые интеллектуалы размышляли об особой роли коренных народов в формировании национальной идентичности, индейском мире как источнике ценностей, стремились к решению индейского вопроса путем социальной революции (Шинкаренко, 2011, с. 78).

Один из представителей индихенизма, перуанский интеллектуал и политический деятель левого толка Хосе Карлос Мариатеги, так же, как и столетие назад, хорошо понимал значение массового участия перуанских индейцев в социальных революциях. Революционный национализм Мариатеги, который последний отличал от национализма развитых стран, должен был стать основой для национального возрождения Перу. Именно доиспанское прошлое страны в виде коллективной организации инков, первобытного индейского коммунизма являлось, по мнению мыслителя, альтернативным путем самобытного, не зависящего от Европы, развития Перу (Коларов, 2013, с. 98–99).

В статье 1924 года Мариатеги раскритиковал консервативную ориентацию современной перуанской литературы, романтизированной испанское колониальное прошлое страны вместо того, чтобы принять историю инков. Для него андские индейцы были неотъемлемой частью перуанской действительности (Montenegro, 2017, p. 37). В работе «Семь очерков истолкования перуанской действительности» (1927 года) он писал: «Новое поколение перуанцев чувствует и знает, что прогресс Перу будет мнимым или, по меньшей мере, не перуанским, если он не станет делом рук перуанского народа, 4/5 которого составляют индейцы-крестьяне» (Шинкаренко, 2011, с. 79–80). Являясь представителем традиционалистского индихенизма, Хосе Мариатеги негативно относился к расовому смешению, считая, что метисная культура исключает индейцев из общества, делает их невидимыми. Тем более удивительно, что отношение перуанского интеллектуала к афро-перуанцам было сугубо расистским: он считал их примитивным и варварским пережитком колониального прошлого Перу (Montenegro, 2017, p. 40).

Как отмечает А. Шинкаренко, «впоследствии индихенизм националистического толка стал одной из характерных черт перуанского апризма» (Шинкаренко, 2011, с. 79). Виктор Рауль Айя де ла Торре, еще один видный перуанский интеллектуал и политик, основатель АПРА (Американского народно-революционного альянса), начинавший свою деятельность в левом

лагере вместе с Мариатеги, но позднее вступивший с ним в идеологический конфликт, задумывался об особом, отличном от европейского, пути развития региона. Одновременно с Мариатеги он размышлял о роли индейских крестьян в социальной революции и считал их основной движущей силой. Как последователь марксизма, основную беду индейского населения он видел в безземелье и эксплуатации. Т. В. Гончарова подчеркивает, что на взгляды Айя де ла Торре относительно социально-экономического положения индейцев значительное влияние оказала его поездка в Сьерру, «где преобладало индейское крестьянство, и его взору предстала тягостная картина нищеты, бесправия и глубочайшего унижения “бронзовой” расы» (Гончарова, 2005). В отличие от Х. Мариатеги Айя де ла Торре выступал за расовое смешение, так как считал индейскую группу определяющей в процессе метисации, а метисов – «решающим фактором культурно-психологической индеанизации общества» (Гончарова, 2005).

Тем не менее взгляд на африканцев и индейцев как значимых акторов в процессе метисации и развития латиноамериканского общества был в основном нехарактерен для интеллектуалов как левого, так и правого толка в 1930–40-е годы. Одним из немногих исследователей, рассматривавших этот аспект, являлся венесуэльский антрополог Мигель Акоста Саиньес. Будучи марксистом, он полагал, что длительный процесс расового и культурного смешения скорее африканизировал белых и коричневых (*пардо*), чем испанизировал черных. История венесуэльской культуры, утверждал Саиньес, это «история индигенизации и африканизации испанцев в наших землях» (Wright, 1993, p. 119–120).

Отличный от традиционного взгляд на культурный вклад африканцев в формирование венесуэльской национальной идентичности предложил Альфредо Мачадо. Он подверг критике европейскую и североамериканскую расистскую мысль о неполноценности расового смешения и называл большой ошибкой представление об африканцах как варварском, диком, примитивном народе. Мачадо утверждал, что большинство африканских рабов прибыли в Венесуэлу из регионов, в которых культурный уровень был гораздо выше уровня коренных американцев (за исключением ацтеков и инков). Мачадо отошел от традиционного рассмотрения процесса расового смешения как беления. Черная кровь, по его мнению, улучшала расовую смесь в Венесуэле, так как придавала ей желательные физические характеристики, помогавшие выжить в недружелюбной окружающей среде. Африканцы, по его мнению, тоже выиграли от смешения, приобщившись к более высокой цивилизации (Wright, 1993, p. 117–118).

В 1930-е годы в официальной риторике появилась и довольно скоро получила широкое распространение теория расовой демократии, создателем которой является бразильский социолог Жилберто Фрере. Фрере утверждал, что расовое смешение португальских колонизаторов с индейцами и африканцами оказало на Бразилию благотворный эффект. Смешанные браки на протяжении нескольких веков давно стерли границы между расовыми и этническими группами в стране, и поэтому, считал исследователь, Бразилия является страной победившей расовой демократии. Бразильское расовое смешение, по мнению Фрере, представляет собой уникальную цивилизационную модель,

которую нужно принимать и даже экспортировать. Отличительные черты португальцев – их гибридное происхождение и географическую близость к Америке и Африке – Фрере считал ключевыми для того, чтобы появилась бразильская нация – народ, не расположенный к предрассудкам, толерантный к отличиям и привычный к различным культурным элементам (Freyre, 1933).

Особенностью авторитарных режимов второй половины XX века в Латинской Америке стала эксплуатация революционного национализма в целях сплочения нации, переформулирования национальной идентичности и в отдельных случаях создания корпоративистского государства. Перуанский национализм во второй половине XX века «дополнили» как слева, так и справа, причем в обоих случаях авторитарные лидеры, отмечает латиноамериканская публицистка Китти Сэндерс: слева это сделал Веласко Альварато (лидер военной хунты) со своим Планом Инка и жесткой интеграцией коренных жителей в перуанское общество, а справа – Альберто Фухимори¹.

Генерал Хуан Веласко Альварато пришел к власти в 1968 году в результате военного переворота в Перу, сместившего с поста президента Белаунде Терри. Символом масштабного националистического проекта нового режима в этот период становится фигура Тупака Амару II (настоящее имя – Хосе Габриэль Кондорканки Ногера) – латиноамериканского революционера, организатора и руководителя восстания коренных народов против испанских колониальных властей. Веласко Альварато рассчитывал, что, создав корпоративистское государство и включив в него все слои общества, в том числе крестьянство, сможет обеспечить экономический подъем страны. Символ Тупака Амару лучше всего подходил в качестве политического инструмента по привлечению индейского населения в националистический проект.

Все революционное и националистическое в период режима Веласко носило имя Тупака Амару: в каждом городе его именем были названы новые памятники, площади и улицы; на плакатах министерства сельского хозяйства, посвященных аграрной реформе, было его изображение; экспроприированные асьенды с аристократическими испанскими названиями переименовывались в его честь; портрет Тупака Амару даже отчеканили на монете в 50 солей (Hawkins, 2013). Тем самым новый режим легитимировал индейское население, давая понять, что он на стороне индейского крестьянства в его борьбе против неравенства и дискриминации.

Однако не все авторитарные и военные режимы практиковали революционный или этнический национализм (Емельянов, 2018). Так, в 1964 году к власти в Бразилии пришла военная хунта, которая подавила все проявления гражданского общества, и в том числе движение афро-бразильцев за свои права. В этот период прекращается любая полемика по расовому вопросу. Военные поддерживали идею бразильской «расовой демократии», и правительственная цензура изымала из СМИ любую критику образа гармоничных расовых отношений в Бразилии. Репрессии против любых этнических групп были характерны для бразильских авторитарных режимов. Диктатор Жетулиу Варгас, единолично правивший Бразилией с 1930 по 1945 годы, тоже

¹ *Что мы знаем и чего не знаем о Латинской Америке* [Электронный ресурс]. 2018. 21 февр. URL: <http://gefeter.ru/archive/24100> (дата обращения: 11.02.2019).

объявил черные объединения и движения вне закона. Дискуссии о правах афро-бразильцев в то время были невозможны, так как, согласно идеологии диктатуры Варгаса, «каждый был сыном государства».

В целом идея расовой демократии укоренилась в умах элит и граждан Латинской Америки на добрую половину XX века, и ее устойчивость не зависела от характера политического режима. В демократической (с 1958 года) Венесуэле миф о расовой демократии был столь же популярен, сколько удобен элитам для сглаживания социально-экономических противоречий. «Все мы кофе с молоком... где-то больше кофе, где-то молока» – такой метафорой характеризовали латиноамериканские интеллектуалы и элиты расовую ситуацию в своих странах (Ceaser, 2003).

В то же время в 1960–80-е годы латиноамериканская мысль в отношении расы и национальной идентичности начинает постепенно трансформироваться и отходить от идеи расовой демократии, все чаще называя ее мифом. Фокус размышлений сдвигается к вопросам социального и расового неравенства. Параллельно с этим активизируются индейские и африканские этнические организации, выступая с требованиями как социально-экономического, так и политического характера. Усилившаяся борьба индейцев и африканцев за свои права, безусловно, была связана с процессами демократизации, происходившими на самом континенте и по всему миру. Гражданские активисты впервые со времени войны за независимость получили возможность громко заявить о своей позиции по отношению к нации и расе. В конце XX века дискуссии о нации наконец переместились на низовой уровень и перестали быть уделом высокопоставленных интеллектуалов и элит. В 1980–1990-е годы в Бразилии и Венесуэле тема африканского наследия начинает исследоваться изнутри, силами чернокожих активистов и ученых. Коренное население начинает разделять идеи индеанизма, в основе которого лежит тезис о необходимости решать проблемы индейского населения только его собственными силами, опираясь на собственное культурное наследие.

Первым бразильским президентом, публично и официально отказавшимся от мифа о расовой демократии в стране, стал Фернандо Энрике Кардозо. Президент-интеллектуал, в студенческие годы работавший под началом известного бразильского антрополога Ф. Фернандеса и сделавший тогда первые шаги по развенчанию мифа, в 1995 году заявил, что расовая дискриминация афро-бразильцев существовала в Бразилии всегда (Dos Santos, 2006, p. 32). Ярким представителем индейского ренессанса в политике, безусловно, является современный боливийский президент Эво Моралес, который отстаивает интересы индейцев. Он провозгласил государственными языки кечуа и аймара и начал поддерживать религии коренного населения. В целом период демократизации 1980–1990-х годов и пришедшего вслед за ней левого поворота ознаменовался «этническим ренессансом» коренных и африканских групп населения, включением их в политическую повестку и процесс, фокусированием внимания на проблемах темнокожего и индейского населения, борьбой с расовым неравенством и дискриминацией на государственном уровне путем изменения конституций, принятия новых законов и программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, за три века с момента получения независимости риторика латиноамериканских интеллектуалов и элит претерпела существенную эволюцию вплоть до кардинальных изменений во взглядах на нациестроительство. Пройдя сложный и тернистый путь от расистского неприятия и отрицания значимости коренного и африканского населения в формировании нации, через «беление» и вынужденное включение этих групп в качестве «растворимых» элементов в состав единой метисной нации, через игнорирование социального неравенства и политическую «невидимость» интеллектуалы и элиты закономерно пришли к идеям равенства прав и возможностей всех этнических групп, поддержке борьбы с расовой дискриминацией в государственной политике и пониманию современной нации, в которой помимо коричневого большинства слышны и значимы голоса этнических меньшинств.

Библиографический список

Гончарова Т. В. Историософия Айя де ла Торре. Размышления о судьбах Америки // Латинская Америка. 2005. № 2. С. 59–68.

Емельянов А. И. Становление взаимоотношений между армией и обществом в государствах Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 794. С. 9–17.

Казаков В. П. Альберди Х. Б. и Сармьенто Д. Ф.: два проекта модернизации Аргентины // Латиноамериканский исторический альманах. 2012. № 12. С. 58–86.

Кирчанов М. В. Национализм, история, память: воображение, изобретение и политические манипуляции (от европейского исторического опыта к латиноамериканистике) // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 23–31.

Коларов Г. И. Идеино-политическая концепция Хосе Карлоса Мариатеги: влияние на левое движение в Латинской Америке // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 98–106.

Монтанер К. А. Культура и поведение элит в Латинской Америке // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона; пер. А. Захарова. М.: Моск. школа полит. исследований, 2002. С. 94–106.

Пайович С. Понятие интеграции в латиноамериканской мысли / Пер. А. Салтайс // Латинская Америка. 2010. № 4. С. 31–45.

Петякшева, Н. И. Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2000. 32 с.

Серов С. Я. Этнический облик колониального Перу // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 127–135.

Сармьенто Д. Ф. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычай и нравы Аргентинской

- республики / Отв. ред. Г. В. Степанов; пер. Н. С. Попрыкиной. М.: Наука, 1988. 272 с.
- Шинкаренко А. А. Становление индихенизма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2011. № 10. С. 76–88.
- Adamovsky E. Ethnic Nicknaming: 'Negro' as a Term of Endearment and Vicarious Blackness in Argentina // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. 2017. Vol. 12, № 3. P. 273–289. DOI: 10.1080/17442222.2017.1368895.
- Ceaser M. More than Skin Deep [Электронный ресурс] // Latinamerica Press. 2003. 8 Apr. URL: <http://www.lapress.org/article.asp?IssCode=&lanCode=1&artCode=3296> (дата обращения: 20.10.2018).
- Dixon A. R. Colorism and Classism Confounded: Perceptions of Discrimination in Latin America // Social Science Research. 2019. Vol. 79. P. 32–55. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.12.019.
- Dos Santos S. A. Who Is Black in Brazil? A Timely or a False Question in Brazilian Race Relations in the Era of Affirmative Action? // Latin American Perspectives. 2006. Vol. 33, № 4. P. 30–48. DOI: 10.1177/0094582X06290122.
- Geler L. African Descent and Whiteness in Buenos Aires: Impossible Mestizajes in the White Capital City // Rethinking Race in Modern Argentina / Ed. by P. L. Alberto, E. Elena. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 213–240. DOI: 10.1017/CBO9781316228050.010.
- Edwards E. Mestizaje, Córdoba's Patria Chica: Beyond the Myth of Black Disappearance in Argentina // African and Black Diaspora: An International Journal. 2014. Vol. 7, № 2. P. 89–104. DOI: 10.1080/17528631.2014.909120.
- Freyre G. Casa-grande e Senzala: Formação da Família Brasileira Sob o Regime de Economia Patriarcal. Rio de Janeiro: Maia & Schmidt, 1933. 517 p.
- Hawkins R. Tupac Amaru as a Symbol of Peruvian Nationalism [Электронный ресурс]. 2013. 13 May. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/301b/38871f8fc669b6e485860a0404a3b6383236.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
- Martínez-Echazábal L. Mestizaje and the Discourse of National / Cultural Identity in Latin America, 1845–1959 // Latin American Perspectives. 1998. Vol. 25, № 3. P. 21–42. DOI: 10.1177/0094582X9802500302.
- Montenegro G. Indigenismo and Futurism in Latin America: José Carlos Mariátegui and the Peruvian Avant-garde // International Yearbook of Futurism Studies. 2017. № 7. P. 29–59.
- Rahier J. M. Blackness in the Andes: Ethnographic Vignettes of Cultural Politics in the Time of Multiculturalism. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 256 p. DOI: 10.1057/9781137272720.
- Rahier J. M. The Study of Latin American "Racial Formations": Different Approaches and Different Contexts // Latin American Research Review. 2004. Vol. 39, № 3. P. 282–293.
- Rahier J. M. The Multicultural Turn, The New Latin American Constitutionalism, and Black Social Movements in the Andean Sub-Region // The Andean World / Ed. by L. J. Seligmann, K. S. Fine-Dare. London: Routledge, 2018. P. 389–403.
- Schwarcz L. Not Black, not White: Just the Opposite. Culture, Race and National Identity in Brazil. Working Paper CBS-47-03. Oxford: Centre for Brazilian Studies University of Oxford, 2003. 51 p.

Szwarcz L. Previsões São Sempre Traiçoeiras: João Baptista de Lacerda e seu Brasil Branco // *História, Ciências, Saúde–Manguinhos*. 2011. Vol. 18, № 1. P. 225–242. DOI: 10.1590/S0104-59702011000100013.

Silva G. M. After Racial Democracy: Contemporary Puzzles in Race Relations in Brazil, Latin America and Beyond from a Boundaries Perspective // *Current Sociology*. 2016. Vol. 64, № 5. P. 794–812. DOI: 10.1177/0011392115590488.

Silva G. M., Saldivar E. Comparing Ideologies of Racial Mixing in Latin America: Brazil and Mexico // *Sociologia e Antropologia*. 2018. Vol. 8, № 2. P. 427–456. DOI: 10.1590/2238-38752017v824.

Silva G. M., Leão S. L., Grillo B. Seeing Whites: Views of Black Brazilians in Rio de Janeiro [Электронный ресурс] // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. 26 March. DOI: 10.1080/01419870.2019.1585897. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01419870.2019.1585897?journalCode=rers20> (дата обращения: 13.03.2019).

Telles E., Flores R. Not Just Color: Whiteness, Nation, and Status in Latin America // *Hispanic American Historical Review*. 2013. Vol. 93, № 3. P. 411–449. DOI: 10.1215/00182168-2210858.

Wright W. R. *Café con Leche: Race, Class and National Image in Venezuela*. Austin: University of Texas Press, 1993. 184 p.

Информация об авторе

Данилова Галина Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1069-5411

ResearcherID: N-3087-2018

Электронный адрес: danilova@psu.ru

Статья получена 15 мая 2019 года

UDC 323.1:314/316(8=6)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344

ISSUES OF NATION-BUILDING IN THE LATIN AMERICAN INTELLECTUALS AND ELITES RHETORIC: FROM THE PAST TO THE PRESENT

Galina A. Danilova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID 0000-0002-1069-5411

ResearcherID N-3087-2018

E-mail: danilova@psu.ru

For citation:

Danilova, G. A. (2019), "Issues of Nation-Building in the Latin American Intellectuals and Elites Rhetoric: From the Past to the Present", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 330–344, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344.

Introduction. The review and analytical study based on the constructivist approach, examines the evolution of the Latin American intellectuals and elites rhetoric on the key issue of nation-building in Latin America after independence. Based on the example of a number of countries of the continent (Argentina, Peru, Brazil, Venezuela), analyses were made of the views of intellectuals and elites on the prospects of nation-building in the XIX – early XX century, the understanding and interpretation of the colonial past, the opinion of European culture, heritage and liberal values, the attitude to the indigenous population and former African slaves and the definition of their place in the future nation, reasoning about national identity and unique way of the Latin American continent.

Aims. To estimate the role of intellectuals and their influence on vectors of development of the Latin American region.

Results. The influence of different directions of social and political thought (theories of racism, racial democracy, indigenism), as well as the change of political regimes, on the rhetoric of intellectuals and elites in the XX century has been demonstrated. The change of rhetoric of elites and intellectuals in different historical periods has been traced chronologically, with features of nation-building for a specific country being revealed.

Conclusion. At the present stage there is a significant shift in the views of intellectuals and elites on the “national question” towards the recognition of the ideas of equality of rights and opportunities of all ethnic groups, as well as support for the fight against racial discrimination in public policy.

Key words: Latin America; nation-building; nationalism; racial relations; racial democracy; metisation; intellectuals; elites; indigenous people; Africans

References

Goncharova, T. V. (2005), “Historiosophia de Aya de la Torre. Reflexiones Sobre los Destines de América”, *Latinskaia Amerika*, no. 2, pp. 59–68.

Emelianov, A. I. (2018), “The Army and Society Interrelations Formation in the States of Latin America”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, no. 794, pp. 9–17.

Kazakov, V. P. (2012), “Alberdi J. B. and Sarmiento D. F.: Two Projects of Modernization in Argentina”, *Latin-American Historical Almanac*, no. 12, pp. 58–86.

Kirchanov, M. V. (2016), “Nationalism, History, Memory: Imagination, Invention and Political Manipulations (from European Historical Experience to Latin American Studies)”, *Latin American Political Transformations*, no. 3, pp. 23–31.

Kolarov, G. I. (2013), “Ideology-political Conception of Jose Carlos Mariategui: the Influence on Leftists of Latin America”, *RUDN Journal of Political Science*, no. 3, pp. 98–106.

Montaner, K. A. (2002), “Culture and Behavior of Elites in Latin America”, in Harrison, L. and Huntington, S. (ed.), Translated by Zaharov, A., *Kul'tura imeet znachenie: kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], The Moscow School of Political Studies, Moscow, Russia, pp. 94–106.

- Pajovic, S. (2010), "The Concept of Integration in Latin-American Thoughts", Translated by Saltais, A., *Latinskaia Amerika*, no. 4, pp. 31–45.
- Petyaksheva, N. I. (2000), "The Latin American "Philosophy of Liberation" in the context of Comparative Studies", Abstract of D. Sc. dissertation, Philosophy History, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
- Serov, S. Ya. (1985), "Ethnic Appearance of Colonial Peru", in Tishkov, V. A. (ed.), *Istoricheskie sud'by amerikanskikh indejtssev. Problemy indeanistiki* [Historical Destinies of American Indians. Problems of Indian Studies], Publishing House "Nauka", Moscow, Russia, pp. 127–135.
- Sarmiento, D. F. (1988), *Tsivilizatsiya i varvarstvo. Zhizneopisanie Huana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskij oblik, obychaj i nruvy Argentinskoj respubliki* [Civilizacion y Barbarie. Viva de Juan Faundo Quiroga y Aspecto Fisico, Costumbres y Habitros de la Republica Argentina], in Stepanov, G. V. (ed), Translated by Poprykina, N. S., Publishing House "Nauka", Moscow, Russia.
- Shinkarenko, A. A. (2011), "El Devenir del Indigenismo en América Latina", *Latinskaia Amerika*, no. 10, pp. 76–88.
- Adamovsky, E. (2017), "Ethnic Nicknaming: 'Negro' as a Term of Endearment and Vicarious Blackness in Argentina", *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 273–289, doi: 10.1080/17442222.2017.1368895.
- Ceaser, M. (2003), "More than Skin Deep" [Online], Latinamerica Press, available at: <http://www.lapress.org/article.asp?IssCode=&lanCode=1&artCode=3296> (Accessed 20 October 2018).
- Dixon, A. R. (2019), "Colorism and Classism Confounded: Perceptions of Discrimination in Latin America", *Social Science Research*, vol. 79, pp. 32–55, doi: 10.1016/j.ssresearch.2018.12.019.
- Dos Santos, S. A. (2006), "Who Is Black in Brazil? A Timely or a False Question in Brazilian Race Relations in the Era of Affirmative Action?", *Latin American Perspectives*, vol. 33, no. 4, pp. 30–48, doi: 10.1177/0094582X06290122.
- Geler, L. (2016), "African Descent and Whiteness in Buenos Aires: Impossible Mestizajes in the White Capital City", in Alberto, P. L. and Elena, E. (ed.), *Rethinking Race in Modern Argentina*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 213–240, doi: 10.1017/CBO9781316228050.010.
- Edwards, E. (2014), "Mestizaje, Córdoba's Patria Chica: Beyond the Myth of Black Disappearance in Argentina", *African and Black Diaspora: An International Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 89–104, doi: 10.1080/17528631.2014.909120.
- Freyre, G. (1933), *Casa-grande e Senzala: Formação da Família Brasileira Sob o Regime de Economia Patriarcal*, Maia & Schmidt, Rio de Janeiro, Brazil.
- Hawkins, R. (2013), "Tupac Amaru as a Symbol of Peruvian Nationalism" [Online], available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/301b/38871f8fc669bbe485860a0404a3b6383236.pdf> (Accessed 10 February 2019).
- Martínez-Echazábal, L. (1998), "Mestizaje and the Discourse of National / Cultural Identity in Latin America, 1845–1959", *Latin American Perspectives*, vol. 25, no. 3, pp. 21–42, doi: 10.1177/0094582X9802500302.
- Montenegro, G. (2017), "Indigenismo and Futurism in Latin America: José Carlos Mariátegui and the Peruvian Avant-garde", *International Yearbook of Futurism Studies*, no. 7, pp. 29–59.

Rahier, J. M. (2014), *Blackness in the Andes: Ethnographic Vignettes of Cultural Politics in the Time of Multiculturalism*, Palgrave Macmillan, New York, US, doi: 10.1057/9781137272720.

Rahier, J. M. (2004), "The Study of Latin American "Racial Formations": Different Approaches and Different Contexts", *Latin American Research Review*, vol. 39, no. 3, pp. 282–293.

Rahier J. M. (2018), "The Multicultural Turn, The New Latin American Constitutionalism, and Black Social Movements in the Andean Sub-Region", in Seligmann, L. J. and Fine-Dare, K. S. (ed.), *The Andean World*, Routledge, London, UK, pp. 389–403.

Schwarcz, L. (2003), *Not Black, not White: Just the Opposite. Culture, Race and National Identity in Brazil. Working Paper CBS-47-03*, Centre for Brazilian Studies University of Oxford, Oxford, UK.

Schwarcz, L. (2011), "Previsões São Sempre Traiçoeiras: João Baptista de Lacerda e seu Brasil Branco", *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*, vol. 18, no. 1, pp. 225–242, doi: 10.1590/S0104-59702011000100013.

Silva, G. M. (2016), "After Racial Democracy: Contemporary Puzzles in Race Relations in Brazil, Latin America and Beyond from a Boundaries Perspective", *Current Sociology*, vol. 64, no. 5, pp. 794–812, doi: 10.1177/0011392115590488.

Silva, G. M. and Saldivar, E. (2018), "Comparing Ideologies of Racial Mixing in Latin America: Brazil and Mexico", *Sociologia e Antropologia*, vol. 8, no. 2, pp. 427–456, doi: 10.1590/2238-38752017v824.

Silva, G. M., Leão, S. L. and Grillo, B. (2019), "Seeing Whites: Views of Black Brazilians in Rio de Janeiro" [Online], *Ethnic and Racial Studies*, doi: 10.1080/01419870.2019.1585897, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01419870.2019.1585897?journalCode=rers20> (Accessed 13 March 2019).

Telles, E. and Flores, R. (2013), "Not Just Color: Whiteness, Nation, and Status in Latin America", *Hispanic American Historical Review*, vol. 93, no. 3, pp. 411–449, doi: 10.1215/00182168-2210858.

Wright, W. R. (1993), *Café con Leche: Race, Class and National Image in Venezuela*, University of Texas Press, Austin, US.

Received May 15, 2019

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2019. Т. 11, № 2 (184–344)

Редактор *М. А. Шемякина*
Корректоры *О.В. Сивинцева, И. Р. Саматов*
Компьютерная верстка *Н. С. Кнутовой*

Дата выхода в свет 28.06.2019. Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 13,65. Тираж 500 экз. Заказ № 166 397

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного и муниципального управления
Тел. (342) 2396689
ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно